МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: История и право

Научный журнал

Том 12 № 5 / 2022

Proceedings
of the Southwest State University
Series: History and Law

Scientific Journal

Vol. 12 № 5 / 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право (Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовносоного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Политология: 23.00.05; 5.5.2; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, доцент, Региональный открытый социальный институт (г. Курск, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор**,** Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)
Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)
Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)
Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)
Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)
Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Русскевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)
Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)
Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)
Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)
Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)
Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)
Устинович Елена Степановна, д-р полит. наук, доцент, Курская государственная сельскохозяйственная академия (г. Курск, Россия)
Хисамутдинова Равиля Рахимяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)
Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)
Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)
Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Адрес учредителя, издателя и редакции:
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: (4712) 22-25-26,
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Юго-Западный государственный университет, 2022

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 12.10.2022.
Дата выхода в свет 08.11.2022. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 25,1.
Тираж 1000 экз. Заказ 52.

Proceedings of the Southwest State University
Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctorial or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Political Studies: 23.00.05; 5.5.2; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Kursk, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)
Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)
Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)
Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)
Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)
Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)
Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)
Tatiyana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)
Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)
Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)
Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)
Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)
Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State Agricultural Academy (Kursk, Russia)
Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)
Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)
Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)
Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Southwest State University, 2022

Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

16+

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

Sent to the printer 12.10.2022.
Release 08.11.2022. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 25,1.
Circulation 1000 copies. Order 52.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО 10

Метод профессора О. А. Красавчикова……..... ……10

Гонгало Б. М.

Субъекты права социальных сетей: к вопросу об определении правового статуса пользователей 28

Богдан В. В., Лаксми Л.

Юридически значимые сообщения в семейных правоотношениях: к вопросу о межотраслевом взаимодействии…….....……..39

Каймакова Е. В., Коротких О. А., Сурков А. Н.

Система гражданско-правовых договоров, способствующих снабжению покупателей (потребителей) электроэнергией…… .....……49

Новрузова О. Б.

О некоторых проблемах очерёдности удовлетворения требований кредиторов по делам о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц…… .....……..60

Абрамова Н. Е., Пыльнев Ю. А.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ 71

Криминогенность миграционных процессов: и снова о шкале рисков 71

Лопашенко Н. А.

Дифференциация уголовной ответственности соучастников преступления 82

Рогова Е. В., Забавко Р. А.

Понятие киберпреступности в Российской Федерации и Республике Казахстан 94

Карабеков К. О.

Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков на территории Омской области 103

Бойко В. П.

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 115

Статус прокуратуры Российской Федерации в координационной деятельности по предупреждению преступных проявлений…….....……115

Титова А. А., Грачёва О. А.

ПОЛИТОЛОГИЯ 126

Парламентско-монархические институты современных европейских государств: перспективы и трансформации…… ..... ……126

Цыбаков Д. Л.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ 136

Основные тенденции развития винокуренного производства в России (XVI – XVIII века)..... 136

Горюшкина Н. Е., Колупаев А. А.

Особенности притока однодворцев в города Центрального Черноземья в XVII – XIX веках… ..... …148

Кудланов К. Б.

Кредитная политика на Южном Урале в начале XX века…… ..... ……159

Жайбалиева Л. Т.

Развитие физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы на кафедре физического воспитания Курского политехнического института (60–70-е годы XX века)..... 168

Цуканова О. М., Карпова Г. Г.

Установление многоаспектной и многоуровневой типизации на примере исследования истории метеорологического обеспечения Военно-воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)……..... ……..178

Гаврилов А. Г., Прямицын В. Н.

Реформирование управления лесами в Российской империи в середине XIX века Первые шаги реформы (на примере Курской губернии)…….189

Никифоров С. А.

Землепользование и система хозяйства в России в начале XX века 199

Колупаев А. А.

О реализации задач инспектирования школьных учреждений России в 1921–1923 годы (на примере Курской губернии)…… ..... ……..208

Соловьянова М. В.

К сведению авторов …… 216

CONTENT

CIVIL LAW……10

The method of Professor O. A. Krasavchikov…….10

Bronislav M. Gongalo

Subjects of the Law of Social Networks: on the Definition of Legal Status of Users……..28

Varvara V. Bogdan, E Laxmi Lydia

Legally Relevant Communications in Family Law Relations: on Cross-Sectoral Interaction……..39

Elena V. Kaymakova, Olga A. Korotkih, Alexander N. Surkov

The System of Civil Law Contracts that Facilitate the Supply of Electricity to Customers (Consumers)…. .49

Oxana B. Novruzova

On Some Problems of the Priority of Satisfaction the Claims of Creditors in Cases of Insolvency of Legal Entities……..60

Natalia E. Abramova, Yuri A. Pylnev

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY……71

Criminogenicity of Migration Processes: and Again about the Risk Scale……..71

Natalia A. Lopashenko

Differentiation of Criminal Liability of Accomplices in a Crime……..82

Evgeniya V. Rogova, Roman A. Zabavko

The Concept of Cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan…….94

Kanatbek O. Karabekov

The State of Crime in the Field of Drug Trafficking in the Omsk Region.....103

Viktor P. Boyko

JUDICIAL ACTIVITY, PROSECUTORIAL ACTIVITY……115

Status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in Coordination Activities to Prevent Criminal Manifestations……..115

Anzhela A. Titova, Olga A. Gracheva

POLITICAL SCIENCES……126

Parliamentary-Monarchical Institutions Of Modern European States : Prospects And Transformations…… ..126

Dmitry L. Tsybakov

HISTORICAL SCIENCES……136

The Main Trends in the Development of Distillery Production in Russia (XVI – XVIII Centuries)……..136

Natalia E. Goryushkina, Andrej A. Kolupaev

Peculiarities of the One-Courtyard People Inflow Into the Cities of the Central Chernozem Region in the XVII–XIX Centuries……147

K. B. Kudlanov

Credit Policy in the Southern Urals at the Beginning of the XX Century…….159

Luzia T. Zhaybalieva

Development of Physical Culture and Recreation and Mass Sports Work at the Department of Physical Education of the Kursk State Polytechnic Institute (60–70 of the 20th Century)……..168

Olga M. Tsukanova, Galina G. Karpova

The Establishment of Multidimensional and Multilevel Typing on the Example of History Research Meteorological Support of the Red army air Force During the Great Patriotic War (1941–1945)……..... …..178

Alexey G. Gavrilov, Vladimir N. Pryamitsyn

Forest Management Reform in the Russian Empire in the Mid – Nineteenth Century. The First Steps of the Reform (on the Example of the Kursk Province)…….....……189

Sergey A. Nikiforov

Land USE and the Economy System in Russia at the Beginning of the 20th Century……..... …...199

Andrei A. Kolupaev

On the Implementation of the Tasks of Inspecting School Institutions in Russia in 1921–1923 (on the Example of Kursk Province) …….....…….208

Marina V. Solovyanova

К сведению авторов…… ……. ……216

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

CIVIL LAW

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-10-27

(cc) BY 4.0

Метод профессора О. А. Красавчикова

Б. М. Гонгало[1] ✉

[1]Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ул. Комсомольская 21, г. Екатеринбург 620066, Российская Федерация

✉ e-mail: uril3713641@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Современный этап развития науки гражданского права неразрывно связан с утверждением Министерством высшего образования и науки Российской Федерации новой номенклатуры научных специальностей, в соответствии с которой на смену научной специальности 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право» пришла расширенная научная специальность 5.1.3 «Частно-правовые науки». Вместе с тем обращение к методам проведения научных исследований, разработанных ведущими учеными, каким, несомненно, был доктор юридических наук, профессор О. А. Красавчиков, позволяет обогатить методологию науки гражданского права и не позволить под влиянием реформы номенклатуры утратить специфику методологии проводимых цивилистических исследований. Статья является обновленным вариантом работы автора «Метод О. А. Красавчикова», опубликованной в 2006 г.*

Целью *исследования выступает формулирование научного представления о значении научного наследия доктора юридических наук, профессора О. А. Красавчикова для цивилистической науки.*

Задачи: *изучить специфику работы профессора О. А. Красавчикова по созданию научной школы, оценить значение научных работ О. А. Красавчикова для дальнейшего развития науки гражданского права.*

Методология *исследования представлена комплексом общенаучных методов научного познания (анализ, интерпретации, формально-логический).*

Результаты. *Показаны основные направления научной и профессиональной деятельности профессора О. А. Красавчикова; выработаны методологические подходы к исследованию научного наследия ученых-цивилистов.*

Вывод. *Научное наследие профессора О. А. Красавчикова имеет большое значение для развития цивилистической науки и правоприменительной практики. Исследование и развитие идей О. А. Красавчикова представляет собой самостоятельное направление для изучения в гражданско-правовой науке.*

Ключевые слова: *методология; гражданское право; исследование; диссертация; наука.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Гонгало Б. М. Метод профессора О. А. Красавчикова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 10–27. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-10-27.

Поступила в редакцию 01.09.2022 Принята к публикации 16.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Гонгало Б. М., 2022

The method of Professor O. A. Krasavchikov

Bronislav M. Gongalo[1] ✉

[1]Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21 Komsomolskaya Str., Yekaterinburg 620066, Russian Federation

✉ e-mail: uril3713641@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The modern stage of the development of the science of civil law is inextricably linked with the approval by the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation of a new nomenclature of scientific specialties, according to which the scientific specialty 12.00.03 "Civil Law, Business Law, family Law, private international Law" was replaced by an expanded scientific specialty 5.1.3 "Private Legal Sciences". At the same time, the appeal to the methods of conducting scientific research developed by leading scientists, which, undoubtedly, was the Doctor of Law, Professor O.A. Krasavichkov, allows you to enrich the methodology of the science of civil law and not allow, under the influence of the reform of the nomenclature, to lose the specifics of the methodology of conducted civil studies. The article is an updated version of the author's work "The Method of O.A. Krasavchikov", published in 2006.*

The purpose *of the study is to formulate a scientific idea of the significance of the scientific heritage of Doctor of Law, Professor O. A. Krasavchikov for civil science.*

Objectives: *to study the specifics of Professor O. A. Krasavichikov's work on the creation of a scientific school, to assess the importance of O. A. Krasavichikov's scientific works for the further development of the science of civil law.*

The research methodology *is represented by a complex of general scientific methods of scientific cognition (analysis, interpretation, formal-logical).*

Results. *The main directions of scientific and professional activity of Professor O. A. Krasavchikov are shown; methodological approaches to the study of the scientific heritage of civil scientists are developed.*

Conclusion. *The scientific heritage of Professor O. A. Krasavchikov is of great importance for the development of civil science and law enforcement practice. The research and development of O. A. Krasavchikov's ideas is an independent direction for study in civil law science.*

Keywords*: methodology; civil law; research; dissertation; science.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Gongalo B. M. The method of Professor O. A. Krasavchikov. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 10–27. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-10-27.

Received 01.09.2022 Accepted 16.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Методология цивилистических исследований – важнейшая часть науки гражданского права. Я, Бронислав Гонгало, благодарный ученик Октября Алексеевича Красавчикова, беспредельно благодарный. Так случилось, что когда в 1977 г. я стал студентом Свердловского юридического института, то имел некоторое представление о гражданском праве. Примитивные знания, но имел. И мнение о нем было невысоким. И вот на втором курсе (в 1978 г.) начались лекции по гражданскому праву. Лектор – Октябрь Алексеевич Красавчиков (далее – О. А., Октябрь Алексеевич). Очень скоро я стал считать, что в системе отечественного права нет ничего более интересного и значимого для человека, нежели право гражданское, а в юридической науке нет

ничего более высокого, нежели цивилистика.

Повезло с Учителями. После Октября Алексеевича лекции читал Вениамин Федорович Яковлев, практические занятия по гражданскому праву вел Владимир Александрович Плетнев, научным руководителем при выполнении кандидатской диссертации был О. А. Красавчиков.

Методология

Методологической основой исследования выступил комплекс общенаучных методов научного познания. Применялись методы анализа, метод сравнения и логический метод интерпретации. Формально-логический метод применялся при формулировании выводов результатов проведенного исследования.

Результаты и их обсуждение

О лекциях

Лекции О. А. читал серьезно, наверное, можно сказать, что это была классическая манера подачи материала. Очень четкий план, системное изложение. С использованием теоретического подхода, юридической терминологии и других «специальных средств», но вполне понятно людям, которые только-только стали знакомиться с гражданским правом (у меня сохранились записи его лекций). Например, первая лекция, посвященная характеристике гражданского права как отрасли советского права, содержит сведения о понятии гражданского права, предмете правового регулирования: понятие, субъекты отношений, входящих в предмет гражданского права, имущественные отношения (в том числе отношения статики и отношения динамики (оборота)), неимущественные отношения (личные неимущественные отношения, творческие и организационные отношения). Кстати, при рассмотрении творческих отношений (сегодня мы их называем связями по поводу результатов интеллектуальной деятельности, по поводу интеллектуальной собственности) в ходе лекций было отмечено, что такого термина – творческие отношения – еще нигде нет, так их назвал О. А. При чтении лекций о методе гражданско-правового регулирования дается понятие метода, говорится о единстве предмета и метода, делается акцент на освещении черт метода: равенство, инициативность, диспозитивность, имущественная ответственность… (именно в такой последовательности). Кстати, выделяется и такая черта: «Гражданско-правовая ответственность строится на началах вины». И здесь было приведено знаменитое почти афористическое высказывание О. А. Красавчикова: «Нет вины – нет ответственности». (Оно обосновано О. А. Красавчиковым в § 1 главы III его работы «Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности», которая помещена во втором томе, а почти афористическим его справедливо назвал О. С. Иоффе). Далее в ходе лекции О. А. показывает различие мер защиты и мер ответственности.

Как отмечалось, лекции О. А. были основательными, строгими (аудитория замирала), но форма доступная. И никаких вольностей, приемов, которые используются для того, чтобы понравиться аудитории, не использовалось. Вместе с тем в ходе лекции «к месту» могло быть упомянуто какое-то художественное произведение. Например, рассказывая о юридических лицах, О. А. вспомнил бессмертные слова Остапа Бендера, обращенные к А. И. Корейко: «Я пришел к вам как юридическое лицо к юридическому лицу» (И. Ильф, Е. Петров «Золотой теленок»).

Иногда, говоря о серьезных «вещах», О. А. мог подать важную информацию несколько шутливо, использовать пословицы, поговорки и т.п. Так, охарактеризовав разные теории юридических лиц (теории «государства», «коллектива», «директора» и др.), назвав их создателей и показав «плюсы» и «минусы» каждой из них, О. А. Красавчиков указал, что он

решил придумать свою теорию и перешел к освещению разработанной им теории организации (социальных связей). Рассказывая о форме сделок, О. А. сказал, что известная пословица «молчание – знак согласия» в гражданском праве не «работает», поскольку молчание признается выражением воли совершить сделку только в случаях, предусмотренных законодательством, т. е. в виде исключения (так было по ГК РСФСР (ст. 42), ныне закон и соглашение сторон могут предусматривать, что молчание признается выражением воли совершить сделку).

Гражданско-правовая наука

Октября Алексеевича Красавчикова нет с нами уже около сорока лет. Но большинство его трудов по-прежнему остается в научном обороте. Более того, как представляется, уже не одно десятилетие они не только не стали менее востребованы, но, напротив, привлекают внимание все большего числа исследователей. И это притом, что коренным образом изменились экономические отношения, социально-политическая обстановка, гражданское законодательство…

Иной стала и гражданско-правовая наука. *Во-первых,* она освободилась от *необходимых* в советский период «наслоений» идеологического характера. Ушло в прошлое и требовавшееся в то время противопоставление советского гражданского права (и науки гражданского права) буржуазному частному праву (и буржуазной доктрине частного права). Гражданское право России воспринимается как часть мировой правовой системы. Со всеми вытекающими отсюда последствиями: начиная с осознания генетической связи отечественного гражданского права с частным правом других государств и заканчивая восприятием того положительного, что используется различными государствами при регулировании частных отношений. (К сожалению, нередко заимствуется не только положительное).

Во-вторых, мы «вдруг» вспомнили о том, что до 1917 г. в России было немало выдающихся цивилистов. Но в результате внимательного изучения трудов ученых, творивших до 1917 г., обнаруживается (опять-таки «вдруг»), что наука советского гражданского права, несмотря на все «заклинания», явилась продолжением русской цивилистической традиции. Думается, в том числе и поэтому после краткого периода, отмеченного снисходительным (а порой и пренебрежительным) отношением к цивилистическим произведениям советского времени, к ним вновь пробудился интерес.

Даже на этом фоне отношение к работам Октября Алексеевича, *на первый взгляд,* вызывает удивление. Так, несмотря на все изменения, редко в какой диссертации (неважно, кандидатской или докторской) нет упоминания высказанных им идей, положений, развивающих его взгляды, полемики по поводу сформулированных им теорий и т.д. Работы О. А. очень активно используются и при выполнении иных исследований.

На самом деле такое внимание к творческому наследию профессора О. А. Красавчикова *закономерно.* Тому есть множество оснований, к рассмотрению которых следует обратиться.

Труды О. А. Красавчикова

Обозревая всю совокупность произведений О. А. Красавчикова, нельзя не видеть того, что в них характеризуется *вся система* гражданского права. Поражает тот факт, что О. А. удалось исследовать столь широкий круг проблем. В его работах: обстоятельно анализируется предмет гражданского права [1, с. 50–57; 2, с. 5–21]; рассматривается метод гражданско-правового регулирования, в частности О. А. «воспел» диспозитивность как черту метода [3, с. 41–49]; вскрывается анатомия науки гражданского права – ее сущность, границы и стороны предмета ее познавательной деятельности, ее со-

став и система [4]; определяются правосубъектность [5, с. 5–26], правоотношение [6], юридические факты [7]; характеризуются субъекты гражданского права [8; 9, с. 38–46]; анализируются обязательства и основания их возникновения [10, с. 3–20]; рассматривается ответственность по гражданскому праву [11]; обосновывается существование творческой подотрасли в системе гражданского права [12] и т.д.

Кроме того, О. А. возглавлял подготовку 23 коллективных монографий. Под его редакцией был подготовлен учебник «Советское гражданское право», выдержавший три издания (М., 1968–1969; 1972–1973; 1985). Здесь О. А. писал о понятии гражданского права и его источниках, гражданском правоотношении, юридических лицах, государстве как субъекте гражданских правоотношений, об объектах гражданских прав, о личных неимущественных правах, сделках, представительстве и доверенности, понятии, основных видах и основаниях возникновения обязательств, об общих положениях о гражданско-правовом договоре, о субъектах обязательств, об исполнении обязательств, о гражданско-правовой ответственности, договоре хранения, об обязательствах по возмещению вреда, об обязательствах, возникающих из неосновательного приобретения или сбережения имущества, о творческой деятельности и гражданском праве, о праве на изобретение, о конкурсном праве. В учебном пособии «Хозяйственное право», ответственными редакторами которого стали В. П. Грибанов и О. А. Красавчиков (М.: Юрид. лит., 1977), О. А. писал о предмете и системе курса хозяйственного права, а также о правовом регулировании управления качеством продукции и стандартизации.

При создании, казалось бы, «чисто» учебной литературы О. А. нередко формулирует положения, имеющие существенное значение для развития цивилистической науки. Так, в названном учебном пособии О. А. в результате анализа развития хозяйственного законодательства, проблемы хозяйственного законодательства в юридической науке и хозяйственных отношений приходит к следующему выводу: *хозяйственное право* представляет собой определенную совокупность норм и институтов различных отраслей советского социалистического права, которые функционально взаимодействуют в регулировании хозяйственной деятельности[1] [13, с. 32; 14, с. 119–131; 15, с. 742–758].

В учебнике по гражданскому праву (1985 г.) О. А. говорит о конституционной свободе научного, технического и художественного творчества, определяет предпосылки, условия и материальную базу, необходимые для осуществления творческого труда, и сам творческий труд, выявляет компоненты творческого процесса, рассматривает основные формы организации творческого труда, дает понятие творческой подотрасли в гражданском праве и указывает ее институционный состав, называет основные виды творческих правоотношений, выделяет объекты творческих правоотношений и т.д.

О. А. разрабатывал также проблемы гражданско-правовой охраны интересов личности, договорной дисциплины, договора имущественного найма, жилищного права и т.д.

[1] Хозяйственное право. М.: Юрид. лит., 1977. С. 32.

Здесь уместно вспомнить, что О. А. был одним из наиболее последовательных противников так называемой «хозяйственно-правовой концепции». Развенчиванию ее «положений» посвящены многие его работы. См., например: Иоффе О. С., Красавчиков О. А. О критике науки и научности критики // Правовая наука Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 119–131. Эта статья включена в изданный в серии «Классики российской цивилистики» сборник избранных трудов по гражданскому праву О. С. Иоффе (М., 2000. С. 742–758).

Методология О. А. Красавчикова

Конечно же, не только и не столько всеохватывающий характер творчества О. А. предопределяет неугасающий интерес к его произведениям. Как представляется, ценность его работ, в первую очередь, обусловлена основательностью подхода к решению той или иной проблемы. Причем ему удивительным образом удавалось сочетать основательность с достаточно лаконичной формой подачи материала. Может быть, именно поэтому О. А. формулирует идеи выпукло, объемно, зримо. Ничего лишнего и все необходимое.

Видимо, его работы притягивают еще и тем, что они есть воплощение *дисциплины мышления.*

В силу влияния множества факторов на «все и вся», руководствуясь благородным желанием учесть всю их совокупность, нередко в юридической литературе при рассмотрении *конкретного* правового вопроса попутно (вскользь) «решается» масса иных проблем. В результате основной вопрос теряется среди обилия «рассмотренных» (чаще всего просто упоминаемых) вопросов.

О. А. умел, избрав предмет исследования, сосредоточиться на анализе именно этого предмета. И учесть все *существенное.* И игнорировать второстепенное. Поэтому его рассуждения представляют собой логическую цепь. Нет шараханий из стороны в сторону. Есть восхождение к знанию.

Работы О. А. «строились» не на пустом месте. Анализируя ту или иную проблему, Октябрь Алексеевич внимательно рассматривает ранее высказанные на этот счет мнения. Причем ему удавалось *обобщить* различного рода высказывания.

Существует множество теорий, снабженных массой аргументов, облеченных в различную словесную форму, сформулированных представителями разных цивилистических школ, изложенных предельно абстрактно или, напротив, «приземленно»… Знакомясь со всем этим многообразием, вполне можно впасть в отчаяние. Или, отбросив все «за ненадобностью», конструировать свою собственную теорию.

О. А. прежде, чем высказывать свои собственные суждения, обстоятельно анализирует то, что было сделано до него, *суммирует существенное,* отбрасывает факультативное (не снабженное доказательствами, сказанное ради «красного словца», не имеющее непосредственного отношения к рассматриваемому вопросу и т.п.)… и в результате обнажается *суть* проблемы.

Так, анализируя предмет гражданского права, О. А. все многообразие имеющихся на этот счет высказываний подразделяет на *три* основные концепции («юридическую», «волевую» и «экономическую»), ограничивается «констатацией лишь наиболее существенных моментов, выражающих существо основных трех концепций с тем, чтобы была возможность высказать и некоторые свои соображения по обсуждаемому вопросу» [2, с. 9–12].

При исследовании правоотношения О. А. решил прежде всего «окинуть взглядом страницы многочисленных изданий, вышедших в свет за последние 25–30 лет», а затем выделяет *две* (всего две!) концепции гражданско-правового отношения [6].

Произведения О. А. не есть сосредоточение им самим сформулированных истин. Его идеи базируются на мощном «фундаменте». А мощный он потому, что О. А. в результате «просеиваний» и обобщений видел наиболее подходящие компоненты этого «фундамента» и без сожалений избавлялся от ненужного (а то и разрушительного, вредного или второстепенного, утратившего значение вследствие изменения условий (экономических, социальных, политических…)).

Чрезвычайно привлекательны *оригинальные* позиции О. А. по многим и мно-

гим рассматриваемым им проблемам. В качестве иллюстрации можно отметить следующее.

Об *организационных* отношениях, которые подвергаются правовой регламентации, говорили многие ученые. Но только О. А. обратил внимание на то обстоятельство, что многие такие отношения входят в предмет гражданско-правового регулирования. И аргументировал свою позицию.

Любопытно наблюдать за тем, как наша гражданско-правовая наука реагировала на указанную *революционную* концепцию профессора Красавчикова Октября Алексеевича. С одной стороны, большинством цивилистов она не принималась. К сожалению, при этом О. А. нередко оказывался «не услышанным». Так, О. С. Иоффе, отвергая указанную концепцию, полагал, что ошибка О. А. Красавчикова состоит в том, что «организованность, составляющую неотъемлемое свойство общественных явлений, он, ссылаясь на конкретные способы правовой организации отдельных имущественных отношений, отсекает от последних и объявляет особым гражданско-правовым общественным отношением» [16, с. 96].

Между тем О. А. говорил именно об отношениях, а не об организованности как свойстве общественных явлений. Организованность обозначалась им в качестве непосредственной цели организационных отношений.

С другой стороны, указанная концепция получила развитие в трудах его коллег [17, с. 28–37; 18, с. 53–69].

Еще более любопытно отношение к этой концепции в постсоветское время. Нередко она воспринимается как данность, само собой разумеющаяся, бывает, что и при характеристике предмета гражданского права о ней либо умалчивается, либо она подается с теми или иными оговорками [19; 20; 21, с. 10–13]. Так, Е. А. Суханов в соответствующем случае не упоминает об организационных отношениях. Но отмечает следующее: «Членские (корпоративные) отношения складываются и в некоторых некоммерческих организациях… Здесь они в большей мере носят *организационный характер»* (выделено мной. – *Б. Г.*). При классификации договоров Е. А. Суханов выделяет организационные и имущественные договоры [22, с. 30]. Первые «направлены не на товарообмен, а на его организацию, т. е. установление взаимосвязей участников будущего товарообмена» [23, с. 158]. В качестве основных типов организационных договоров предлагается рассматривать предварительные, генеральные и многосторонние договоры[1] [23, с. 158–160; 24, с. 445–446]. По мнению Н. Д. Егорова, «так называемые организационные отношения составляют одну из разновидностей имущественных отношений и охватываются общим понятием "имущественно-стоимостные отношения" [25, с. 11]. В. В. Ровный указывает: «В современном гражданском законодательстве оказался заметно увеличенным массив организационно-правовых предписаний, что вполне можно считать подтверждением правоты концепции, наделяющей их самостоятельным статусом»[2] [26, с. 38–39]. (Это высказывание сделано при рассмотрении концепции О. А. Красавчикова об организационных отношениях).

О. А. разработал *концепцию юридического лица,* именуемую в литературе «теорией организации» или «теорией системы социальных связей». По его мне-

[1] О. А. Красавчиков проводил подразделение договоров на имущественные и организационные «по содержанию той правовой связи, которая возникает на основе соответствующего соглашения сторон».

[2] Ровный В. В. Проблемы единства российского частного права. Иркутск, 1999. С. 38. Правда, на следующей (39) странице этой же работы В. В. Ровный замечает, что «наша позиция по вопросу об организационных отношениях в предмете гражданского права… полностью совпадает с той, которая была в свое время обоснована О. С. Иоффе».

нию, «организация представляет собой определенное социальное образование, т.е. систему социальных взаимосвязей, посредством которых люди (или их группы) объединяются для достижения поставленных целей в единое целое, структурно и функционально дифференцированное». Юридическим лицом является организация, обладающая определенными признаками [9, с. 42].

О. А. выделил *материальные* и *правовые* признаки юридического лица. К первым отнесены: внутреннее организационное единство и внешняя автономия (самостоятельность), экономическое единство и обособленность имущества, руководящее единство, функциональное единство. В качестве правовых признаков юридического лица названы: законность образования, способность организации от своего имени участвовать в гражданских правоотношениях, способность нести самостоятельную имущественную ответственность, наличие устава (положения).

Как представляется, в нашем обществе нередко торжествует «правовой фетишизм» (не только в среде юристов). Рассматривая то или иное явление, мы зачастую «зацикливаемся» на анализе только правовой материи (норм, правоотношений, прав, обязанностей и т.д.)[1]. А экономическая составляющая, которая, кстати, первична, остается без внимания. Понятно, что юрист не может детализированно исследовать экономические отношения, подвергаемые правовой регламентации. Но и игнорировать их недопустимо. Думается, О. А. находил оптимальное сочетание правовых и экономических, организационных и других «моментов». Так, характеризуя юридическое лицо, О. А., с одной стороны, «обнажает» его сущность, отмечает, что указанный субъект есть продукт социально-исторического развития общества, называет материальные (экономические и организационные) свойства юридического лица, а с другой стороны – при характеристике данного субъекта О. А. использует не только легальное определение юридического лица, но и весь содержащийся в нормах права «арсенал» признаков юридического лица.

Весьма оригинальны рассуждения О. А. о *гражданско-правовых формах.* Он выделил общие черты этих правовых форм. Во-первых, каждая из них обладает связью с нормами права, которая характеризуется тем, что «вне закона» (помимо его) те или другие явления социальной действительности не могут самостоятельно приобрести юридическую форму. Во-вторых, каждая правовая форма представляет собой в конечном счете юридическую меру, границу поведения людей. В-третьих, каждая правовая форма по сути своей имеет два юридических диапазона – границы юридически возможного или юридически необходимого.

О. А. указывал, что возникновение правовых форм, равно как и последующая динамика, имеет свои социальные (политические, экономические и иные аналогичные) основы. Но они не создают правовых форм сами по себе. Последние возникают, изменяются и отмирают в результате действия юридического закона [5; 6, с. 18].

Немало оригинальных идей высказано О. А. при характеристике гражданского оборота, мер защиты и мер ответственности, при обосновании существования творческой подотрасли, в ходе анализа обязательственных отношений и т. д.

О жилищном праве

Любопытным было отношение О. А. к жилищному праву. Он не увлекался жилищным правом. Однако в то время, когда он заведовал кафедрой, членами

[1] Это лишь одно из проявлений «правового фетишизма». К сожалению, далеко не единственное. Так, чрезвычайно широко распространена ситуация, когда, столкнувшись с какой-либо проблемой, признается достаточным для ее решения принятие нового закона.

кафедры были защищены кандидатские диссертации, посвященные рассмотрению оснований возникновения и изменения жилищных правоотношений (Г. И. Петрищева), правообразующих юридических фактов в жилищном праве (Н. П. Воронина), оснований изменения жилищных правоотношений (Б. М. Гонгало), правопрекращающих юридических фактов в жилищном праве (В. В. Чубаров). Позже благодаря членам кафедры появились диссертации о жилищно-строительных кооперативах (П. В. Крашенинников), социальном найме (О. Г. Алексеева), основаниях возникновения жилищных правоотношений социального найма жилых помещений (М. В. Бандо), правоотношений найма служебного жилого помещения (Н. Ю. Папушина)

Когда в 1981 г. были приняты Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик, то в Свердловске (теперь – Екатеринбург) под руководством О. А. Красавчикова был подготовлен замечательный сборник научных статей, в котором характеризовался этот закон (кстати, первый такой сборник в СССР). А О. А. Красавчиков, который, как указывалось, не благоволил жилищному праву, не только выступил ответственным редактором этого сборника, но и написал предисловие, фактически представляющее собой статью, посвященную рассмотрению системы *оснований*, совокупность которых поставила перед гражданско-правовой наукой новые задачи, потребовала творческого переосмысления достижений прошлого, заставила по иному взглянуть на ряд теоретически обжитых понятий и представлений о жилищном законодательстве, его задачах и функциях, предмете, принципах и содержании правового регулирования жилищных отношений. Среди таких оснований выделены три наиболее существенные категории:

1) государственно-политические;

2) социально-политические;

3) специальные (юридические) основания.

Кроме того, О. А. Красавчиков в этом сборнике опубликовал очень глубокую статью, в которой рассматривались предмет регулирования и юридическая природа нового закона (Основ жилищного законодательства). Она актуальна и сегодня не только с точки зрения содержательной, но и блестящей *методологии* исследования (есть чему поучиться).

Теория гражданского права

О. А., по его собственным словам, следовал известному постулату, в соответствии с которым нет ничего более практичного, чем хорошая теория [6]. Но он никогда не оставался в «заоблачных высотах» теоретических построений. Теория – не самоцель; правоведение не должно строиться по принципам, аналогичным тем, на которых базируется чистое искусство. В той или иной степени *любое* теоретическое построение юридической науки должно иметь «выход в жизнь». Оно может иметь значение с точки зрения правотворческой – «перевод» его на «язык закона» будет способствовать совершенствованию правового регулирования. Теоретическая конструкция может оказаться полезной для правоприменительной практики. Положения теории могут способствовать облегчению «юридического быта», надлежащей организации правовой работы (по заключению договоров и пр.). Благодаря теоретическим построениям становится понятной обусловленность правовых норм, практики их применения, тех или иных концепций (идей, взглядов) экономическими отношениями, соображениями социально-политического свойства и т. д.

Если правовая теория не находит отклика в нашей жизни, то она *вредна.* В этом случае теория «развивается» сама для себя, а жизнь течет своим чередом, не замечая такой «теории».

Вместе с тем О. А. был противником установки, в соответствии с которой «наука должна «выдавать на-гора» конкретные предложения, по конкретным вопросам» [6].

Октябрь Алексеевич много внимания уделил *теории* гражданского права. Его разработки касались или были непосредственно направлены на решение в подлинном смысле животрепещущих проблем. Причем в ряде случаев, казалось бы, невероятно абстрактные построения оказывались весьма полезными исходя из соображений практического характера. Та же известная концепция организационных отношений как составной части предмета гражданского права, несмотря на предельную абстрактность, направлена на решение практических задач. В частности, в результате внимательного рассмотрения данной концепции обнаруживается недостаточная правовая регламентация соответствующих социальных связей. Поскольку они (эти связи) отвечают признакам отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования, постольку становится очевидной потребность урегулировать их более обстоятельно нормами гражданского права.

В конечном счете не так уж важно, получила ли концепция организационных отношений всеобщее признание в юридической науке. (Да и возможно ли это?). Важно то, что ее положения сказываются на регулировании данных социальных связей. Один предварительный договор чего стоит (ст. 429 Гражданского кодекса Российской Федерации; далее – ГК). А рамочный договор (ст. 429.1 ГК), опцион на заключение договора (ст. 429.2 ГК)? Типичные организационные договоры. Цель их состоит в организации заключения какого-либо договора в будущем. Организационные отношения возникают в связи с упорядочением отношений по поставке товаров для государственных нужд (ст. 525, 527–529 ГК), выполнению подрядных работ для государственных нужд (ст. 765, 527, 528 ГК). На регулирование организационных отношений направлены нормы о договоре об организации перевозок (ст. 798 ГК), договоре об организации работы по обеспечению перевозок (ст. 799 ГК) и т. д.

О. А. внимательно анализирует вопрос о личных неимущественных отношениях, регулируемых гражданским правом [28, с. 5–33]. В первую очередь он обратился к законодательству. Затем рассматривает основные концепции. Как он обычно это делает, «просеивая» и обобщая, выделяет «негативную концепцию», «радикальную концепцию». Далее следует рассмотрение «плюсов» и «минусов» соответствующих теоретических построений и изложение собственных взглядов. Наконец, О. А. намечает контуры системы проекта нормативного акта (главы) о личных неимущественных правах и обязанностях. Выделено 16 подразделений, в частности такие, как *равенство* личных неимущественных прав граждан, исключающее какую-либо дискриминацию по признакам пола, языка, национальности, вероисповедания, *неограниченность* личных неимущественных прав, *противозаконность* действий, направленных в той или другой форме на ущемление охраняемых законом личных неимущественных прав и интересов и др.

О юридической терминологии

Работы О. А. характеризуются еще и тем, что все они отмечены его *трепетным отношением к слову*. Несмотря на весьма сложную (правовую) материю, читаются его произведения сравнительно легко. Ибо давно известно: кто ясно мыслит, тот ясно излагает. В его словах нет двусмысленности. Формулировки достаточно определенны. Выводы конкретны. Нет «архитектурных излишеств». Речь легка. Излагаемое им остроумно, порой язвительно. Отсутствует наукообразие. Но нет и упрощенной подачи материала. Достаточно спокойно анализируются существующие в науке взгляды. Однако ес-

ли что-либо представляется О. А. абсолютно неприемлемым, то он может быть категоричным. Порой резким.

Это речь ученого, объективно оценивающего всю совокупность факторов, имеющих значение для решения рассматриваемой проблемы. Иногда говорящего то, что обычно говорить не принято. Иногда «взрывающегося». Это речь человека, *болеющего за дело.*

Например, оценивая концепцию так называемых общих прав (общих правоотношений), «обнаружение» «правового модуса», конструкцию «правового комплекса», охватывающего «статус», «модус», О. А. указывал, что соответствующие «исследования по части "открытых звезд" также совместимы порой с истиной, как совместимы между собой суждения астрономов и астрологов» [5, с. 10]. Говоря о различных взглядах на понимание правоотношения, О. А. отмечает: «Если (без лишних эмоций) сопоставить существо (а не только формулировки) суждений сторонников… рассматриваемых концепций, то… трудно не заметить, что между ними не столько противоречий, сколько общего… здесь причина (разногласий. – *Б. Г.*) чисто субъективного порядка – «никто не хотел уступать» своему теоретическому противнику. Вот и кочуют из десятилетия в десятилетие развития научной мысли теоретические споры, которые практически уже стали "спорами" ради споров» [6]. Касаясь едва ли не общепризнанного положения о том, что «потребность граждан в жилье удовлетворяется в различных правовых формах» (договор найма, членство в ЖСК и т. д.), О. А. указывает: «Думается, что никакая правовая форма (от элементарной до универсальной) не способна удовлетворить какую-либо материальную потребность (в том числе и потребность в жилье) потому, что она не обладает и обладать не может ни единым граммом, ни атомом, ни квантом природной материи; она не пригодна для сооружения даже воздушных замков» [28, с.14].

Октябрь Алексеевич ратовал за порядок в терминологическом «хозяйстве». Так, в юридической науке чрезвычайно широко используется термин «комплексный». Но, как верно отмечал О. А., использование этого термина до тех пор, пока ему не будет придана необходимая, элементарная однозначность, сопряжено со значительным риском быть неправильно понятым. «По имеющимся в науке "расхожим" суждениям комплексными могут быть и отрасль права, и отрасль законодательства, и правовой институт, и нормативный акт. Более того, есть первичные и вторичные комплексные структуры и т. д. Нет пока только одного понятия – комплексной правовой нормы»» [28, с. 23]! (В настоящее время можно встретить мимоходом упомянутые «комплексные правовые нормы» и даже входящие в предмет гражданского права «комплексные отношения». Ими, в частности, иногда объявляются так называемые «корпоративные отношения»).

Сам О. А. ввел в научный обиход немало терминов.

Юридическая терминология порой громоздка. В ряде случаев она иной быть не может. Так, ничтожной является сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК). Во времена О. А. в подобных случаях говорили о недействительности сделки, совершенной с целью, заведомо противной интересам государства и общества (ст. 49 ГК РСФСР). О. А. предложил именовать такие сделки *антисоциальными.* Конечно же, здесь есть изрядная доля условности. Но, как представляется, этим отмечены все термины. Даже наименование фундаментальной отрасли – гражданское право – достаточно условно. Да и легальное название указанных сделок тоже неоднозначно. Термин «антисоциальные сделки» широко распространен.

Недействительной может быть признана сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК, ранее – ст. 56 ГК РСФСР). О. А. именовал такие сделки как совершенные в состоянии «адееспособности». Здесь степень условности еще выше. Может быть поэтому данный термин в настоящее время используется нечасто, хотя, думается, он имеет «право на существование».

Отрицая существование комплексных отраслей права, О. А. предлагал именовать соответствующие образования «*нормативными массивами*». (В настоящее время можно встретить упоминания о «комплексных нормативных массивах». Конечно, так нельзя: либо «комплексное образование», либо «нормативный массив»). Учитывая то обстоятельство, что Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик содержат нормы различной отраслевой природы, и опасаясь быть неправильно понятым при обозначении данного акта как комплексного, О. А. называет его «*универсальным*».

Способность приобретать гражданские права и осуществлять обязанности через представителя О. А. именовал «*трансдееспособностью*»[1].

О профессиональной деятельности

Профессор О. А. Красавчиков *тридцать* лет заведовал кафедрой гражданского права Свердловского юридического института.

Как известно, у истоков цивилистики на Урале стояли А. М. Винавер и Б. Б. Черепахин [29, с. 96].

Б. Б. Черепахин – основатель специальной кафедры гражданского права и гражданского процесса и наставник ряда крупных впоследствии научных работников. В период работы в Свердловском юридическом институте у Б. Б. Черепахина было пять аспирантов: С. С. Алексеев, М. Я. Кириллова, О. А. Красавчиков, В. П. Шахматов, Е. Д. Шешенин. Поистине звездный состав!

К 1954 г. были созданы предпосылки для того, чтобы на базе объединенной кафедры гражданского права и гражданского процесса образовать две кафедры – гражданского права и гражданского процесса. Кафедру гражданского права возглавил Октябрь Алексеевич Красавчиков.

О. А. был организатором научной деятельности сотрудников кафедры. Кроме упоминавшихся учебников, учебных пособий и сборников научных трудов, следует обратить внимание и на другие издания, подготовленные под руководством профессора Красавчикова. В частности, на вышедшее в 1976 г. учебное пособие «Советское гражданское право» (Вып. 1. Свердловск). (К сожалению, данный проект не был завершен – продолжения не последовало).

Как представляется, в основе этой работы очень интересная и весьма плодотворная идея. По-видимому, О. А. исходил из того, что учебник по гражданскому праву должен содержать все необходимое и, стало быть, не должен сводиться к освещению неких основ гражданского права. Но учебник не должен содержать ничего лишнего, он не должен превращаться в «чисто» теоретическое произведение. Под руководством профессора О. А. Красавчикова был подготовлен учебник «Советское гражданское право». В 1972 г. был издан том первый (2-е изд.). Это как раз тот учебник, который содержит все необходимое и ничего лишнего. Он рассчитан на *всех* студентов

[1] Кстати, традиционно в учебниках по гражданскому праву характеристике представительства отводится отдельная глава. В упоминавшемся учебнике под ред. Е. А. Суханова представительство рассматривается в главе «Осуществление гражданских прав и исполнение гражданско-правовых обязанностей».

вузов, обучающихся по специальности «Правоведение». Указанное учебное пособие (1976 г.) подготовлено на базе этого учебника. Оно предназначено для тех, кто, изучая гражданское право, интересуется проблемами цивилистики. В нем освещаются такие вопросы, как понятие гражданского права (предмет, метод и др.), источники гражданского права, субъекты (граждане, юридические лица, государство). Вопросы прорабатываются более тщательно, нежели в учебнике. Гораздо больше внимания уделено теории, научному осмыслению цивилистических проблем.

Думается, опыт такого структурирования учебного материала может быть полезен и сегодня.

В 1965 г. была опубликована беспрецедентная работа «Гражданский кодекс РСФСР. Учебно-практическое пособие» в 2-х томах (Свердловск). Руководителем авторского коллектива также был О. А. Необычность данного пособия состоит в том, что оно выполнено в виде комментария к Гражданскому кодексу. Чаще всего комментарии имеют практическую направленность. Иногда издаются научно-практические комментарии (законов, судебной практики и пр.). В данном случае комментарий Гражданского кодекса адресован, в первую очередь, тем, кто изучает гражданское право. Он относится к учебной литературе.

Значительное внимание на кафедре уделялось ознакомлению специалистов других юридических научных учреждений с результатами исследований свердловских цивилистов. Ежегодно под редакцией О. А. Красавчикова выходили сборники научных работ, в которых участвовали и специалисты по гражданскому праву из других городов Советского Союза. Только в 70-е годы было издано восемь таких сборников: «Теоретические проблемы гражданского права» (1970); «Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав» (1973); «Гражданское право и способы его защиты» (1974); «Гражданские правоотношения и их структурные особенности» (1975); «Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР» (1977); «Гражданское право, эффективность и качество» (1977); «Правовые проблемы гражданской правосубъектности» (1978); «Гражданское право, экономика и стандартизация» (1978) [29, с. 98]. Впоследствии были изданы сборники «Гражданско-правовой договор и его функции» (1980), «Основы советского жилищного законодательства (1981), «Гражданское право и сфера обслуживания» (1984), «Договорная дисциплина в советском гражданском праве» (1985).

О. А. сам участвовал во многих конференциях юристов и организовывал участие в таких мероприятиях сотрудников кафедры. В бытность О. А. заведующим кафедрой с достижениями свердловских цивилистов научная общественность страны знакомилась на конференциях, проходивших в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Алма-Ате, Кишиневе, Риге, Тарту. Доклады членов кафедры прозвучали на XV конференции Европейской организации по контролю качества (Москва, 1971 г.), на международном заседании по теме «Правовые проблемы стандартизации в рамках СЭВ» (Рига, 1976).

Дважды коллектив кафедры гражданского права был организатором всесоюзных конференций. Исключительно широкой по представительству была конференция «Правовые проблемы управления качеством продукции на базе стандартизации и метрологического обеспечения», проведенная в 1978 г. в Свердловске [29, с. 98–99].

Под руководством профессора Красавчикова О. А. было подготовлено и успешно защищено более трех десятков кандидатских диссертаций.

О. А. был строгим руководителем. Внимательно контролировал подготовку аспиранта к кандидатским экзаменам. Тщательно прочитывал проекты диссер-

таций. Безжалостно критиковал неприемлемое. В ряде случаев достаточно иронично. Юности свойственен максимализм. А в диссертации требуется новизна. Поэтому в них зачастую содержатся утверждения из ряда вон выходящие. О. А. в таком случае мог написать на полях работы: «Ну и ну!», или: «Ух-ты!»

Вместе с тем указывались перспективные направления, отмечалось, что необходимо выявить признаки (чего-либо), дать определение и т. д.

Если диссертация не соответствовала установленным им (Октябрем Алексеевичем) достаточно высоким требованиям, то она не имела шанса быть допущенной к защите. Убежден, что О. А. исходил из того, что «преградой» халтуре или попросту поверхностным работам должна быть кафедра (а прежде всего – научный руководитель). Поэтому к обсуждению на заседании кафедры, а затем и к защите рекомендовались только хорошо подготовленные работы.

Выводы

Научное наследие О. А. Красавчикова для развития цивилистической науки и правоприменительной практики имеет величайшее значение, а исследование и развитие идей великого ученого, бесспорно, представляет собой самостоятельное направление в гражданско-правовой науке. Переосмысленный генезис идей О. А. Красавчикова позволит разрешить многие проблемы современной России. Как отмечалось, я, Б. М. Гонгало, предлагающий вниманию читателей размышления о творчестве О. А. Красавчикова и его работе заведующим кафедрой гражданского права Свердловского юридического института, – ученик Октября Алексеевича. Возможно, не лучший. Надеюсь, не худший (кстати, последними из защитивших диссертации при жизни О. А. его аспирантов (30 июня 1984 г.) были автор этих строк и А. А. Евстифеев (ныне – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации)).

Мы все субъективны в своих воззрениях. В данном случае мы стремились к объективной оценке наследия О. А. Красавчикова. Точнее, даже не к оценке – имеет ли моральное право ученик оценивать работы Учителя? Мы стремились понять творческий метод О. А. Красавчикова.

Профессор О. А. Красавчиков и при жизни был одним из виднейших советских цивилистов послевоенного поколения. Но, как известно, большое видится на расстоянии… Несомненно, что и сегодня работы Октября Алексеевича Красавчикова весьма и весьма востребованы, а его творческий метод ничуть не устарел.

Список литературы

1. Красавчиков О. А. Организационные гражданско-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 50–57.

2. Красавчиков О. А. Структура предмета гражданско-правового регулирования социалистических общественных отношений // Теоретические проблемы гражданского права: сборник ученых трудов Свердловского юридического института. Вып. 13. Свердловск: [Б. и.], 1970. С. 5–21.

3. Красавчиков О. А. Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании // Советское государство и право. 1970. № 1. С. 41–49.

4. Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система). Свердловск: [Б. и.], 1961. 380 с.

5. Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы правосубъектности: сборник статей. Свердловск: УрГУ, 1978. С. 5–26.

6. Красавчиков О. А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения // Гражданское правоотношение и их структурные особенности: сборник ученых трудов. Вып. 39. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ун-та, 1975. С. 5–22.

7. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.

8. Красавчиков О. А. Сущность юридического лица // Советское государство и право. 1976. № 1. С. 47–55.

9. Красавчиков О. А. Юридическое лицо – организация – система общественных отношений // СССР – Австрия: проблемы гражданского и семейного права: материалы советско-австрийского симпозиума. М.: ИГПАН, 1983. С. 38–46.

10. Красавчиков О. А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Гражданско-правовой договор и его функции: межвузовский сборник научных статей. Свердловск: УрГУ, 1980. С. 3–20.

11. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Юрид. лит., 1966. 200 с.

12. Красавчиков О. А. Творчество и гражданское право (понятие, предмет и состав подотрасли) // Правоведение. 1984. № 4. С. 14–23.

13. Красавчиков О. А. Хозяйственное право. М.: Юрид. лит., 1977. 479 с.

14. Иоффе О. С., Красавчиков О. А. О критике науки и научности критики // Правовая наука Казахстана. Алма-Ата: Изд-во Каз. ун-та, 1978. С. 119–131.

15. Иоффе О. С., Красавчиков О. А. О критике науки и научности критики // Классики российской цивилистики: сборник избранных трудов по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. С. 742–758.

16. Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. I. Л.: Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1975. 160 с.

17. Илларионова Т. И. Гражданско-правовые организационные отношения и способы их защиты // Гражданское право, экономика и стандартизация: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 64. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1978. С. 28–37.

18. Васева Н. В. Имущественные и организационные гражданско-правовые договоры // Гражданско-правовой договор и его функции: межвузовский сборник научных трудов / Свердлов. юрид. ин-т. Свердловск, 1980. С. 53–69.

19. Захаров В. А. Создание юридических лиц. М.: Норма, 2002. 202 с.

20. Кирсанов К. А. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений: монография. Киров: Аверс, 2014. 143 с.

21. Гражданское право: в 2 т. / под ред. Е. Е. Богдановой. М.: Проспект, 2020. 440 с.

22. Гражданское право: в 2 т. Т. I / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1998. 785 с.

23. Гражданское право: в 2 т. Т. II, полутом 1 / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1999. 785 с.

24. Советское гражданское право: в 2-х т. Т. 1 / под ред. О. А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985. 544 с.

25. Гражданское право: в 3 т. Т. 1 / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2003. 778 с.

26. Ровный В. В. Проблемы единства российского частного права. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1999. 310 с.

27. Красавчиков О. А. Охрана интересов личности и свод законов советского государства // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 53. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ун-та, 1977. С. 5–33.

28. Красавчиков О. А. Основы жилищного законодательства: предмет регулирования и юридическая природа // Основы советского жилищного законодательства: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1981. С. 9–25.

29. Свердловский юридический институт, 1931–1981: 50 лет / отв. ред. Д. Д. Остапенко. М.: Юрид. лит., 1981. 175 с.

References

1. Krasavchikov O. A. Organizacionnye grazhdansko-pravovye otnosheniya [Organizational civil law relations]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet state and law*, 1966, no. 10, pp. 50–57.

2. Krasavchikov O. A. [The structure of the subject of civil law regulation of socialist social relations]. *Teoreticheskie problemy grazhdanskogo prava. Sbornik uchenyh trudov Sverdlovskogo yuridicheskogo instituta* [Theoretical problems of civil law. Collection of scientific works of the Sverdlovsk Law Institute], is. 13. Sverdlovsk, 1970, pp. 5–21. (In Russ.)

3. Krasavchikov O. A. Dispozitivnost' v grazhdansko-pravovom regulirovanii [Dispositivity in civil law regulation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet State and law*, 1970, no. 1, pp. 41–49.

4. Krasavchikov O. A. Sovetskaya nauka grazhdanskogo prava (ponyatie, predmet, sostav i sistema) [The Soviet science of civil law (concept, subject, composition and system)]. Sverdlovsk, 1961. 380 p.

5. Krasavchikov O. A. [Legal personality how legal form]. *Pravovye problemy pravosub"ektnosti. Sbornik statej* [Legal personality problem legal personality. Compendium articles]. Sverdlovsk, UrGU Publ., 1978, pp. 5–26. (In Russ.)

6. Krasavchikov O. A. [Civil legal relationship is a legal form of public relations]. *Grazhdanskoe pravootnoshenie i ih strukturnye osobennosti. Sbornik uchenyh trudov* [Civil legal relations and their structural features. Collection of scientific works], is. 39. Sverdlovsk, Izd-vo Sverdl. yurid. un-ta Publ., 1975, pp. 5–22. (In Russ.)

7. Krasavchikov O. A. Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave [Legal facts in Soviet civil law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1958. 183 p.

8. Krasavchikov O. A. Sushchnost' yuridicheskogo lica [The essence of a legal entity]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1976, no. 1, pp. 47–55.

9. Krasavchikov O. A. [Legal entity – organization – system of public relations]. *SSSR – Avstriya: problemy grazhdanskogo i semejnogo prava. Materialy sovetsko-avstrijskogo simpoziuma* [USSR – Austria: Problems of civil and Family Law. Materials of the Soviet-Austrian Symposium]. Moscow, IGPAN Publ., 1983, pp. 38–46.

10. Krasavchikov O. A. [Civil law contract: concept, content and functions]. *Grazhdansko-pravovoj dogovor i ego funkcii. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej* [Civil law contract and its functions. Interuniversity collection of scientific articles]. Sverdlovsk, UrGU Publ., 1980, pp. 3–20. (In Russ.)

11. Krasavchikov O. A. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo istochnikom povyshennoj opasnosti [Compensation for damage caused by a source of increased danger]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1966. 200 p.

12. Krasavchikov O. A. Tvorchestvo i grazhdanskoe pravo (ponyatie, predmet i sostav podotrasli) [Creativity and civil law (concept, subject and composition of a subbranch)]. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1984, no. 4, pp. 14–23.

13. Krasavchikov O. A. Hozyajstvennoe pravo [Business law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1977. 479 p.

14. Ioffe O. S., Krasavchikov O. A. O kritike nauki i nauchnosti kritiki [On the criticism of science and the scientific nature of criticism]. Pravovaya nauka Kazahstana [Legal science of Kazakhstan]. Alma-Ata, Kaz. Univ. Publ., 1978, pp. 119–131.

15. Ioffe O. S., Krasavchikov O. A. [On the criticism of science and the scientific nature of criticism]. *Klassiki rossijskoj civilistiki. Sbornik izbrannyh trudov po grazhdanskomu pravu* [Classics of Russian civil law: a collection of selected works on civil law]. Moscow, Statut Publ., 2000, pp. 742–758. (In Russ.)

16. Ioffe O. S. Razvitie civilisticheskoj mysli v SSSR [Development of Calvinist thought in the USSR]. Leningrad, Leningr. gos. un-t im. A. A. Zhdanova, 1975. pt. I. 160 p.

17. Illarionova T. I. [Civil-legal organizational relations and ways of their protection]. *Grazhdanskoe pravo, ekonomika i standartizaciya. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Civil law, economics and standardization. Interuniversity collection of scientific papers]. Is. 64. Sverdlovsk, Ural. Univ. Publ., 1978, pp. 28–37. (In Russ.)

18. Vaseva N. V. [Property and organizational civil law contracts]. *Grazhdansko-pravovoj dogovor i ego funkcii. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Civil law contract and its functions. Interuniversity collection of scientific papers]. Sverdlovsk, Sverdlov. yurid. In-t Publ., 1980, pp. 53–69. (In Russ.)

19. Zaharov V. A. Sozdanie yuridicheskih lic [Creation of legal entities]. Moscow, Norma Publ., 2002. 202 p.

20. Kirsanov K. A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie organizacionnyh otnoshenij [Civil law regulation of organizational relations]. Kirov, Avers Publ., 2014. 143 p.

21. Grazhdanskoe pravo [Civil law]; ed. by E. E. Bogdanovoj. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 440 p.

22. Grazhdanskoe pravo [Civil law]; ed. by prof. E.A. Suhanov. 2th ed. Moscow, BEK Publ., 1998. vol. 1, 785 p.

23. Grazhdanskoe pravo [Civil law], polutom 1; ed. by prof. E. A. Suhanov, 2th ed. Moscow, BEK Publ., 1999. vol. II, 785 p.

24. Sovetskoe grazhdanskoe pravo [Soviet civil law], vol. 1; ed. by O. A. Krasavchikova. 3th ed. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1985. 544 p.

25. Grazhdanskoe pravo [Civil law]; ed. by A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoj. 6th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2003. vol. 1. 778 p.

26. Rovnyj V. V. Problemy edinstva rossijskogo chastnogo prava [Problems of unity of Russian private law]. Irkutsk, Irkut. Univ. Publ., 1999. 310 p.

27. Krasavchikov O. A. [Protection of the interests of the individual and the code of laws of the Soviet state]. *Grazhdansko-pravovaya ohrana interesov lichnosti v SSSR. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Civil protection of the interests of the individual in the USSR. Interuniversity collection of scientific papers], Sverdlovsk, Sverdl. yurid. Univ. Publ., 1977, is. 53. pp. 5–33. (In Russ.)

28. Krasavchikov O. A. [Fundamentals of housing legislation: subject of regulation and legal nature]. *Osnovy sovetskogo zhilishchnogo zakonodatel'stva. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Fundamentals of Soviet housing legislation: interuniversity collection of scientific papers]. Sverdlovsk, 1981, pp. 9–25. (In Russ.)

29. Sverdlovskij yuridicheskij institute, 1931–1981: 50 let [Sverdlovsk Law Institute, 1931–1981: 50 years]; ed. by D. D. Ostapenko. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1981. 175 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Гонгало Бронислав Мичиславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, заслуженный юрист Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
e-mail: uril3713641@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-2487-5659

Bronislav B. Gongalo, Dr. of Sci. (Juridical), Professor, Head of the Department of Civil Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: uril3713641@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-2487-5659

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-28-38

(cc) BY 4.0

Субъекты права социальных сетей: к вопросу об определении правового статуса пользователей

В. В. Богдан[1] ✉, Л. Лаксми[2]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск,305040, Российская Федерация

[2] Институт информационных технологий Виньяна
Вишакхапатнам-530049, Андхра - Прадеш, Индия

✉ e-mail: Kurskpravo@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Развитие социальных сетей позволяет трансформировать устоявшиеся подходы к ведению предпринимательской деятельности и формировать новые научный и практический подходы к ее правовому регулированию. Вместе с тем отношения, возникающие в социальных сетях и требующие законодательного регулирования, остаются в рамках саморегуляции, что негативным образом сказывается на их стабильности. Вплоть до настоящего времени остается неопределенным правовой статус субъектов права социальных сетей, особенно в условиях возникновения «государственных социальных сетей». Актуальность разрешения вопросов, связанных с правовым статусом, предопределяется спецификой функционирования социальных сетей, регистрацией субъектов в них, проблемой идентификации и неразрывно связанным с ней порядком осуществления прав и обязанностей. Статья является продолжением научных исследований автора о нетипичных формах правоотношений, требующих законодательного оформления.*

Цель *статьи состоит в формировании научного подхода к определению правового статуса субъектов социальных сетей.*

Задачи*: выявить круг субъектов права социальных сетей; установить основания возникновения правового статуса субъекта социальной сети; обосновать содержание правового статуса пользователей социальных сетей.*

Методология. *Основу методологии проводимого исследования составляют достижения общей теории права, частноправовой и публично-правовой науки, позволяющие систематизировать имеющиеся теоретические и эмпирические данные о правовом статусе субъектов права социальных сетей, выстроить надлежащую концепцию.*

Результаты. *В ходе проведения исследования обоснован специальный правовой статус пользователей социальных сетей.*

Вывод. *Субъектный состав права социальных сетей сложен. Идентификация субъектов в социальной сети затруднительна, что ставит под угрозу надлежащую защиту прав и законных интересов других лиц. Авторами обоснована необходимость самостоятельной законодательной регламентации отношений, возникающих в социальных сетях.*

Ключевые слова: *право социальных сетей; правовой статус; правосубъектность; идентификация субъекта; трансформация права.*

Финансирование: *НИР в рамках государственного задания «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» на 2022 г. (№ 0851-20200033).*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Богдан В. В., Лаксми Л. Субъекты права социальных сетей: к вопросу об определении правового статуса пользователей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 28-38. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-28-38.

Статья поступила в редакцию 29.08.2022 Статья подписана в печать 14.09.2022 Статья опубликована 12.10.2022

© Богдан В. В. Лаксми Л., 2022

Subjects of the Law of Social Networks: on the Definition of Legal Status of Users

Varvara V. Bogdan[1] ✉, E Laxmi Lydia[2]

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

[2]Vigna's Institute of Information Technology
Visakhapatnam-530049, Andhra Pradesh, India

✉ e-mail: Kurskpravo@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The development of social networks makes it possible to transform established approaches to the conduct of entrepreneurial activity and to form new scientific and practical approaches to its legal regulation. At the same time, relations arising in social networks and requiring legislative regulation remain within the framework of self-regulation, which negatively affects their stability. To date, the legal status of subjects of law of social networks remains uncertain, especially with the emergence of "state social networks". Relevance of resolving issues related to legal status is predetermined by the specific functioning of social networks, registration of subjects in them, the problem of identification and the order of realization of rights and obligations. The article is a continuation of the author's research on atypical forms of legal relations that require legislative registration.*

The purpose *of the article is to form a scientific approach to the definition of the legal status of the subjects of social networks.*

Objectives: *to identify the range of subjects of law of social networks; to establish the grounds for the emergence of the legal status of the subject of social networking; to substantiate the content of the legal status of the subject of law of social networks.*

Methodology. *The basis of methodology of the conducted research are the achievements of the general theory of law, private and public law science, allowing to systematize the available theoretical and empirical data on the legal status of the subjects of law of social networks, to build an appropriate concept.*

The results. *In the course of the study, the special legal personality of the subjects of the law of social networks is substantiated.*

Conclusion. *The subject composition of the law of social networks is complex. Identification of subjects in a social network is difficult, which endangers the proper protection of the rights and legitimate interests of others. The authors justify the need for independent legislative regulation of relations arising in social networks.*

Keywords: *right; social networks; legal status; legal personality; identification of the subject; transformation of the law.*

Funding: *The article was prepared as a part of the state task "Transformation of private and public law in the conditions of evolving individuals, society and the state" for 2022 (№ 0851-20200033).*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Bogdan V. V., E Laxmi Lydia. Subjects of the Law of Social Networks: on the Definition of Legal Status of Users). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 28–38. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-28-38.

Received 29.08.2022 Accepted 14.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Правовой статус – одна из актуальных и востребованных тем теоретико-правовых и отраслевых научных исследований. Правовой статус, как указывает Н. И. Матузов, раскрывает роль, место и значение субъекта в обществе, его возможности, принципы взаимоотношений с

иными субъектами и государством [1, с. 58]. Правовой статус – это объективная реальность [2, с. 123–126], универсальная категория для характеристики отдельного субъекта правоотношений. Каждый субъект права обладает правовым статусом, который может быть общим, индивидуальным и специальным. Тематика определения правовых статусов [3; 4] участников правоотношений в настоящее время переживает новый виток востребованности, обусловленный несколькими причинами. Во-первых, появление ранее не известных видов правоотношений привело к возникновению прав и обязанностей субъектов, реализация которых затруднена по объективным причинам ввиду либо отсутствия специального нормативного правового акта, либо противоречивостью и пробельностью уже имеющихся. Во-вторых, перманентное реформирование законодательства, которое оказывает воздействие на динамику прав и обязанностей субъектов правоотношений, создает условия для трансформации соответствующего правового статуса. В-третьих, использование в современных условиях законодательства по аналогии в случае возникновения споров из неурегулированных нормой права фактических отношений не решает проблем эффективной защиты их участников ввиду отсутствия понимания объема прав и обязанностей.

Принимая во внимание, что в настоящее время статус субъектов права социальных сетей формируется из фактических отношений и их саморегуляции, претерпевает значительные изменения, связанные с попытками государства его определения путем императивных предписаний, можно констатировать, что существует рассогласованность между реальными запросами и status quo. Предпринимаемые законодателем попытки разрешить вопросы, связанные с правовым регулированием функционирования социальных сетей, не успешны, поскольку не опираются на современные теоретические разработки в отношении права социальных сетей, фактически отрицая значение установления, в первую очередь, правового статуса его субъектов как отправной точки развития законодательства в этой сфере.

Актуализирует тему исследования появление новых полноценных пользователей социальных сетей – государственные органы, органы местного самоуправления и суды 2 сентября 2022 г. издано распоряжение Правительства Российской Федерации № 2523-Р, принятое в соответствии с п.6 ст. 1 Федерального закона от февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», определившее в качестве информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами, в том числе судами, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, включая управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, организациями, подведомственными государственным органам и органам местного самоуправления, для создания официальных страниц, социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники». Ведение страниц в социальных сетях станет обязательным для вышеперечисленных органов с 1 декабря 2022 г.

Представляется актуальным, основываясь на теоретических и отраслевых разработках категории «правовой статус», на анализе немногочисленных норм, регламентирующих отношения в социальных сетях, определить правовой статус субъектов права социальных сетей.

Методология

В число научных задач в рамках общего научного направления права социальных сетей входит устранение имеющихся противоречий в отношении право-

вого статуса субъектов, возникающих между фактическими отношениями, складывающимися между ними в социальных сетях, и имеющимся законодательным регулированием. В целях получения достоверных результатов и выводов использовались общенаучные методы анализа, индукции и дедукции, давшие возможность обосновать тезисы о правовом статусе пользователей социальных сетей. Использование системного метода привело к структурированному изложению эмпирического материала, позволило сформулировать положения о совокупности особенностей возникновения и развития правоотношений. Формально-юридический метод заключался в изучении российского законодательства, способного к регулированию рассматриваемых отношений.

Результаты и их обсуждение

Исследования права социальных сетей появились в юридической литературе сравнительно недавно. В теории права еще не сформировано доктринальное определение «право социальных сетей», что не исключает его существования и необходимости осмысления как правового феномена. Зарубежные исследователи отмечают (в контексте проблем с защитой персональных данных) отсутствие международного стандартного регулирования использования социальной сети, что усиливает отсутствие безопасности у пользователей, и необходимость создания правил, способных реагировать на глобальные проблемы, которые в силу своей природы обычно создают такого рода сети[1].

Во главе угла любых правоотношений стоят его субъекты, правовой статус которых предопределяет их динамику. Субъектный состав правоотношений, возникающих в социальных сетях, включает в себя физических лиц, юридических лиц, а также органы государственной власти, правовой статус которых в данном качестве пока еще сложно оценить.

За последние 10 лет субъекты права социальных сетей стали весьма активными участниками гражданского оборота, что предопределило возникновение научного интереса к пониманию и разрешению проблем их правового статуса. В частности, это исследования А. Е. Молотникова, Е. В. Архипова [5], М. В. Зоило, Н. В. Власовой [6], Ю. Е. Донникова [7], В. А. Белова [8], М. Е. Черемисиновой [9].

Анализ ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 14.07.2022 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон № 149-ФЗ) позволяет определить социальную сеть как сайт и/или страницу сайта в сети Интернет, и/или информационную систему, и/или программу для ЭВМ, которые предназначены и/или используются их пользователями для предоставления и/или распространения посредством созданных ими персональных страниц информации, на которых может распространяться реклама, направленная на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, и доступ к которым в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети Интернет, находящихся на территории Российской Федерации. Также определен язык распространения информации в социальных сетях – государственный язык Российской Федерации, республик в составе Российской Федерации или иные языки народов Российской Федерации.

Исходя из предложенного законодателем понимания социальной сети, основными субъектами являются владельцы сайтов и/или страниц сайтов в сети Интернет, и/или информационных систем, и/или программ для ЭВМ, обеспе-

[1] Linera Granda P. Á. de, Sánchez Mouriz N., Cuervas-Mons Ruiloba S. Legal problems of social networks. URL: https://www.w3.org/2008/09/msnws/papers/networks_legal_problems.pdf (дата обращения: 12.07.2022).

чивающие возможность предоставления и/или распространения информации посредством предоставления возможности создания персональных страниц (владелец социальной сети), и пользователи, которые путем реализации права на создание персональной страницы предоставляют и/или распространяют информацию в социальной сети.

Владелец социальной сети может соединять в себе несколько правовых статусов: владелец сайта, хостинг-провайдер и агрегатор. Вместе с тем следует учитывать правовой режим самой социальной сети. Сама по себе она может быть как самостоятельным сайтом, так и являться сервисом какой-либо компании. Например, запрещенная в Российской Федерации социальная сеть «Инстаграм» является одним из сервисов, который принадлежит запрещенной в Российской Федерации компании «Мета». Согласно данным сайта 2ip.ua, хостинг-провай-дером сайта meta.com является Facebook Inc. (http://www.facebook.com/). Поэтому для того, чтобы определить правовой режим самой социальной сети, необходимо понимать его техническую реализацию.

Законодательством определены легальные дефиниции владельца сайта в сети Интернет и провайдер хостинга (ст. 2 Закона № 149-ФЗ), а также владельца агрегатора информации о товарах (услугах) (преамбула Закона РФ от 7 февраля 1992 г. №2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей)). В первых двух определениях не содержится указания на специфику правового статуса, ограничиваясь указанием, что владельцем сайта и провайдером хостинга является «лицо». В отношении владельца агрегатора установлено, что им может быть организация независимо от организационно-правовой формы либо индивидуальный предприниматель.

Специальных требований к пользователям социальных сетей законодательство не устанавливает. По общему правилу пользователи – это физические лица, прошедшие регистрацию в социальной сети и создавшие аккаунт (страница пользователя), в котором самостоятельно и по своему усмотрению размещают информацию, создают результаты интеллектуальной деятельности, осуществляют управление им и порядок пользования. Вместе с тем некоторые социальные сети допускают регистрацию в качестве пользователя юридических лиц. Например, пользовательское соглашение российского портала «Закон.ру» под пользователем понимает физическое лицо или юридическое лицо, зарегистрированное на Сайте в соответствии с установленными Соглашением условиями, обладающее гражданской право- и дееспособностью, способное в соответствии с законодательством Российской Федерации приобретать гражданские права и нести обязанности от своего имени и выступать стороной Соглашения[1].

Лица, зарегистрированные в качестве пользователей социальной сети, могут создавать профессиональные и иные сообщества, если такое право не предусмотрено правилами владельца социальной сети, и самостоятельно вправе устанавливать правила для них.

В научной литературе отмечается, что в судебной практике происходит смешение понятий «пользователь» и «владелец интернет-сайта» в отношении пользователей социальных сетей [10], что обусловлено не только отсутствием легальной дефиниции, но и сложностью отношений, требующих глубоких познаний особенностей сочетания технических и правовых составляющих. Еще больше заблуждений наблюдается при соотношении правового статуса администратора профессионального сообщества, созданного пользователем социальной сети, и владельцем интернет-сайта, вызванное тем обстоятельством, что администрато-

[1] URL: https://zakon.ru/StaticInformation/EULA (дата обращения: 15.07.2022).

ры сообществ в социальных сетях вправе самостоятельно устанавливать правила поведения пользователей в своих сообществах, что дает основания отдельным участникам гражданского оборота полагать, что сообщество принадлежит именно администратору сообщества, а не владельцу интернет-сайта[1]. А соотнося легальное понятие «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)», данное в преамбуле Закона о защите прав потребителей, с общим пониманием термина «пользователь социальной сети», следует сделать вывод, что последние, даже при наличии у них бизнес-аккаунта, не могут выступать в качестве агрегаторов, поскольку не являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а обладают своими аккаунтами на основании пользовательских соглашений. В научной литературе отражено мнение, что «пользователи социальной сети являются не только получателями услуги по пользованию интернет-ресурса, но и обладают правовым статусом полноправного участника информационного обмена и коммерческого оборота» [11, с. 158].

Терминологические проблемы во многом связаны с недостаточной теоретической разработкой вопросов субъектного состава права социальных сетей. Так, абстрактное восприятие статуса «пользователь» не содействует пониманию его внутреннего содержания. Термин «пользователь» многогранен, поэтому в каждом конкретном правоотношении он нуждается в самостоятельном определении и не может иметь единое понимание.

Правовой статус пользователя социальной сети – физического лица – наиболее уязвимый в рассматриваемых правоотношениях. Это связано не только с такими проблемами, как надлежащая идентификация пользователя, право первого имени, защиты чести, достоинства и др., но и такими неотъемлемыми элементами цифрового оборота, как цифровое профилирование и социальное рейтингование. По справедливому замечанию А. В. Минбалеева, неотвратима необходимость «защиты прав граждан в части получения информации о том, как происходит сбор и оценка его цифрового профиля, как происходит формирование его рейтинга в рамках цифрового профиля, какие технологии и средства использовались в этом процессе. Важно… не допускать ограничения гражданской правоспособности, если оно осуществляется на основе решения, принятого автоматизированным образом, и гражданину не было предоставлено всей необходимой информации для определения возможности решить, стоило ли ему вступать в соответствующие цифровые отношения» [12]. В несколько ином ключе, но в унисон с вышеприведенным мнением высказывается М. Е. Черемисинова: «Юридические гарантии реализации правового статуса не могут быть обеспечены в полной мере ни одним из задействованных в регулировании Интернета субъектов. Ослабление такого элемента правового статуса, как гарантии прав и свобод, является существенным отличием правового статуса субъекта в виртуальной среде от иных видов правового статуса» [13, с. 13].

Возникновение правового статуса пользователя социальной сети связано с моментом его регистрации путем совершения ряда действий, предусмотренных пользовательским соглашением. Значение пользовательского соглашения в определении правовых статусов является определяющим: именно его условия содержат всю информацию, которая опре-

[1] См. например: Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 31 августа 2015 г. по делу № А56-58781/2012. URL: https://www.sudact.ru/arbitral/doc/EmFqBxY3355j/ (дата обращения: 15.07.2022)

деляет права, обязанности, ответственность пользователя.

Одним из главных неразрешенных вопросов остается до настоящего времени вопрос возраста, с которого физическое лицо вправе обрести статус пользователя социальной сети. В зарубежных правопорядках он не решен однозначно: например, американская социальная сеть ввела возрастной ценз для регистрации (13 лет), связанный с запретом в США сбора персональных данных детей без согласия родителей, одновременно указав в пользовательском соглашении, что в каждой стране минимальный возраст пользователя устанавливается самостоятельно. Немецкая социальная сеть StayFriends в пользовательском соглашении возраст никак не ограничивает[1].

Российская социальная сеть «ВКонтакте» в отношении возраста своих пользователей указывает, что «пользователем сайта является физическое лицо, зарегистрированное на сайте в соответствии с установленным настоящими Правилами порядком, достигшее возраста, допустимого в соответствии с законодательством Российской Федерации для акцепта настоящих Правил (подч. нами. – *Авт.*), и обладающее соответствующими полномочиями» (п. 5.2)[2]. Лицензионное соглашение социальной сети «Одноклассники» под лицензиатом понимает «физическое лицо, обладающее право- и дееспособностью для заключения настоящего Соглашения…» (подч. нами. – *Авт.*) (п.1)[3].

Ввиду того, что владельцам интернет-сайтов предоставлено право самостоятельно устанавливать правила пользования социальными сетями, в том числе и определять круг своих пользователей путем установления требований к субъекту, возникает противоречивая ситуация. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ), возраст полной дееспособности наступает по достижении гражданином 18-летнего возраста (ст. 21), с 14 до 18 лет несовершеннолетние вправе совершать сделки с письменного согласия законных представителей или их последующего одобрения, а также осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности и распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами. Следовательно, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе регистрироваться в социальной сети «ВКонтакте» только с письменного согласия родителей, а регистрация в сети «Одноклассники» им недоступна. В то же время малолетние вправе совершать сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации. Регистрация в социальной сети бесплатна, и в условиях отсутствия неопределенности возрастных ограничений в национальном законодательстве можно предположить, что любой малолетний, обладающий навыками работы в компьютере и сети Интернет, может стать ее пользователем.

Отсутствие возрастных ограничений при регистрации в социальной сети влечет за собой проблему надлежащей идентификации пользователя, особенно, если его страница предназначена для осуществления предпринимательской или иной деятельности, приносящей доход. В свою очередь, это ухудшает состояние защиты прав потребителей товаров (услуг), которые они получают от пользователей социальных сетей, ведущих свой бизнес посредством ее инструментов. Потребитель не «видит» реального контрагента, не может адекватно оценить свои риски, поскольку, по сути, при создании аккаунта и перевода его в бизнес-

[1] URL: https://www.stayfriends.de/general Conditions (дата обращения: 15.07.2022).

[2] URL: https://vk.com/terms (дата обращения: 15.07.2022).

[3] URL: https://ok.ru/regulations (дата обращения: 15.07.2022).

страницу презюмируется, что регистрируется лицо, достигшее необходимого возраста и обладающее соответствующей право-дееспособностью. Потребители социальных сетей, т.е. те, кто подпадает под понятие «потребитель» Закона о защите прав потребителей, – одни из самых незащищенных категорий пользователей, участвующих в рассматриваемых отношениях.

С 1 декабря 2022 г. число пользователей социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники» пополнится государственными органами, органами местного самоуправления и судами. В работе А. А. Парфенчика, исследующего феномен использования социальных сетей в государственном управлении за рубежом, указано, что «социальные сети позволяют сократить расходы при взаимодействии с гражданами посредством использования существующих веб-сайтов… социальные сети в государственном управлении могут использоваться в качестве одной из интернет-технологий развития электронного участия, которое, в свою очередь, выступает элементом электронного правительства» [4, с. 188]. Об особенностях участия государственных органов в социальных сетях как пользователей писала Н. Е. Дмитриева [15], о необходимости использования потенциала социальных сетей как «конструктивной и эффективной площадки для взаимодействия гражданского общества и органов государственной власти при реализации различных направлений национальной политики» – Е. Е. Никитина, Ж. А. Гаунова [16], об активном использовании социальных сетей государственными органами, в том числе для поиска лиц по их персональным данным, – Л. К. Терещенко [17][1] и ряд других авторов [18; 19].

Правовой статус этих пользователей социальных сетей с точки зрения действующего законодательства неопределенный. Помимо того, что пользовательские соглашения не предполагают создание аккаунтов даже юридическими лицами, вопрос верификации публично-правового образования остается открытым. А с учетом того, что ряд государственных органов являются по отношению к собственникам интернет-сайтов надзирающими и контролирующими органами, складывается парадоксальная ситуация, при которой аккаунт, созданный таким органом, будет принадлежать подконтрольному лицу. Кроме того, простота создания аккаунта в социальных сетях влечет определенные риски, связанные с выступлениями от имени государственного органа неуполномоченных на то лиц [20].

Выводы

Рассмотренные проблемы возникновения и определения правового статуса пользователей социальных сетей не исчерпываются предложенным кругом. Рамки настоящей статьи не позволяют, воспользовавшись методами правового моделирования и прогнозирования, создать модели негативных и позитивных динамик развития использования социальных сетей в жизни российских граждан. Вместе с тем изложенное свидетельствует, что правовой статус пользователя социальной сети на сегодняшний день следует определить как специальный, юридически определяемый не столько нормами действующего законодательства, сколько актами саморегулирования, предлагаемыми собственниками интернет-сайтов. Результаты анализа пользовательских соглашений свидетельствуют о том, что отсутствие единообразия фиксации правового статуса пользователей социальных сетей может повлечь за собой

[1] В качестве примера в статье Л. К. Терещенко приведены Методические рекомендации по использованию сети Интернет в целях поиска информации о должниках и их имуществе, подготовленные Федеральной службой судебных приставов от 30.11.2010 г. № 02-7 (в ред. письма ФССП от 16.03.2011 № 12/02-5588-ап).

негативные последствия как частноправового, так и публично-правового характера. С учетом ранее проведенных авторами исследований в сфере права социальных сетей представляется, что в настоящее время необходима разработка концепции самостоятельного закона о правовом регулировании социальных сетей в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 2 августа 2001 г. № 576 (в ред. от 13.03.2015 г.) «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов», который бы вобрал в себя специфику осуществления частной, государственной, социальной и предпринимательской деятельности, осуществляемой в рамках социальной сети, установив единые понятия, способы регистрации, реализацию прав, обязанностей участников правоотношений, их ответственность, устранив тем один из самых больших пробелов в правовом регулировании интернет-пространства.

Список литературы

1. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 293 с.

2. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 349 с.

3. Долинская В. В. Правовой статус и правосубъектность // Закон России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 6–17.

4. Орлова К. А. Правовой статус: соотношение со смежными понятиями // Мировой судья. 2013. № 4. С. 6–7.

5. Молотников А. Е., Архипов Е. В. Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности // Предпринимательское право. 2017. № 4. С. 38–47.

6. Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 140–145.

7. Донников Ю. Е. Наполнение баз данных сайтов в интернете пользователями: правовые аспекты // Юрист. 2021. № 6. С. 68–74.

8. Белов В. А. Цифровое посредничество и потребительские отношения: правовая природа и ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 8. С. 68–82.

9. Черемисинова М. Е. Социальная интернет-сеть в качестве субъекта правоотношений // Право в сфере Интернета: сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 375–386.

10. Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 228 с.

11. Босык О. И. Правовой режим социальной Интернет-сети // Право и практика. 2020. № 3. С. 153–159.

12. Минбалеев А. В. Проблемы гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав в процессе цифрового профилирования граждан // Гражданское право. 2022. № 2. С. 9–11.

13. Черемисинова М. Е. Правовой статус субъектов в сети Интернет: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. 30 с.

14. Парфенчик А. А. Использование социальных сетей в государственном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 186–198.

15. Дмитриева Н. Е. Для связи в сети: результаты мониторинга открытости федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 123–146.

16. Никитина Е. Е., Гаунова Ж. А. Взаимодействие органов публичной власти с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 5–19.

17. Терещенко Л. К. Государственный контроль в сфере защиты персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 142–161.

18. Абышко А. О. Конец общедоступных персональных данных в России? К вопросу о Федеральном законе от 30 декабря 2020 года № 519-ФЗ // Закон. 2022. № 3. С. 97–107.

19. Погодина И. В. Вовлеченность граждан в государственное управление или «совместное руководство»: методы и формы // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4. С. 6–8.

20. Аверин А. В., Погодина И. В., Авдеев Д. А. Органы государственной и муниципальной власти в социальных сетях: цели присутствия // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 6. С. 7–10.

References

1. Matuzov N. I. Pravovaya sistema i lichnost' [Legal system and personality]. Saratov, Saratov. Univ. Publ., 1987. 293 p.

2. Halfina R. O. Obshchee uchenie o pravootnoshenii [The general doctrine of the legal relationship]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1974. 349 p.

3. Dolinskaya V. V. Pravovoj status i pravosub"ektnost' [Legal status and legal personality]. *Zakon Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2012, no. 2, pp. 6–17.

4. Orlova K. A. Pravovoj status: sootnoshenie so smezhnymi ponyatiyami [Legal status: correlation with related concepts]. *Mirovoj sud'ya = Justice of the Peace*, 2013, no. 4, pp. 6–7.

5. Molotnikov A. E., Arhipov E. V. Social'nye seti i kompanii-agregatory: pravovye aspekty deyatel'nosti [Social networks and aggregator companies: legal aspects of activity]. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial Law*, 2017, no. 4, pp. 38–47.

6. Zaloilo M. V., Vlasova N. V. Social'nye internet-seti: pravovye aspekty [Social Internet networks: legal aspects]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2014, no. 5, pp. 140–145.

7. Donnikov Yu. E. Napolnenie baz dannyh sajtov v internete pol'zovatelyami: pravovye aspekty [Filling databases of websites on the Internet by users: legal aspects]. *Yurist = Lawyer*, 2021, no. 6, pp. 68–74.

8. Belov V. A. Cifrovoe posrednichestvo i potrebitel'skie otnosheniya: pravovaya priroda i otvetstvennost' [Digital mediation and consumer relations: legal nature and responsibility]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, no. 8, pp. 68–82.

9. Cheremisinova M. E. [Social Internet network as a subject of legal relations]. *Pravo v sfere Interneta. Sbornik statej* [Law in the field of the Internet. Collection of articles]; ed. by M. A. Rozhkova. Moscow, Statut Publ., 2018, pp. 375–386. (In Russ.)

10. Kirsanova E. E. Pravovoe regulirovanie oborota prav na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti v cifrovoj ekonomike [Legal regulation of the turnover of intellectual property rights in the digital economy]. Moscow, Yusticinform Publ., 2022. 228 p.

11. Bosyk O. I. Pravovoj rezhim social'noj Internetseti [Legal regime of the social Internet network]. *Pravo i praktika = Law and practice*, 2020, no. 3, pp. 153–159.

12. Minbaleev A. V. Problemy grazhdansko-pravovoj zashchity lichnyh neimushchestvennyh prav v processe cifrovogo profilirovaniya grazhdan [Problems of civil protection of personal non-property rights in the process of digital profiling of citizens]. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*, 2022, no. 2, pp. 9–11.

13. Cheremisinova M. E. Pravovoj status sub"ektov v seti Internet. Diss. kand. yurid. nauk [The legal status of subjects on the Internet. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2020. 30 p.

14. Parfenchik A. A. Ispol'zovanie social'nyh setej v gosudarstvennom upravlenii [The use of social networks in public administration]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya = Issues of state and municipal administration*, 2017, no. 2, pp. 186–198.

15. Dmitrieva N. E. Dlya svyazi v seti: rezul'taty monitoringa otkrytosti federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti v social'nyh setyah [For communication in the network: the results of monitoring the openness of federal executive authorities in social networks]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya = Issues of State and municipal management*, 2015, no. 2, pp. 123–146.

16. Nikitina E. E., Gaunova Zh. A. Vzaimodejstvie organov publichnoj vlasti s institutami grazhdanskogo obshchestva pri realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii [Interaction of public authorities with civil society institutions in the implementation of the state national policy of the Russian Federation]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2021, no. 10, pp. 5–19.

17. Tereshchenko L. K. Gosudarstvennyj kontrol' v sfere zashchity personal'nyh dannyh [State control in the field of personal data protection]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Pravo. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, no. 4, pp. 142–161.

18. Abyshko A. O. Konec obshchedostupnyh personal'nyh dannyh v Rossii? K voprosu o Federal'nom zakone ot 30 dekabrya 2020 goda No. 519-FZ [The end of publicly available personal data in Russia? On the issue of Federal Law No. 519-FZ of December 30, 2020]. *Zakon = Law*, 2022, no. 3, pp. 97–107.

19. Pogodina I. V. Vovlechennost' grazhdan v gosudarstvennoe upravlenie ili "sovmestnoe rukovodstvo": metody i formy [Involvement of citizens in public administration or "joint leadership": methods and forms]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2020, no. 4, pp. 6–8.

20. Averin A. V., Pogodina I. V., Avdeev D. A. Organy gosudarstvennoj i municipal'noj vlasti v social'nyh setyah: celi prisutstviya [State and municipal authorities in social networks: goals of presence]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2019, no. 6, pp. 7–10.

Информация об авторах / Information about the authors

Богдан Варвара Владимировна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: KurskPravo@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9686-4687

Varvara V. Bogdan, Dr. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Head of Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: KurskPravo@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9686-4687

Лаксми Лидия, профессор, отдел компьютерной науки и инженерии, Институт информационных технологий Виньяна, Вишакхапатнам, Андхра-Прадеш, Индия,
e-mail: elaxme2002@yahoo.com,
ORCID: 0000-0003-1751-481X

E Laxmi Lydia, Professor of the Department of Computer Science and Engineering, Vignan's Institute of Information Technology, Visakhapatnam, Andhra pradesh, India,
e-mail: elaxme2002@yahoo.com,
ORCID: 0000-0003-1751-481X

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-39-48

(cc) BY 4.0

Юридически значимые сообщения в семейных правоотношениях: к вопросу о межотраслевом взаимодействии

Е. В. Каймакова[1] ✉, О. А. Коротких[1], А. Н. Сурков[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kev.1976@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Действующее семейное законодательство связывает возникновение гражданско-правовых последствий для участников семейных отношений с необходимостью получения ими юридически значимых сообщений в случаях, прямо предусмотренных в законе. Вместе с тем институт юридически значимых сообщений не нашел своего закрепления и конкретизации в действующем Семейном кодексе Российской Федерации и применяется к семейным отношениям по правилам гражданского законодательства, что, в свою очередь, порождает проблемы практического характера при разрешении семейных споров в судебном порядке.*

Целью исследования *является выявление особенностей межотраслевого взаимодействия института юридически значимых сообщений, в том числе и вопросы его эффективного применения в семейно-правовом поле.*

Задачами исследования *выступают: определение правовой природы и специфики юридически значимых сообщений в семейных правоотношениях; разработка предложений по совершенствованию действующего семейного законодательства по вопросам использования данного института субъектами семейного права.*

Методология. *При решении исследовательских задач применялись как общенаучные (анализ, синтез, обобщение, сравнение и др.), так и частнонаучные (формально-догматический, межотраслевой) методы.*

Результаты. *Установлено межотраслевое взаимодействие института юридически значимых сообщений в гражданском и семейном праве; выявлены его специфические черты в семейных отношениях, связанные с действием императивного метода правового регулирования семейных отношений, а также публично-правовым характером отдельных видов юридически значимых сообщений.*

Выводы. *Юридически значимые сообщения играют важную роль не только в гражданском, но и семейном праве. Адресантами юридически значимых сообщений в семейном праве выступают не только физические лица, участвующие в семейных правоотношениях, но и государственные органы и организации, наделенные полномочиями по защите прав несовершеннолетних, что позволяет выделить новый вид юридически значимых сообщений в семейном праве – публично значимые юридические сообщения.*

Ключевые слова: *уведомление; заявление; извещение; требование; семейное законодательство; семейные отношения; супруги; требование кредиторов.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Каймакова Е. В., Коротких О. А., Сурков А. Н. Юридически значимые сообщения в семейных правоотношениях: к вопросу о межотраслевом взаимодействии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 39–48. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-39-48.

Поступила в редакцию 15.08.2022 Принята к публикации 09.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Каймакова Е. В., Коротких О. А., Сурков А. Н., 2022

Legally Relevant Communications in Family Law Relations: on Cross-Sectoral Interaction

Elena V. Kaymakova[1] ✉, Olga A. Korotkih[1], Alexander N. Surkov[1]

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kev.1976@mail.ru

Abstract

Relevance. *The current family legislation connects the emergence of civil law consequences for participants in family relations with the need to receive legally significant messages from them in cases directly provided for in the law. At the same time, the institution of legally significant messages did not find its consolidation and concretization in the current Family Code of the Russian Federation and applies to family relations according to the rules of civil law, which, in turn, gives rise to practical problems when resolving family disputes in court.*

The purpose *of the study is to identify the features of the intersectoral interaction of the institute of legally significant messages, including issues of its effective application in the family legal field.*

The objectives *of the study are to determine the legal nature and specifics of legally significant messages in family legal relations, as well as to develop proposals for improving the current family legislation on the use of this institute by subjects of family law.*

Methodology. *Methodology. When solving research problems, both general scientific (analysis, synthesis, generalization, comparison, etc.) and private scientific (formal-dogmatic, intersectoral) methods were used.*

Results. *Inter-sectoral interaction of the institute of legally significant communications in civil and family law has been established; its specific features in family relations related to the action of the imperative method of legal regulation of family relations, as well as the public-legal nature of certain types of legally significant communications, were revealed.*

Conclusion. *Legally relevant messages play an important role not only in civil but also in family law. The addressees of legally significant messages in family law are not only individuals participating in family legal relations, but also state bodies and organizations empowered to protect the rights of minors, which makes it possible to distinguish a new type of legally significant messages in family law - publicly significant legal messages.*

Keywords: *notification; application; notification; demand; family legislation; family relations; spouses; demand of creditors.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kaymakova E. V., Korotkih O. A., Surkov A. N. Legally Relevant Communications in Family Law Relations: on Cross-Sectoral Interaction. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 39–48. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-39-48.

Received 15.08.2022 Accepted 09.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Юридически значимые сообщения – правовой институт, получивший свое законодательное закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) после принятия Федерального закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (ст. 165.1 ГК РФ). В соответствии с указанной нормой юридически значимыми сообщениями выступают заявления, уведомления, извещения, требования и иные правовые формы, с которыми закон или сделка связывает гражданско-правовые последствия для

другого лица, а также влекут для этого лица такие последствия с момента доставки соответствующего сообщения ему или его представителю.

Научный интерес современных российских авторов к рассматриваемой проблеме представлен в их отдельных работах, как правило посвященных правоприменению юридически значимых сообщений применительно к гражданским отношениям [1–17]. Вместе с тем не стоит забывать о его комплексном характере и межотраслевом взаимодействии, которые будут исследованы в настоящей статье применительно к семейным отношениям, как известно, существенным образом отличающихся от гражданских, в первую очередь особой сущностью, личностно-доверительным характером, безвозмездностью и другими специфическими признаками. К числу основных работ, посвященных межотраслевому взаимодействию юридически значимых сообщений, следует отнести цикл исследований В. В. Богдан [18–22]. В частности, ученым отмечается, что юридически значимые сообщения могут носить публичный характер и что нормы ст. 165.1 ГК РФ могут быть применены в различных отраслях права [20, с. 24–25].

Еще до легализации рассматриваемого института в научной литературе рассматривался вопрос о его правовой природе. Как справедливо замечал Э. А. Евстигнеев, юридически значимые сообщения «ранее не являлись предметом самостоятельного и комплексного исследования в российском гражданском праве», в связи с чем «российская доктрина не задавалась целью определить их содержание или отнести к одной из теорий гражданского права» [5]. В дальнейшем научные дискуссии были развернуты как в отношении их правовой природы, особенностей процедурного характера (специфика отправки и получения таких сообщений), а также применения в отдельных видах гражданских правоотношений [1; 4; 9; 11; 15]. Вместе с тем в содержании ст. 165. 1 ГК РФ не содержится однозначного ответа о возможности ее применения в других отраслях права и, в частности, семейного права.

Методология

В процессе работы над исследованием использовались как отдельные общенаучные (анализ, синтез, обобщение, сравнение и др.), так и частнонаучные (формально-догматический, межотраслевой) методы, позволившие авторам рассмотреть природу и содержание изучаемой правовой категории – юридически значимого сообщения, имеющего междисциплинарный характер и применение, как в гражданских, так и в семейных правоотношениях. Помимо этого, при анализе текста нормативных правовых актов в исследовании использовался формально-юридический метод.

Результаты и их обсуждение

Семейное законодательство регулирует порядок осуществления и защиты семейных прав, условия и порядок вступления в брак, прекращения брака и признания его недействительным, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи, а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами, определяет порядок выявления детей, оставшихся без попечения родителей, формы и порядок их устройства в семью, а также их временного устройства, в том числе в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. К названным выше имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений. Законодатель рассматривает гражданское и семейное право в качестве смежных отраслей, допус-

кающих субсидиарное применение норм другой отрасли. В силу этого нормы гражданского законодательства в части правового регулирования юридически значимых сообщений могут применяться при регулировании семейных правоотношений.

Обратившись к непосредственному содержанию Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) обнаруживаем, что рассматриваемая правовая категория уже давно выполняет свои функции применительно к тем отношениям, которые регулируются нормами семейного законодательства, где закреплены юридически значимые сообщения в форме уведомления (ст. 46, 70, 77 СК РФ) и сообщения (ст. 111, 56, 122 СК РФ).

Как правило, уведомления и сообщения, содержащиеся в семейном законодательстве, носят обязательный характер для одного из участников (например, для супруга-должника; лица, обязанного уплачивать алименты и др.): на основании п. 1 ст. 46 СК РФ супруг обязан уведомлять своего кредитора (кредиторов) о заключении, об изменении или о расторжении брачного договора. Данная обязанность выступает гарантией прав кредиторов при заключении, изменении и расторжении брачного договора супругов. При невыполнении этой обязанности каждый супруг, являющийся должником, отвечает по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора.

В указанном случае для супруга-должника наступают гражданско-правовые последствия в виде исполнения долговых обязательств в полном объеме перед кредитором вне зависимости от содержания брачного договора, на основании которого супруги имеют право перераспределить свои имущественные обязанности.

С момента получения предусмотренного ст. 46 СК РФ уведомления от гражданина, заключившего, изменившего или расторгнувшего брачный договор, кредитор не имеет права не учитывать его содержание. Таким образом, для кредитора одного из супругов с момента получения юридически значимого сообщения в виде уведомления возникают гражданско-правовые последствия имущественного характера и в своих действиях по взысканию суммы долга он ограничен условиями брачного договора.

Как свидетельствует судебная практика, по большинству гражданских дел, связанных с обращением требований кредиторов к супругу-должнику, о факте заключения супругами брачного договора, кредиторы либо не уведомляются, либо со слов супруга-должника уведомляются, но ненадлежащим образом, что подтверждается рядом наглядных примеров. Так, например, решением Нижегородского районного суда с Я. в пользу С. взысканы сумма долга в размере 938 000 руб., проценты за пользование чужими денежными средствами в сумме 23812 руб. и расходы по оплате государственной пошлины в сумме 12 818,12 руб. на основании того, что на момент заключения брачного договора у Я. уже существовала задолженность и имелось решение суда, вступившее в законную силу, о взыскании с него суммы долга в пользу истца. При заключении брачного договора Я. был обязан уведомить кредитора об этом в установленном законом порядке. Устное уведомление, на которое ссылался ответчик, суд признал голословным, т. к. не имело допустимых и достоверных доказательств [18].

В другом аналогичном деле суд указал в своем решении, что «надлежащих доказательств, подтверждающих факт того, что ответчик Кныш О. Д. поставил в известность истца о заключении брачного договора, ответчиками суду не представлено. Уведомление кредитора о заключении брачного договора не может быть признано допустимым доказательством по делу, поскольку указанное уведомление подписано самими ответчиками, а также их знакомыми. Подпись истца данное уведомление не содержит.

Ссылки ответчиков на то, что истец не получает почтовую корреспонденцию, в связи с чем он был уведомлен ими о заключении брачного договора в устной форме, судом не могут быть приняты во внимание, поскольку почтовая квитанция, подтверждающая направление истцу уведомления в материалы дела, не представлена» [19], что свидетельствует о нарушении порядка отправления юридически значимых сообщений субъектами семейных отношений.

Другим наглядным примером межотраслевого гражданско-семейно-правового взаимодействия института юридически значимых сообщений выступает извещение одного из супругов, являющегося участником общей долевой собственности, о продаже своей доли, направленное другому супругу-сособственнику в силу ст. 250 ГК РФ в том случае, если супруги изменили режим общей совместной собственности на основании брачного договора. В данной ситуации супруги с точки зрения гражданского права выступают сособственниками имущества, которое находится у них в общей долевой собственности и к ним применяются положения гражданского законодательства.

В отдельных нормах Семейный кодекс РФ предусматривает обязанность одних государственных органов уведомлять другие о юридических фактах, имеющих значение. Например, в п. 4 ст. 70 СК РФ закреплена обязанность суда при рассмотрении дела о лишении родительских прав в случае обнаружения в действиях родителей или одного из них признаков уголовно наказуемого деяния, уведомить об этом прокурора. В силу п. 2 ст. 77 СК РФ при немедленном отобрании ребенка у родителей, не дожидаясь вынесения судебного решения о лишении или ограничении их родительских прав (в силу того, что оставление ребенка с родителями представляет собой угрозу для жизни или здоровья последнего), орган опеки и попечительства обязан незамедлительно уведомить об этом прокурора.

Во всех указанных выше случаях действующее российское законодательство не предусматривает форму юридически значимого сообщения (например, в рассматриваемых правовых нормах отсутствует указание на то, что такое уведомление должно быть сделано исключительно в письменной форме).

Данный пробел в достаточной степени восполняется судебной практикой, где разъясняется, что по смыслу п. 1 ст. 165.1 ГК РФ юридически значимое сообщение, адресованное гражданину, должно быть направлено по адресу его регистрации по месту жительства или пребывания либо по адресу, который гражданин указал сам (например, в тексте договора), либо его представителю (п. 1 ст.165.1 ГК РФ, п. 63 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

С учетом положения п. 2 ст. 165.1 ГК РФ юридически значимое сообщение, адресованное гражданину, осуществляющему предпринимательскую деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, или юридическому лицу, направляется по адресу, указанному соответственно в едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей или в едином государственном реестре юридических лиц либо по адресу, указанному самим индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом.

Например, в силу ст. 46 СК РФ супруг, являющийся должником индивидуального предпринимателя или кредитной организации, должен направлять уведомление о заключении, изменении или расторжении брачного договора, по указанному в кредитном договоре адресу или адресу, указанному в ЕГРИП и ЕГРЮЛ. При этом необходимо учитывать, что гражданин – индивидуальный предприниматель или юридическое лицо – несет риск последствий неполучения юридиче-

ски значимых сообщений, доставленных по адресам, перечисленным выше, а также риск отсутствия по указанным адресам своего представителя. Сообщения, доставленные по названным адресам, считаются полученными, даже если соответствующее лицо фактически не проживает (не находится) по указанному адресу.

Иными словами, если сообщение было направлено адресату, то предполагается, что оно было доставлено. При этом не имеет значения, получил ли адресат информацию, содержащуюся в сообщении. Так, если сообщение не было ему вручено по зависящим от него обстоятельствам (например, лицо специально не получало заказное письмо), то оно все равно считается доставленным. Соответственно, все риски фактического неполучения юридически значимого сообщения в указанных случаях несет адресат.

Несколько иная ситуация складывается при установлении факта доставки юридически значимого сообщения физическому лицу. В соответствии со ст. 20 ГК РФ местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. Гражданин, сообщивший кредиторам, а также другим лицам сведения об ином месте своего жительства, несет риск вызванных этим последствий.

Судебная практика разъясняет способы направления юридически значимых сообщений: посредством электронной почты, факсимильной и другой связи, осуществляться в иной форме, соответствующей характеру сообщения и отношений, информация о которых содержится в таком сообщении, когда можно достоверно установить, от кого исходило сообщение и кому оно адресовано (например, в форме размещения на сайте хозяйственного общества в сети Интернет информации для участников этого общества, в форме размещения на специальном стенде информации об общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме и т.п.).

Например, применительно к семейным отношениям в силу ст. 70 СК РФ суд может уведомить прокурора об обнаружении в действиях родителей признаков уголовно наказуемого деяния, так же как и органы опеки в силу ст. 77 СК РФ вправе сообщить ему о факте немедленного изъятия ребенка из семьи по электронной почте или по факсу как наиболее быстрым и удобным для исполнения способам.

Вместе с тем в отдельных случаях, применительно к семейным отношениям, не всегда возможно направление юридически значимых сообщений посредством способов, обозначенных судебной практикой. Объясняется это тем, что СК РФ (п. 3 ст. 56) обязывает не только должностных лиц организаций, но и всех граждан (независимо от возраста, образования, места жительства, материально-технических возможностей) сообщать в органы опеки и попечительства о фактах нарушения прав несовершеннолетних детей, в том числе и со стороны их законных представителей (родителей, усыновителей, опекунов и попечителей).

Все изложенное позволяет выделить новый вид юридически значимых сообщений в семейных правоотношениях, имеющих публично-правовой характер применения, например, уведомления о нарушении прав ребенка и наличии состава преступлений в действиях его родителей (одного из них), направляемые в правоохранительные или уполномоченные органы для дальнейшего рассмотрения и принятия по ним правовых решений.

Выводы

Таким образом, такая гражданско-правовая категория, как «юридически значимые сообщения», применяется не только в гражданских, но и в семейных отношениях, однако с учетом специфических особенностей семейных отношений, метода семейно-правового регулирования, публично-правовой защиты участ-

ников семейных отношений. Адресантами юридически значимых сообщений выступают не только физические лица, участвующие в семейных правоотношениях, но и государственные органы и организации, наделенные полномочиями по защите прав несовершеннолетних.

С учетом изложенного отнесение сообщений, предусмотренных ст. 70, 77 СК РФ, и некоторых других к юридически значимым в буквальном смысле ст. 165.1 ГК РФ считаем весьма сомнительным, поскольку такие сообщения не отвечают критерию наступления у адресата гражданско-правовых последствий, предусмотренных законом или договором. Вместе с тем указанные сообщения представляют собой действенный способ защиты несовершеннолетних членов семьи, а также соблюдение их прав и законных интересов, следовательно, они имеют правовое значение для разрешения споров в судебном порядке. Указанные обстоятельства обусловливают возможность применения ст. 165.1 ГК РФ к сообщениям, предусмотренным ст. 70, 77 СК РФ, в порядке межотраслевого взаимодействия и аналогии закона. Изложенное также позволяет сделать вывод о том, что юридически значимое сообщение может носить публичный характер, в качестве правовых последствий которого выступают обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних членов семьи, привлечение к ответственности родителей за незаконные противоправные действия в отношении несовершеннолетних, предусматривающих назначение уголовного наказания. Выявление указанных особенностей, на наш взгляд, обеспечивает возможность применения ст. 165.1 ГК РФ в отдельных отраслях права, регулирующих как частноправовые, так и публично-правовые отношения.

Список литературы

1. Белов В. А. Юридически значимые сообщения и их значение в потребительских правоотношениях // Вестник арбитражной практики. 2017. № 2. С. 51–61.

2. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. С. 112–125.

3. Дидковская Е. Н., Стукалова Д. Д. К вопросу о юридически значимых сообщениях // Отдельные новеллы гражданского законодательства: сборник статей / отв. ред. В. Н. Сидорова. СПб.: СЗФ РПА Минюста РФ, 2014. 168 с.

4. Долинская В. В. Правовая природа юридически значимых сообщений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 6. С. 10–19.

5. Евстигнеев Э. А. Правовая природа юридически значимых сообщений // Вестник гражданского права. 2012. № 5. С. 37–65.

6. Иванова Т. Н., Монченко О. В. Юридически значимое сообщение как квазисделка в российском гражданском праве // Право и экономика. 2016. № 1. С. 38–44.

7. Иванчак А. И. Гражданское право Российской Федерации: Общая часть. М.: Статут, 2014. С. 24–209.

8. Илюшина М. Н., Анисимова М. С. Юридически значимые сообщения: гражданско-правовая и гражданско-процессуальная квалификация // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 6. С. 3–9.

9. Курбатов А. Я. Юридически значимые сообщения в банковских отношениях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 6. С. 36–41.

10. Лазаренкова О. Г., Алексеева Е. В. О возможности применения гражданско-правовых норм о юридически значимых сообщениях в процессуальной деятельности суда // Российский судья. 2015. № 5.С. 18–21.

11. Макарова О. А. Юридически значимые сообщения: порядок и формы представления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 6. С. 23–27.

12. Поваров Ю. С. Юридически значимое сообщение и сделка: анализ концептуальных подходов к соотношению // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 65–77.

13. Родионова О. М. К вопросу о гражданско-правовой природе юридически значимых сообщений // Юрист. 2015. № 14. С. 4–8.

14. Скуратовская М. М. Юридически значимые сообщения в судебных и несудебных формах защиты гражданских прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 6. С. 46–52.

15. Фомина О. Н. Правовая природа юридически значимых сообщений и их роль в корпоративном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 6. С. 52–59.

16. Чашкова С. Ю. Юридически значимые сообщения и нотариальная деятельность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 6. С. 41–46.

17. Шмелев Р. В. Юридически значимые сообщения в гражданском праве Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 15.07.2022).

18. Юридически значимые сообщения в гражданском праве России / В. В. Богдан, О. Е. Блинков, В. Н. Ткачев, П. М. Филиппов, А. П. Фоков. Курск: Университетская книга, 2019. 78 с.

19. Богдан В. В. Юридически значимые сообщения в правоотношениях с участием потребителей // Advances in Law Studies. 2019. Т. 7, № 1. С. 16–20.

20. Богдан В. В., Коротких О. А. Юридически значимые сообщения в межотраслевой аналогии закона // Advances in Law Studies. 2019. Т. 7, № 3. С. 21–25.

21. Богдан В. В. Юридически значимые сообщения в механизме гражданско-правовой защиты // Advances in Law Studies. 2018. Т. 6, № 4. С. 46–50.

22. Legal significance of electronic messages and documents / E. A. Kirillova, V. V. Bogdan, G. M. Volovatskaya, T. A. Melnichenko, V. N. Ognev // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. 9, no. 3. P. 997–1003.

References

1. Belov V. A. Yuridicheski znachimye soobshcheniya i ih znachenie v potrebitel'skih pravootnosheniyah [Legally significant messages and their significance in consumer legal relations]. *Vestnik arbitrazhnoj praktiki = Bulletin of Arbitration Practice*, 2017, no. 2, pp. 51–61.

2. Vitryanskij V. V. Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi [Reform of Russian civil legislation: interim results]. Moscow, Statut Publ., 2016, pp. 112–125.

3. Didkovskaya E. N., Stukalova D. D. [On the issue of legally significant messages]. *Otdel'nye novelly grazhdanskogo zakonodatel'stva. Sbornik statej* [Individual novelties of civil legislation. Collection of articles]. St. Petersburg, SZF RPA Minyusta RF Publ., 2014. 169 p. (In Russ.)

4. Dolinskaya V. V. Pravovaya priroda yuridicheski znachimyh soobshchenij [The legal nature of legally significant messages]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2014, no. 6, pp. 10–19.

5. Evstigneev E. A. Pravovaya priroda yuridicheski znachimyh soobshchenij [The legal nature of legally significant messages]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*, 2012, no. 5, pp. 37–65.

6. Ivanova T. N., Monchenko O. V. Yuridicheski znachimoe soobshchenie kak kvazisdelka v rossijskom grazhdanskom prave [A legally significant message as a quasi-transaction in Russian civil law]. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2016, no. 1, pp. 38–44.

7. Ivanchak A. I. Grazhdanskoe pravo Rossijskoj Federacii: Obshchaya chast' [Civil Law of the Russian Federation: General part]. Moscow, Statut Publ., 2014, pp. 24–209.

8. Ilyushina M. N., Anisimova M. S. Yuridicheski znachimye soobshcheniya: grazhdansko-pravovaya i grazhdansko-processual'naya kvalifikaciya [Legally significant messages: civil law and civil procedural qualification]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2014, no. 6, pp. 3–9.

9. Kurbatov A. Ya. Yuridicheski znachimye soobshcheniya v bankovskih otnosheniyah [Legally significant messages in banking relations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practic*e, 2014, no. 6, pp. 36–41.

10. Lazarenkova O. G., Alekseeva E. V. O vozmozhnosti primeneniya grazhdansko-pravovyh norm o yuridicheski znachimyh soobshcheniyah v processual'noj deyatel'nosti suda [On the possibility of applying civil law norms on legally significant communications in the procedural activity of the court]. *Rossijskij sud'ya = Russian Judge*, 2015, no. 5, pp. 18–21.

11. Makarova O. A. Yuridicheski znachimye soobshcheniya: poryadok i formy predstavleniya [Legally significant messages: procedure and forms of submission]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2014, no. 6, pp. 23–27.

12. Povarov Yu. S. Yuridicheski znachimoe soobshchenie i sdelka: analiz konceptual'nyh podhodov k sootnosheniyu [Legally significant message and transaction: analysis of conceptual approaches to the relationship]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 7, pp. 65–77.

13. Rodionova O. M. K voprosu o grazhdansko-pravovoj prirode yuridicheski znachimyh soobshchenij [To the question of the civil nature of legally significant messages]. *Yurist = Lawyer*, 2015, no. 14, pp. 4–8.

14. Skuratovskaya M. M. Yuridicheski znachimye soobshcheniya v sudebnyh i nesudebnyh formah zashchity grazhdanskih prav [Legally significant communications in judicial and non-judicial forms of civil rights protection]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2014, no. 6, pp. 46–52.

15. Fomina O. N. Pravovaya priroda yuridicheski znachimyh soobshchenij i ih rol' v korporativnom prave [The legal nature of legally significant messages and their role in corporate law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2014, no. 6, pp. 52–59.

16. Chashkova S. Yu. Yuridicheski znachimye soobshcheniya i notarial'naya deyatel'nost' [Legally significant messages and notarial activity]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2014, no. 6, pp. 41–46.

17. Shmelev R. V. Yuridicheski znachimye soobshcheniya v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii [Legally significant messages in the civil law of the Russian Federation]. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi/ (accessed 15.07.2022).

18. Bogdan V. V., Blinkov O. E., Tkachev V. N., Filippov P. M., Fokov A. P. Yuridicheski znachimye soobshcheniya v grazhdanskom prave Rossii [Legally significant messages in the civil law of Russia]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2019. 78 p.

19. Bogdan V. V. Yuridicheski znachimye soobshcheniya v pravootnosheniyah s uchastiem potrebitelej [Legally significant messages in legal relations with the participation of consumers]. *Advances in Law Studies*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 16–20.

20. Bogdan V. V., Korotkih O. A. Yuridicheski znachimye soobshcheniya v mezhotraslevoj analogii zakona [Legally significant messages in the intersectoral analogy of the law]. *Advances in Law Studies*, 2019, vol. 7, no. 3, pp. 21–25.

21. Bogdan V. V. Yuridicheski znachimye soobshcheniya v mekhanizme grazhdansko-pravovoj zashchity [Legally significant messages in the mechanism of civil protection]. *Advances in Law Studies*, 2018, vol. 6, no. 4, pp. 46–50.

22. Kirillova E. A., Bogdan V. V., Volovatskaya G. M., Melnichenko T. A., Ognev V. N. Legal significance of electronic messages and documents. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 997–1003.

Информация об авторах / Information about the Authors

Каймакова Елена Васильевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kev.1976@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4665-5067

Elena V. Kaymakova, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Civil, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kev.1976@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4665-5067

Коротких Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: korotkixol@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7784-3773

Olga A. Korotkih, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Civil, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: korotkixol@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7784-3773

Сурков Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gpkursk@yandex.ru

Alexander N. Surkov, Dr. of Sci. (Juridical), Professor of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gpkursk@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-49-59

(cc) BY 4.0

Система гражданско-правовых договоров, способствующих снабжению покупателей (потребителей) электроэнергией

О. Б. Новрузова[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: novruz8787@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В условиях глобальных изменений мировой экономики и геополитической обстановки достаточное обеспечение потребностей внутреннего рынка электроэнергии гарантирует национальную безопасность Российской Федерации. Высокое качество правового регулирования договорных конструкций представляет собой один из основополагающих факторов, способствующих устойчивому развитию рынка электроэнергетики. Вместе с тем ни законодатель, ни правоприменители, ни представители цивилистической науки не разработали единой классификации элементов системы гражданско-правовых договоров, способствующих снабжению покупателей (потребителей) электроэнергией, что обусловливает своевременность и целесообразность комплексного изучения этого вопроса.*

Целью *исследования выступает разработка классификации гражданско-правовых договоров, способствующих снабжению покупателей (потребителей) электроэнергией как элементов единой системы.*

Задачи: *изучить разработанные на сегодняшний день классификации договоров на розничном и оптовом рынке электроэнергетики, выявить специфические черты законодательного подхода к системе гражданско-правовых договоров, связанных с электроэнергией.*

Методология *исследования представлена диалектико-материалистическим методом, системным методом, а также были применены анализ, синтез и формально-юридический метод.*

Результаты. *Разработан авторский вариант системы гражданско-правовых договоров, способствующих снабжению покупателей (потребителей) электроэнергией: договоры, регулирующие оптовый рынок электроэнергии; договоры, регулирующие розничные рынки электроэнергии; сервисные договоры, обеспечивающие функционирование вышеназванных договоров; организационные договоры, содействующие производству, доставке и потреблению электроэнергии.*

Вывод. *Общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации о договорах и обязательствах, их исполнении и ответственности в полной мере действуют для договорных форм, обслуживающих оптовый и розничные рынки электроэнергии нашей страны, но с учетом принципов, норм и правил энергетического законодательства. Предлагается внести в энергетическое законодательство положение о том, что договоры поставки электроэнергии на оптовом и розничных рынках электроэнергии возможны только с участием коммерческих организаций или индивидуальных предпринимателей в рамках гражданско-правового договора поставки.*

Ключевые слова: *электроэнергия; договор; система; оптовый рынок; розничный рынок; законодательство.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Новрузова О. Б. Система гражданско-правовых договоров, способствующих снабжению покупателей (потребителей) электроэнергией // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 49–59. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-49-59.

Поступила в редакцию 11.08.2022 Принята к публикации 09.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Новрузова О. Б., 2022

The System of Civil Law Contracts that Facilitate the Supply of Electricity to Customers (Consumers)

Oxana B. Novruzova[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: novruz8787@mail.ru

Abstract

Relevance. *Under the conditions of global changes in the world economy and geopolitical situation, sufficient supply of domestic power market needs guarantees national security of the Russian Federation. High quality of legal regulation of contractual structures is one of the fundamental factors that contribute to the sustainable development of the power market. At the same time, neither the legislator, nor law enforcers, nor representatives of civil science have not developed a unified classification of elements of the system of civil law contracts that contribute to the supply of customers (consumers) with electricity, which makes it timely and expedient to study this issue in a comprehensive way.*

Purpose. *The study is to develop a classification of civil contracts that contribute to the supply of electricity customers (consumers) as elements of a unified system.*

Objectives *to study the currently developed classifications of contracts in the retail and wholesale electricity market, to identify the specific features of the legislative approach to the system of civil law related to electricity.*

Methodology *of the study is represented by the dialectical-materialistic method, the systematic method, as well as the analysis, synthesis and formal-legal method were applied.*

Results. *Developed the author's version of the system of civil contracts contributing to the supply of buyers (consumers) of electricity: contracts regulating the wholesale electricity market; contracts regulating the retail electricity markets; service contracts that ensure the functioning of the above-mentioned contracts; organizational contracts that contribute to the production, delivery and consumption of electricity.*

Conclusion. *General provisions of the Civil Code of the Russian Federation on contracts and obligations, their performance and responsibility are fully valid for contractual forms serving wholesale and retail power markets of our country, but taking into account principles, norms and rules of energy legislation. It is proposed to introduce into the energy legislation a provision that power supply contracts on the wholesale and retail power markets are possible only with participation of commercial organizations or individual entrepreneurs within the framework of civil law supply contract.*

Keywords: *electricity; contrac; system; wholesale market; retail market; legislation.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Novruzova O. B. The System of Civil Law Contracts that Facilitate the Supply of Electricity to Customers (Consumers). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 49–59. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-49-59.

Received 11.08.2022 Accepted 09.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

На оптовом и розничных рынках электроэнергии действует множество договоров, призванных способствовать функционированию договора энергоснабжения. Наблюдается большой удельный вес энергетического законодательства, которое вводит в орбиту энергоснабжения дополнительные (помимо договора энергоснабжения) договоры: договоры купли-продажи, поставки электроэнергии, так называемые свободные двусторонние договоры, энергосервисные договоры (контракты), значительно

усложняющие законотворчество и правоприменение в сфере подачи и потребления электроэнергии. Продажа, транспортировка (передача), снабжение (потребление) электрической энергии на энергетических рынках происходит на основе чрезвычайно сложной системы гражданско-правовых договоров.

Представители цивилистической науки пытаются внимательно проанализировать их качество, содержание и эффективность, дать надлежащую правовую оценку, выявить плюсы и минусы, осуществить классификацию этих договоров, предложить законодателю меры по их дальнейшему совершенствованию [1; 2; 3]. Данные задачи представляют определенную сложность и требуют всестороннего объективного научного анализа энергетического законодательства, содержащего самые различные договорные модели, обязанные способствовать энергоснабжению.

Методология

Для достижения поставленной цели и задач исследования были использованы основные элементы методологического аппарата юридической науки. Применение диалектико-материалистического метода позволило провести исследование системы гражданско-правовых договоров, способствующих снабжению покупателей (потребителей) электроэнергией во взаимосвязи с деятельностью участников розничного и оптового рынков электроэнергетики. С помощью системного метода автору удалось выявить и оценить противоречия существующих в цивилистике подходов к выявлению элементов системы гражданско-правовых договоров по обеспечению электроэнергией. Анализ и синтез как общенаучные методы дали возможность выявить факторы, способствующие наличию большого количества договорных форм в области обеспечения населения и производственного сектора электроэнергией. Использование формально-юридического метода заключалось в изучении энергетического законодательства во взаимосвязи с нормами гражданского права.

Результаты и их обсуждение

Большое количество договорных форм, способствующих энергоснабжению, обусловлено в некоторой степени не только субъективным подходом законодателя, но и:

1) территориальным пространством Единой энергетической системы нашей страны (протяженностью электролиний, действием различных часовых поясов и т.д.);

2) сложностью регулирования самого процесса энергоснабжения, требующего особого учета, контроля, соблюдения безопасности, надежности, непрерывности снабжения, качественного состояния электрических сетей, приборов учета, энергооборудования, поддержания постоянного напряжения в сети, своевременного перераспределения электроэнергии, устранения аварийных ситуаций, недопущения незаконного прекращения или приостановления подачи электроэнергии;

3) участием в энергоснабжении достаточно большого количества физических и юридических лиц;

4) единством производства, передачи и потребления электрической энергии как особого объекта гражданских правоотношений и средства энергоснабжения.

В. В. Ровный обоснованно считает, что регулятивную функцию договора энергоснабжения обеспечивает множество сопутствующих ему договоров (например, договор оказания возмездных услуг), заключаемых производителями электроэнергии, энергоснабжающими, сетевыми организациями, гарантирующими поставщиками и другими участниками энергетических правоотношений [4, с. 91–107].

О. А. Символоков справедливо отмечает, что энергоснабжающие организации, будучи стороной договора энерго-

снабжения, завершают последнюю стадию электроэнергетического процесса, объединяя своей деятельностью все предшествующие стадии: производство, продажу, оказание услуг (передачу, оперативно-диспетчерское управление) [5, с. 90].

Исследователь С. А. Свирков разработал классификацию договоров, связанных с энергией, взяв за основу право на энергию, а также право на ее передачу. Первая группа договоров представляет собой те договоры, которые непосредственно связаны с отчуждением права на энергию, к примеру, договор энергоснабжения на розничном рынке или на биржах. Во вторую группу входят договоры энергоснабжения, которые направлены на передачу согласованных объемов энергии, с одной стороны, и права на энергию, с другой стороны. К таким видам договоров относится договор энергоснабжения. Третья группа договоров включает в себя те, в которых имеет место отчуждение права на энергию, к примеру, финансовый контракт на передачу при перегрузке сети.

Предусмотренные Законом об электроэнергетике договоры купли-продажи электроэнергии на оптовом и розничных рынках страны, исходя из тождественности их предмета (реализация, приобретение электроэнергии), представляют собой отдельные виды договора о реализации (приобретении) электроэнергии [6, с. 4].

Известный цивилист, профессор В. В. Витрянский считает необходимым взять за основу ряд договоров, применяемых на рынке энергетики, в целях разработки родового договора по реализации электрической энергии [7, с. 11]. Ученый называет следующие договоры для разработки родового договора в области электроэнергетики: договоры купли-продажи и поставки энергии; договоры, применяемые как на оптовом, так и на розничном рынке, а также с наличием специального субъекта договора – гарантирующего поставщика. В целом, можно говорить о намерении В. В. Витрянского создать универсальный договор энергоснабжения, применяя разработки наиболее распространенных на рынке договорных конструкций.

С. В. Матиящук различает следующие виды гражданско-правовых договоров в сфере электрообеспечения:

1) основные договоры, регулирующие энергоснабжение с помощью присоединенной сети;

2) вспомогательные договоры (договоры по оказанию возмездных услуг как составной части основного договора);

3) договоры организационного характера, которые по своей сути содействуют заключению основного договора энергоснабжения;

4) договоры, содействующие энергосбережению (например, энергосервисные договоры, контракты) [8, с. 9].

Часть ученых полагают, что договоры в области электроэнергетики носят достаточно универсальный характер, поскольку на практике имеет место их применение на розничных и оптовых рынках энергии [9; 10].

О. А. Городов разработал собственную систему договоров, используемых на рынке энергоснабжения в зависимости от их функционала в розничном и оптовом обороте энергии. Первая группа договоров предназначена обеспечить оптовые рынки энергии. Вторая группа договоров предназначена для розничных рынков. Третья группа договоров носит вспомогательный характер, а четвертая группа договоров позволяет надлежащим образом, своевременно регулировать услуги по передаче электроэнергии в частности и доступ к электросетям в целом [11, с. 39; 12, с. 94].

На наш взгляд, классификационные границы между договорами обоих видов рынков электроэнергии весьма «размыты».

По утверждению Е. О. Крассова, договоры в сфере электроэнергетики классифицируются на: 1) договоры по снаб-

жению электроэнергией и 2) договоры об организации её снабжения [13, с. 25]. По нашему мнению, первый вид договоров состоит лишь из договора энергоснабжения и не включает в себя договоры купли-продажи (поставки) электроэнергии (мощности) [5, с. 186].

Дополняя вывод ученого о существовании организационных договоров и договоров оказания услуг в сфере энергоснабжения, следует подчеркнуть, что С. А. Свирков выдвинул в качестве диссертационного положения тезис о том, что договор возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ) не отражает всей специфики деятельности вспомогательных служб (включая сетевые организации), который лишь формально связан законом с исполнением договора энергоснабжения [14, с. 10].

При изучении научных воззрений по вопросам систематизации договорных конструкций в электроэнергетике следует обратить внимание на позицию Е. В. Гончаровой. Ученый утверждает, что договоры необходимо систематизировать по критерию применения естественными монополиями или в конкурентной среде. Так, в пласт договоров, связанных с естественно-монопольной сферой, включены договоры, которые непосредственно не направлены на реализацию электроэнергии на рынке, но в них применяются объекты электроэнергетики; договоры, заключаемые с особой категорией субъектов, имеющих в управлении технологически изолированные электроэнергетические системы и действующих в пределах региональных рынков энергии. К другой группе исследователь причисляет договоры, связанные с реализацией электроэнергии (мощности) на оптовом и розничных рынках электроэнергии, договоры о выполнении ремонтных работ, оказании эксплуатационных, сервисных, проектировочных и иных услуг [15, с. 6–7].

На наш взгляд, можно предложить следующую классификацию гражданско-правовых договоров, обслуживающих оптовый и розничные рынки электроэнергии и способствующие жизнедеятельности договоров энергоснабжения:

1) договоры, регулирующие оптовый рынок электроэнергии;

2) договоры, регулирующие розничные рынки электроэнергии;

3) сервисные договоры, обеспечивающие вышеназванные договоры;

4) организационные договоры, содействующие производству, доставке и потреблению электроэнергии.

К первым двум группам договоров может отнести:

а) свободные и регулируемые договоры;

б) договоры по производству, купле-продаже (поставке) электроэнергии и мощностей, договоры купли-продажи (поставки) электроэнергии в целях компенсации потерь электроэнергии, а также договоры по передаче и снабжению электроэнергией;

в) договоры о передаче (потреблении) энергомощности.

К третьей (сервисной) группе договоров следует отнести договоры по оказанию возмездных услуг, связанных с производством, подачей и потреблением электроэнергии, к примеру, договоры по оказанию услуг администратора оптового рынка, договоры, с помощью которых потребители получают обеспечение жилой энергией индивидуальных и многоквартирных жилых домов.

Представляется, что к четвертой (организационной) группе договоров можно отнести: договоры о присоединении к торговой системе оптового рынка, договоры о технологическом присоединении к объектам электросетевого хозяйства, договоры, связанные с преддоговорным урегулированием основных договоров, осуществлением контрольных и надзорных функций, информированием (уведомлением).

Оптовый рынок электрической энергии и мощности – это сфера обращения электрической энергии и мощности в

рамках единой энергетической системы в границах единого экономического пространства страны с участием крупных производителей и покупателей электроэнергии и мощностей, иных лиц, имеющих статус субъекта оптового рынка и действующих на основе правительственных Правил оптового рынка электроэнергии.

Субъектами оптового рынка являются юридические лица, получившие в установленном законом порядке право участвовать в отношениях, связанных с обращением электрической энергии и (или) мощности на оптовом рынке. В состав участников оптового рынка электроэнергии входят поставщики и покупатели электрической энергии и мощности, имеющие статус субъектов оптового рынка и заключившие обязательные для участников оптового рынка договоры в соответствии с договором о присоединении к торговой системе оптового рынка. Порядок приобретения правового статуса субъекта оптового рынка разработан Правилами оптового рынка [16, с. 5–7].

Розничные рынки электрической энергии – это сфера обращения электрической энергии вне оптового рынка с участием потребителей электрической энергии. Потребителями электрической энергии являются лица, приобретающие электрическую энергию для собственных бытовых и (или) производственных нужд. Субъектами розничных рынков являются участники отношений по производству, передаче, купле-продаже (поставке) и потреблению электрической энергии (мощности) на розничных рынках электрической энергии, а также оказанию услуг по поставке электрической энергии потребителям, включая энергоснабжающие организации, системных операторов, субъектов оперативно-диспетчерского управления в технологически изолированных территориальных электроэнергетических системах, исполнителей коммунальных услуг, а также гарантирующие поставщики, производители электрической энергии (мощности) на розничных рынках; сетевые организации [17, с. 19].

Уместно заметить, что С. А. Свирков различает три группы субъектов энергоснабжения:

1) лица, имеющие общую правоспособность (генерирующие компании, потребители электроэнергии);

2) организации, обладающие специальной правоспособностью (гарантирующие поставщики, энергосбытовые организации, территориальные сетевые организации);

3) субъекты, выполняющие публично-регулятивные функции (совет рынка, коммерческий оператор оптового рынка, организация по управлению единой национальной (общероссийской) электрической сетью, системный оператор) [14, с. 8].

В Законе об электроэнергетике констатируется, что двусторонний договор купли-продажи электроэнергии – это соглашение, в соответствии с которым поставщик обязуется поставить покупателю электроэнергию, соответствующую качественным стандартам и количеству товара, а покупатель обязуется принять и оплатить электроэнергию на условиях заключенного в соответствии с Правилами оптового рынка и Основными положениями функционирования розничных рынков договора (ст. 3)[1].

Существенными условиями договора купли-продажи (поставки) электроэнергии (мощности) являются: предмет договора; дата и время начала исполнения обязательств по договору; обязанность потребителя (покупателя) урегулировать отношения по передаче электроэнергии и оказанию услуг в отношении энергопринимающих устройств потребителя; ограничение режима потребления электроэнергии (мощности), способного приве-

[1] Об электроэнергетике: федер. закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ: [ред. 11.06.2022 №174-ФЗ]. URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_41502/ (дата обращения: 03.07.2022).

сти к возникновению угрозы жизни и здоровью людей, экологической безопасности и (или) безопасности государства, нарушению непрерывных технологических процессов; обязанность покупателя передать гарантирующему поставщику копию акта согласования технологической и (или) аварийной брони; указание точки (точек) поставки по договору; требования к качеству поставляемой электроэнергии; порядок определения объема покупки электроэнергии (мощности) за расчетный период; порядок определения стоимости поставленной электроэнергии (мощности); условия о порядке учета электроэнергии (мощности); характеристики приборов учета; ответственность сторон[1].

Общие положения ГК РФ о договорах и обязательствах, их исполнении и ответственности в полной мере действуют для договорных форм, обслуживающих оптовый и розничные рынки электроэнергии нашей страны, с учетом принципов, норм и правил специального законодательства, посвященного энергоснабжению. Как известно, договоры поставки относятся к числу предпринимательских договоров и их участниками не являются обычные граждане (§ 3 гл. 30 ГК РФ) [18, с. 124–128].

Е. Л. Осипчук вполне справедливо предлагает учитывать, что договоры поставки – это предпринимательские договоры, заключаемые хозяйствующими субъектами электроэнергетики для дальнейшей переработки поставляемых товаров и дальнейшей перепродажи (ст. 506 ГК РФ), а не для собственных нужд [19, с. 9]. Договор купли-продажи является типом, а не видом договора (гл. 30 «Купля-продажа» ГК РФ). Договоры возмездного оказания услуг относятся к самостоятельному типу договоров и регулируются главой 39 ГК РФ.

По нашему мнению, весьма затруднительно дать правовую оценку каждому виду договоров, перечисленных в подзаконных актах об энергоснабжении, ввиду их хаотичного и поверхностного изложения. Юридическая практика показывает, что договорное регулирование энергетических отношений на площадках названных рынков имеет значительное число недостатков и упущений, страдает неполнотой, бессистемностью, коллизионностью, дублированием регулирования, несоответствием общепринятым положениям ГК РФ.

Профессор В. В. Витрянский обоснованно отмечает, что Закон об электроэнергетике содержит некоторые крайне неудачные конструкции договоров, предназначенных обеспечивать оптовый и розничные рынки электроэнергии: договоры купли-продажи и поставки, двусторонний договор купли-продажи электроэнергии, договоры купли-продажи электроэнергии по равновесной цене оптового рынка, договоры купли-продажи с участием гарантирующего поставщика и т. д. Большинство предусмотренных названным Законом обязанностей продавца рассчитаны на отношения по передаче телесных вещей, излишне регламентируется доступ к энергетическим сетям, а не передача электроэнергии [20, с. 351].

Несовершенным, по мнению Н. В. Плешакова, видится определение категории «оптовый рынок», поскольку именно на оптовых рынках реализуется большинство договорных конструкций по обороту электроэнергии. В основу дефиниции автор включает следующие принципы, со-

[1] О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии»): постановление Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442: [ред. от 30.06.2022]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30498/ (дата обращения: 05.07.2022).

четание публичных и частных начал в образовании цены (разновидности ценообразования: свободное и регулируемое), принятия мер по защите конкуренции, основанные на конституционных положениях ст. 8 Конституции Российской Федерации; создание и дальнейшее функционирование системы государственного контроля и управления субъектами оптового рынка, который должен стать доступным для всех производителей и потребителей электроэнергии, за исключением граждан-потребителей. Недопустимо устанавливать статус субъектов оптового рынка, исходя из количественных и качественных показателей производимой или потребляемой ими энергии. Проблема монополизации рынка электроэнергии в разработанной Н. В. Плешаковым концепции может и должна быть решена с помощью законодательного запрета совмещения обязанностей по организации торговли на оптовом рынке без проведения сверки и зачета взаимных встречных обязательств участников торговли со стороны администратора торговой системы. Кроме того, ученый предлагает внедрение обязательного страхования предпринимательского риска по договорам поставки на оптовом рынке электроэнергии [16, с. 5].

Думается, в Законе об электроэнергетике, Основных направлениях и Правилах оптового рынка электроэнергии следует уточнить, что договоры поставки электроэнергии на оптовом рынке электроэнергии возможны только с участием юридических лиц или индивидуальных предпринимателей в рамках гражданско-правового договора поставки. Авторам подзаконных актов не следует смешивать единичные одномоментные договоры купли-продажи электроэнергии одним юридическим лицом другому юридическому лицу с долгосрочными договорами по её снабжению (§ 6 гл. 30 ГК РФ).

Выводы

Перед российским законодателем и участниками договорных отношений стоят неотложные задачи по изменению структуры и развитию добросовестной конкуренции на розничных рынках электроэнергии, расширению права доступа на эти рынки всем желающим участникам. Потребителям электроэнергии необходимо предоставить реальную свободу выбора энергоснабжающей организации путем преодоления монополизма гарантирующего поставщика и предоставления энергосбытовым организациям свободного доступа на розничные и оптовый рынки электроэнергии.

На наш взгляд, большое количество договорных конструкций, применяемых на рынке электроэнергии, создает неопределённость в правоприменении и препятствует нормальному обороту энергии в отношениях между хозяйствующими субъектами. Исследователи данного направления научного поиска при разработке классификации договоров в области электроэнергетики берут за основу следующие критерии: область применения (оптовые и розничные рынки); направленность на отчуждение энергии от одного субъекта другому; договоры, в регулировании которых имеют место публично-правовые начала, а также договоры, разрабатываемые субъектами частного права самостоятельно и др.

На основе изучения научных трудов и существующей нормативно-правовой базы, включающие в себя ГК РФ и ряд подзаконных актов, следует выделить следующие виды договоров, способствующих энергоснабжению и составляющих целостную систему контрактов на рынке электроэнергии:

1) договоры, регулирующие оптовый рынок электроэнергии;

2) договоры, регулирующие розничные рынки электроэнергии;

3) сервисные договоры, обеспечивающие функционирование вышеназванных договоров;

4) организационные договоры, содействующие производству, доставке и потреблению электроэнергии.

Большое количество договорных форм, способствующих энергоснабжению, обусловлено субъективными и объективными факторами. Общие положения ГК РФ о договорах и обязательствах, их исполнении и ответственности в полной мере действуют для договорных форм, обслуживающих оптовый и розничные рынки электроэнергии нашей страны, но с учетом принципов, норм и правил энергетического законодательства.

Предлагается внести в энергетическое законодательство положение о том, что договоры поставки электроэнергии на оптовом и розничных рынках электроэнергии возможны только с участием коммерческих организаций или индивидуальных предпринимателей в рамках гражданско-правового договора поставки.

Список литературы

1. Гончарова Е. В. Договор энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров // Право и политика. 2009. № 3. С. 673–679.

2. Нестолий В. Г. Договор энергоснабжения – самостоятельный институт российского гражданского права // Сибирский юридический вестник. 2003. № 3. С. 42–45.

3. Сабирова Т. Р. Договор энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров // Право и государство: теория и практика. 2011. № 4 (76). С. 142–146.

4. Гражданское право: в 3 т. Т. 2 / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2009. 880 с.

5. Символоков О. А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 186 с.

6. Свирков С. А. Структура договорных связей по снабжению электрической энергией: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 32 с.

7. Витрянский В. В. Договор энергоснабжения и структура договорных связей по реализации и приобретению электроэнергии // Хозяйство и право. 2005. № 3. С. 34–49.

8. Матиящук С. В. Система договорных отношений по электро- и теплоснабжению в условиях развития когенерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2012. 55 с.

9. Жанэ А. Д. Договор энергоснабжения в условиях реформирования электроэнергетики // Законодательство и экономика. 2005. № 8. URL: http://zhane.ru/mages/stories/_id/o/29_.pdf (дата обращения: 16.07.2022).

10. Осипчук Е. Л. Новая структура договорных отношений на энергетическом рынке России // Законность. 2003. № 8. С. 9–12.

11. Городов О. А. О системе договоров, заключаемых в отдельных отраслях энергетики // Закон. 2015. № 1. С. 38–44.

12. Городов О. А. Договоры в сфере электроэнергетики. М.: Волтерс Клувер, 2007. 235 с.

13. Крассов Е. О. Договоры в сфере организации снабжения электрической энергией в Российской Федерации. М.: Дело, 2010. 231 с.

14. Свирков С. А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. 56 с.

15. Гончарова Е. В. Договоры в сфере электроэнергетики России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 28 с.

16. Плешаков Н. В. Проблемы правового регулирования договорных отношений на оптовом рынке электрической энергии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.

17. Антощиршен Р. А. Правовое положение субъектов розничного рынка электроэнергии в Российской Федерации // Право и экономика. 2008. № 12. С. 36–41.

18. Занковский С. С. Предпринимательские договоры / отв. ред. В.В. Лаптев. М.: Волтерс Клувер, 2004. 295 с.

19. Осипчук Е. Л. Договор энергоснабжения в системе договорных отношений на рынке электрической энергии в России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 39 с.

20. Гражданское право: в 4 т. Т. 3: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. 800 с.

References

1.Goncharova E. V. Dogovor energosnabzheniya v sisteme grazhdansko-pravovykh dogovorov [Energy supply contract in the system of civil law contracts]. *Pravo i politika = Law and politics*, 2009, no. 3, pp. 673–679.

2. Nestolii V. G. Dogovor energosnabzheniya – samostoyatel'nyi institut rossiiskogo grazhdanskogo prava [The Power Supply Contract is an independent institute of Russian civil law]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin,* 2003, no. 3, pp. 42–49.

3. Sabirova T. R. Dogovor energosnabzheniya v sisteme grazhdansko-pravovykh dogovorov [Energy supply contract in the system of civil law contracts]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika= Law and the State: theory and practice,* 2011, no. 4 (76), pp. 142–146.

4. Grazhdanskoe pravo [Civil Law]; ed. by A. S. Sergeev. Moscow, Prospekt Publ., 2009, vol. 2. 880 p.

5. Simvolokov O. A. Dogovory v elektroenergetike: problemy teorii i praktiki [Contracts in the electric power industry: problems of theory and practice]. Moscow, Infotropik Media, 2021. 186 p.

6. Svirkov S. A. Struktura dogovornykh svyazei po snabzheniyu elektricheskoi energiei. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Structure of contractual relations for the supply of electric energy. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2004. 32 p.

7. Vitryanskii V. V. Dogovor energosnabzheniya i struktura dogovornykh svyazei po realizatsii i priobreteniyu elektroenergii [The power supply contract and the structure of contractual relations for the sale and purchase of electricity]. *Khozyaistvo i pravo = Economy and law*, 2005, no. 3, pp. 34–49.

8. Matiyashchuk S. V. Sistema dogovornykh otnoshenii po elektro- i teplosnabzheniyu v usloviyakh razvitiya kogeneratsii. Avtoref. diss. doct. yurid. nauk [The system of contractual relations for electricity and heat supply in the context of the development of cogeneration. Dr. legal sci. abstract diss.]. St. Petersburg, 2012. 55 p.

9. Zhane A. D. Dogovor energosnabzheniya v usloviyakh reformirovaniya elektroenergetiki [Energy supply contract in the conditions of electric power industry reform]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika = Legislation and economics,* 2005, no. 8. Available at: http://zhane.ru/mages/stories/_id/o/29_.pdf (accessed 16.07.2022).

10. Osipchuk E. L. Novaya struktura dogovornyh otnoshenij na energeticheskom rynke Rossii [The new structure of contractual relations in the energy market of Russia]. *Zakonnost' = Legality*, 2003, no. 8, pp. 9–12.

11. Gorodov O. A. O sisteme dogovorov, zaklyuchaemykh v otdel'nykh otraslyakh energetiki [About the system of contracts concluded in certain branches of energy]. *Zakon = Law,* 2015, no. 1, pp. 38–44.

12. Gorodov O. A. Dogovory v sfere elektroenergetiki [Contracts in the field of electric power industry]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007. 235 p.

13. Krassov E. O. Dogovory v sfere organizatsii snabzheniya elektricheskoi energiei v Rossiiskoi Federatsii [Contracts in the field of organization of electric energy supply in the Russian Federation]. Moscow, Delo Publ., 2010.

14. Svirkov S. A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie v sfere energosnabzheniya. Avtoref. diss. doct. yurid. nauk [Civil law regulation in the field of energy supply. Dr. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2019. 56 p.

15. Goncharova E. V. Dogovory v sfere elektroenergetiki Rossii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Contracts in the field of electric power industry of Russia. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2010. 28 p.

16. Pleshakov N. V. Problemy pravovogo regulirovaniya dogovornykh otnoshenii na optovom rynke elektricheskoi energii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Problems of legal regulation of contractual relations in the wholesale electricity market. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2005. 25 p.

17. Antoshchirshen R. A. Pravovoe polozhenie sub"ektov roznichnogo rynka elektroenergii v Rossiiskoi Federatsii [Legal status of the subjects of the retail electricity market in the Russian Federation]. *Pravo i ekonomika = Law and economics,* 2008, no. 12, pp. 36–41.

18. Zankovskii S. S. Predprinimatel'skie dogovory [Predprinimatel'skie dogovory]; ed. by V. V. Laptev. Moscow, Volters Kluver Publ., 2004. 295 p.

19. Osipchuk E. L. Dogovor energosnabzheniya v sisteme dogovornykh otnoshenii na rynke elektricheskoi energii v Rossii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Energy supply contract in the system of contractual relations in the electric energy market in Russia. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2004. 39 p.

20. Grazhdanskoe pravo. Obyazatel'stvennoe pravo [Civil Law. Vol. 3. Law of Obligations]; ed. by E. A. Sukhanov. 3th ed., reprint. and add. Moscow, Volters Kluver Publ., 2008. 800 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Новрузова Оксана Бахмановна, старший преподаватель кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: novruz8787@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7663-6361

Oxana B. Novruzova, Senior Lecturer of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: novruz8787@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7663-6361

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-60-70

(cc) BY 4.0

О некоторых проблемах очерёдности удовлетворения требований кредиторов по делам о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц

Н. Е. Абрамова[1], Ю. А. Пыльнев[2] ✉

[1] Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Ленинские Горы 1/13, г. Москва 119234, Российская Федерация

[2] Ассоциация адвокатов «Адвокатское бюро ЕМПП города Москвы»
Дегтярный пер. 4/1, г. Москва 125375, Российская Федерация

✉ e-mail: yurapylnev@gmail.com

Резюме

Актуальность. *Авторами статьи исследуется соотношение требований кредиторов по делам о несостоятельности (банкротстве) анализируются актуальная судебная практика и новые правоприменительные подходы Верховного Суда Российской Федерации в указанной сфере, сформирован вывод о необходимости усиления научного обоснования этих ограничений (соотношений), обращается внимание на пробельность законодательного регулирования ограничений кредиторских требований по делам о банкротстве.*

Цель *исследования состоит в выявлении и решении проблем, связанных с соотношением требований, предъявляемых в ходе рассмотрения арбитражными судами дел о банкротстве, внесении предложений по обсуждаемому вопросу.*

Задачи: *рассмотреть действующее правовое регулирование института субординации требований кредиторов по делам о несостоятельности (банкротстве); проанализировать судебные акты; выявить и решить проблемы по вопросам пределов субординации требований, в том числе по кругу кредиторов.*

Методология. *Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы исследования: системный, анализа и синтеза, восхождения от конкретного к абстрактному, формально-юридический, а также сравнительного правоведения.*

Результаты. *В результате исследования выявлены основные причины возникновения проблемы соотношения (ограничения) кредиторских требований при банкротстве юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, определено целевое назначение субординации этих требований, установлено, что отечественное законодательство не содержит норм о снижении очередности удовлетворения требований кредиторов при рассмотрении судом дела о банкротстве.*

Выводы. *Существование института субординации требований кредиторов представляется оправданным. Вместе с тем действующее правовое регулирование относительно пределов применения рассматриваемого механизма несовершенно. Отсутствие законодательного регулирования порождает множество проблем при рассмотрении судами конкретных дел, связанных с банкротством. Авторы считают необходимым дополнить российское законодательство нормами по обсуждаемому вопросу.*

Ключевые слова: *институт несостоятельности (банкротства); требования кредиторов; субординация; добросовестность; контролируемое банкротство.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования Абрамова Н. Е., Пыльнев Ю. А. О некоторых проблемах очерёдности удовлетворения требований кредиторов по делам о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 60–70. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-60-70.

Поступила в редакцию 07.08.2022 Принята к публикации 11.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Абрамова Н. Е., Пыльнев Ю. А., 2022

On Some Problems of the Priority of Satisfaction the Claims of Creditors in Cases of Insolvency of Legal Entities

Natalia E. Abramova[1], Yuri A. Pylnev[2] ✉

[1] M. V. Lomonosov Moscow State University
1/13 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

[2] EMPP Law Firm
4/1 Degtyarniy side-street, Moscow 125375, Russian Federation

✉ e-mail: yurapylnev@gmail.com

Abstract

Relevance. *The authors of the article describe the ratio of creditors' claims in cases of insolvency, analyze the current judicial practice and new law enforcement approaches of the Supreme Court of the Russian Federation in this area, draw a conclusion about the need to strengthen the scientific justification of these restrictions (ratios), draw attention to the gaps in the legislative regulation of restrictions creditor claims in bankruptcy cases.*

The purpose *of the study is to identify and solve problems related to the ratio of claims imposed during the consideration of bankruptcy cases by arbitration courts, to make proposals on the issue under discussion.*

Objectives: *consider the current legal regulation of the institution of subordination of creditors' claims in insolvency cases; analyze judicial acts; identify and solve problems related to the limits of subordination of claims, including the circle of creditors.*

Methodology. *The methodological basis of the study is made up of general scientific and particular scientific methods of research: systemic, analysis and synthesis, the method of ascent from the concrete to the abstract, formal legal, as well as the method of comparative law.*

Results. *As a result of the study, the main causes of the problem of the correlation (limitation) of creditor claims in the bankruptcy of legal entities and individual entrepreneurs were identified, the intended purpose of the subordination of these claims was determined, it was found that domestic legislation does not contain norms on reducing the order of satisfaction of creditors' claims when considering a case on bankruptcy.*

Conclusions. *The existence of the institution of subordination of creditors' claims seems to be justified. At the same time, the current legal regulation regarding the limits of application of the mechanism under consideration is imperfect. The lack of legislative regulation gives rise to many problems when considering specific cases by the courts, related to bankruptcy The authors consider it necessary to supplement Russian legislation with norms on the issue under discussion.*

Keywords: *insolvency; creditors' claims; subordination; good faith; controlled insolvency.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Abramova N. E., Pylnev Y. A. On Some Problems of the Priority of Satisfaction the Claims of Creditors in Cases of Insolvency of Legal Entities. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 60–70. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-60-70.

Received 07.08.2022 Accepted 11.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Как известно, целевое назначение конкурсного права состоит в максимальном обеспечении баланса законных интересов всех лиц, заинтересованных в рассмотрении дела о несостоятельности (банкротстве). Изложенная позиция активно поддерживается и самим правоприменителем (арбитражными судами)[1].

[1] См.: По делу о проверке конституционности абз. 8 п. 1 ст. 20 ФЗ «О несостоя-

Термин «конкурсное право» следует рассматривать как синоним понятия «институт несостоятельности (банкротства)», включающий в себя нормы как процессуального, так и материального права (см., например, научные труды К. И. Малышева [1, с. 1], Е. А. Нефедьева [2, с. 58], М. В. Телюкиной [3, с. 415], В. Ф. Попондопуло [4, с. 43] и ряда других исследователей).

Конструкция юридического института несостоятельности (банкротства) основывается на частноправовых началах, основной целью которых служит полное удовлетворение законных имущественных требований кредиторов [5, с. 64]. Изложенный тезис подтверждают нормы института банкротства наследственной массы, содержащиеся в Дигестах Юстиниана [6, L. 1, § 1 D. 42, 6 (Ulpianus), с. 235]. Так, в основе принципа разделения имущественных масс (separatio bonorum) содержится идея об обеспечении интересов именно кредиторов. Вступая в правоотношение, контрагент рассчитывает, что в случае неисправности должника он обратит взыскание на имущество последнего. Однако допуская смешение имущественных масс, кредиторы наследодателя будут вынуждены получать удовлетворение соразмерно с кредиторами наследника, оказавшись, таким образом, в весьма невыгодном положении.

Методология

В целях реализации поставленных задач авторами использовались как общенаучные методы исследования, так и специальные методы юридической науки. Так, метод восхождения от конкретного к абстрактному позволил проанализировать отдельно взятые судебные акты и выявить общие тенденции правоприменения. Телеологическое толкование механизма понижения очерёдности удовлетворения требований кредиторов стало возможным благодаря общенаучным методам исследования. На основе формально-юридического метода дано толкование по вопросам существующего правового регулирования в сфере несостоятельности (банкротства). Метод сравнительного правоведения (компаративистики) использовался главным образом для сопоставления отечественного и зарубежного законодательства в сфере несостоятельности (банкротства).

Результаты и их обсуждение

В современных условиях законодатель старается придать сбалансированный характер законным интересам, возникающим в связи с неплатежеспособностью лица. Такая цель, в частности, достигается установлением справедливой, отвечающей как частным, так и публичным интересам, очерёдности удовлетворения требований кредиторов. Этим нормам посвящены отдельные статьи действующего законодательства (ст. 134-138 и др.)[1]. Немалое значение в развитии отечественной системы очередности удовлетворения требований кредиторов приобретает в последние годы принцип добро-

тельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева: постановление Конституционного Суда РФ от 19 дек. 2005 г. № 12-П URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30331.pdf; О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2018 г. № 48. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/27539; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 19 окт. 2020 г. № 305-ЭС20-10152 по делу № А40-46117/2019. URL: https://www.vsrf.ru/stor_ pdf_ec.php?id=1935556; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 8 июля 2021 г. № 308-ЭС18-21050 по делу № А53-32531/2016. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=2015722 (дата обращения: 14.07.2022).

[1] О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ: [ред. от 21.07.2022]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331 (дата обращения: 16.07.2022).

совестности как один из основных принципов (начал) гражданского законодательства, включая конкурсное законодательство. Современные требования добросовестности адресованы не только к должнику и кредиторам, но и к лицам, контролирующим действия должника.

Некоторые представители правовой доктрины отнеслись негативно к включению принципа добросовестности в гражданское право и в институт несостоятельности (банкротства) в частности. Аргументы такой позиции заключаются в том, что категория «добросовестности» больше принадлежит к представлениям общества о морали, нежели об экономических отношениях [7, с. 76]. Отмечается, что добросовестным можно считать поведение, которое согласуется с представлениями о добре [8, с. 30]. С. Ю. Чашкова подразумевает под добросовестностью, прежде всего, субъективное состояние лица [9, с. 48]. Некоторые исследователи даже разделяют рассматриваемую категорию на две составляющие: субъективную и объективную [10, с. 15]. Представляется необходимым существование принципа добросовестности как правового, с чем соглашается профессор Д. В. Дождев: «Если твое притязание выходит за пределы права, не рассчитывай получить защиты. Добросовестность оказывается определением права и критерием правомерности сделок»[1].

Так, степень добросовестности и разумности использования гражданских прав становится главным критерием в вопросах привлечения контролирующих должника лиц (далее – КДЛ) к субсидиарной ответственности по российскому законодательству (ст. 61.11, 189.6, 201.15-4). В делах о несостоятельности (банкротстве) физических лиц недобросовестный должник по окончании банкротных процедур вовсе не может быть освобожден от оставшихся после продажи имущества обязательств (ст. 213.28)[2]. Сравнительно новым стало рассмотрение аффилированных с должником кредиторов как недобросовестных [11, с. 160]. Обоснованием изложенного подхода являются различные попытки дружественных должнику лиц искусственно увеличить объем кредиторской задолженности банкрота. Пусть даже такие действия не являются основанием для привлечения к имущественной ответственности, суду надлежит скептически отнестись к подозрительным сделкам должника и использовать правовые инструменты для предотвращения нанесения вреда добросовестным кредиторам. Ведь имеющийся контроль над лицом становится фактором получения контроля и над будущим процессом его банкротства [12, с. 66].

Как инструмент борьбы с перечисленными рисками, с целью обеспечения интересов независимых кредиторов разработан механизм субординации требований кредитора, т. е. понижения очередности удовлетворения их требований по определенным основаниям. Одно из обоснований использования такого защитного механизма связано с тем, что часто бенефициары организаций маскируют корпоративные отношения под иные отношения, регулируемые гражданским правом [13, с. 51], они управляют риском банкротства должника с помощью контроля над ним [14, с. 20]. К примеру, получило распространение финансирование деятельности юридического лица под видом договора займа.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению механизма субординации требований кредитора, следует обратить внимание, что корпоративное право исходит из принципа отделения имущества юридического лица от имущества его бенефициаров (Trennungsprinzip) [15, с. 147]. Учредители формируют обособленное имущество организации, внося свои вклады. Так, участники общества

[1] Дождев Д. В. FAQ: Добросовестность. 5 фактов об одном из важнейших наследий римского права и его современном понимании. URL: http://postnauka.ru/faq/36362 (дата обращения: 16.07.2022).

[2] О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ.

с ограниченной ответственностью (Gesellschaft mit beschränkter Haftung) рискуют потерять лишь переданное юридическому лицу имущество [16, с. 69]. Помимо внутреннего финансирования юридического лица участники могут привлекать инвестиции извне, посредством различных гражданско-правовых договоров. Принципиальное отличие указанных способов состоит в потенциальных имущественных рисках. Так, гражданским законодательством установлено, что преимущественно удовлетворяются требования внешних кредиторов организации, в то время как участники юридического лица имеют лишь право на ликвидационную квоту (ст. 63 ГК РФ).

Критерием для дифференциации внутренних и внешних кредиторов служит наличие или отсутствие возможности контроля распределения инвестированных в юридическое лицо средств и получения неограниченной прибыли в случае его успеха [17, с. 30]. Законодатель не может допустить ситуации, при которой бенефициар, контролирующий организацию и рассчитывающий извлечь выгоду, избежал бы бремени несения рисков потери вложенных средств. Так, во многих зарубежных правопорядках разработана концепция о принудительной субординации требований кредитора (equitable subordination)[1]. В США правило о понижении очередности удовлетворения кредиторов содержится в главе 5 Закона о банкротстве (Bankruptcy Code)[2]. Отмечается, что данный механизм надлежит использовать судам в ответ на недобросовестное поведение кредитора с целью исправления создавшегося несправедливого положения по отношению к другим кредиторам [18, с. 3]. Причём субординация требований рассматривается не как мера ответственности, а как средство правовой защиты против ущерба, причиняющегося независимым кредиторам.

В отечественном правопорядке указанная конструкция законодательного закрепления не имеет, положения о ней содержатся в актах толкования права. Закон лишь приводит определение конкурсных кредиторов, в котором намеренно исключены учредители и участники должника (ст. 2)[3]. Полноценным оформлением механизма субординации требований кредиторов стало обобщение Верховным Судом РФ соответствующей судебной практики[4]. В нем перечислены случаи, когда возможно понижение судом очередности удовлетворения требований кредиторов, предпринята попытка установить пределы применения механизма субординации кредиторов. Следует отметить, что правоприменитель не воспринял модель жесткой субординации, которая сводится к правилу о понижении любых требований участников организации и используется в Германии [19, с. 42] и в ряде других стран [19, с. 153].

Между тем, по причине недавнего появления механизма субординации требований кредиторов в судебной практике российских судов отсутствует единообразие. Сложившаяся ситуация вызывает интерес. Новые правоотношения требуют научного осмысления, что предвосхищает анализ непосредственно актов правоприменения.

К примеру, в настоящее время возникают вопросы при включении в реестр требований кредиторов должника реституционного требования о возврате перечисленных должнику денежных средств в рамках компенсационного финансирова-

[1] Garner B. A. Black's Law Dictionary 9th ed. West Group, 2009. P. 1563.

[2] 11 U.S. Code § 510. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/510 (дата обращения: 07.08.2022)

[3] О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ.

[4] Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц: [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 янв. 2020 г.]. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/28682/ (дата обращения: 17.07.2022).

ния. В деле о несостоятельности (банкротстве) № А81-3986/2016 судами апелляционной и кассационной инстанций требования кредитора по сделкам, признанным недействительными в процедуре банкротства этого кредитора, были включены в состав третьей очереди реестра. Вместе с тем суды установили аффилированность лиц, их вхождение в одну группу компаний, что и стало основанием для признания сделок недействительными. В связи с этим Верховный Суд РФ[1] обращает внимание на возможность квалификации перечисленных должнику денежных средств в качестве компенсационного финансирования. При рассмотрении заявления кредитора о включении его требований в реестр суд первой инстанции должен был проверить наличие оснований для применения механизма субординации.

Ещё одна трудность заключается в применении судами механизма субординации требований кредиторов лишь на основании установления отношений аффилированности между должником и контрагентом. Верховный Суд РФ в вышеупомянутом Обзоре предпринял попытку предотвратить возникновение подобной судебной практики, тем не менее таких случаев немало. Так, в деле о несостоятельности (банкротстве) № А66-18856/2019[2] кассационная инстанция субординировала требования юридического лица следующим образом. Суд аргументировал свою позицию тем, что предприятие погасило долг банкротящегося перед другими кредиторами в целях устранения задолженности, образовавшейся в результате негативного воздействия КДЛ на хозяйственную деятельность должника, была установлена аффилированность. Рассматривая жалобу, Верховный Суд РФ пришёл к выводу, что подобная связь между должником и кредитором не может быть квалифицирована как предоставление компенсационного финансирования, применение механизма субординации требований в данном случае невозможно.

Отдельного внимания требует вопрос о пределах применения механизма субординации требований кредиторов по кругу лиц. До недавнего времени в судебной практике отсутствовала однозначная позиция о возможности понижения очередности удовлетворения требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан. Необходимо помнить о том, что смысловая нагрузка механизма субординации состоит в предотвращении переноса риска негативных последствий решений, принимаемых КДЛ, на независимых кредиторов. Предоставляя подконтрольной организации компенсационное финансирование, контролирующие должника лица пытаются не допустить возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве), что, по сути, является перераспределением их активов. Как уже упомянуто, в случае, если финансирование будет успешным, такие лица получат прибыль от вложенных в организацию средств, в то время как внешний кредитор подобной привилегии не имеет. Однако при размышлении о возможности понижения очередности удовлетворения требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан появляются два вопроса: 1) способно ли аффилированное по отношению к гражданину лицо участвовать в распределении его прибыли и 2) несёт ли ответственность контролирующее лицо за неподачу должником заявления для возбуждения дела о несостоятельности гражданина?

С одной стороны, у юридических и физических лиц есть общие черты, в

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28 марта 2022 г. № 304-ЭС19-9345(5) по делу № А81-3986/2016. URL: http://www.sudact.ru/vsrf/doc/8Qn0LhGAxd1/ (дата обращения: 18.07.2022).

[2] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 31 января 2022 г. № 307-ЭС21-14672(1, 2) по делу № А66-18856/2019. URL: http://www.sudact.ru/vsrf/doc/d6ctPnSrxkln/ (дата обращения: 18.07.2022).

частности наличие обособленного имущества, на которое может быть обращено взыскание по суду. С другой стороны, юридическое лицо наделяется признаками субъекта искусственно, посредством обособления и персонификации переданного ему имущества [21, с. 171]. Распоряжение имущественной массой фактически осуществляется не им самим, а его участниками, сформированными органами управления. Физическое лицо, напротив, обладает свободой воли, самостоятельно определяет судьбу вещей, находящихся в его собственности, выступает в гражданском обороте от своего имени. Сложно представить ситуацию, чтобы другой гражданин имел право на участие в распределении его активов.

Так, в правовой доктрине возведено в аксиому положение о том, что граждане приобретают и осуществляют предоставленные им законом права в своем интересе и исключительно своей волей [21, с. 171 ГК РФ]. Ограничение дееспособности физических лиц не допускается законом (ст. 22 ГК РФ) даже по их желанию. Таким образом, физические лица самостоятельно управляют риском наступления банкротства. Ситуация, при которой аффилированное лицо добилось бы контроля по распоряжению имуществом другого гражданина, представляется невозможной.

Тем не менее судебной практике известен ряд попыток применения механизма субординации требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве). В некоторых случаях суды в принципе не допускали понижение очередности удовлетворения требований кредиторов в таких спорах, отклоняя доводы финансовых управляющих[1]. Но, к примеру, при разрешении дел № А40-125716/16[2] и А76-1220/2020[3] суды первой инстанции отнесли рассматриваемые требования к подлежащим удовлетворению после расчетов со всеми другими кредиторами. Указанные акты были отменены при обжаловании со ссылкой на неприменение правила о субординации в делах о банкротстве физических лиц. Иногда и апелляционные суды требования заявителей относят к подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты[4]. При этом следует отметить, что окружные суды стараются пресекать

[1] См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 мая 2022 г. по делу № А40-233232/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1eb2c9fb-dfb5-4414-a32e-7a5cceb8e103/c62d7689-8cc9-484c-b432-19c1975fc922/A40-233232-2019_20220519_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 18.07.2022); Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 апреля 2022 г. по делу № А40-135067/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/495fe0f4-db05-4129-9f4c-ee671d556080/85411b61-1136-4f77-a1bd-aa732484ec4a/A40-135067-2019_20220419_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 18.07.2022); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 сентября 2021 г. по делу № А56-56300/2020. URL: http://www.sudact.ru/arbital/doc/T2SppTy7QI68/ (дата обращения: 18.07.2022).

[2] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 января 2022 г. по делу № А40-125716/16. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d01db70a-b6c9-4076-9861-72138ade0e07/4358d3fb-cc90-4797-9aed-cd66c1b53324/A40-125716-2016_20220125_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 18.07.2022).

[3] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20 октября 2021 г. № Ф09-5456/21 по делу № А76-1220/2020. URL: http://www.sudact.ru/arbital/doc/U0CVxv6ylfbl// (дата обращения: 18.07.2022).

[4] См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 ноября 2021 г. по делу № А56-54517/2020. URL: http://www.sudact.ru/arbital/doc/j8K9hpwrAJHA/ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 3 декабря 2020 г. № Ф09-4925/20 по делу № А60-31725/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5f9266aa-9361-46c1-954a-9aad0a07deda/ca37474b-780c-408c-8978-ac854080bd79/A60-31725-2019_20201203_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 18.07.2022).

подобную судебную практику, отменяя такие постановления.

Выводы

Таким образом, существование института субординации требований кредиторов представляется оправданным. Вместе с тем действующее правовое регулирование относительно пределов применения механизма понижения очередности удовлетворения требований кредиторов несовершенно. Основное беспокойство вызывает тот факт, что действующему законодательству в сфере несостоятельности (банкротства) неизвестен институт понижения очередности удовлетворения требований кредиторов. Данная конструкция является продуктом исключительно судебной практики в отсутствие законодательного регулирования, что порождает множество проблем в правоприменении. Таковой видится необходимость систематизации накопленного правоприменителем опыта, включения соответствующих норм в законодательство о несостоятельности (банкротстве).

Список литературы

1. Малышев К. И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная Польза», 1871. 456 с.

2. Нефедьев Е. А. Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс: [Из лекций заслуж. орд. проф. Моск. ун-та Е.А. Нефедьева]. М.: О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1908. 105 с.

3. Телюкина М. В. Некоторые аспекты трансформационного воздействия конкурсного права на конструкцию юридического лица // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 2. С. 415–423.

4. Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование. М.: Проспект, 2016. 432 с.

5. Телюкина М. В. Предмет, метод, цели, принципы и иные характеристики конкурсного права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12, № 6. С. 63–73.

6. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2005. Т. VII, полутом 1 (книги XLV–XLVII). 551 с.

7. Ряполова О. А. Механизм субординации требований кредиторов в делах о банкротстве с позиции принципа добросовестности // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 3. С. 75–87.

8. Сахарова Ю. В. Правовые проблемы реализации принципа добросовестности в процессе банкротства // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 2. С. 29–34. https://doi.org/10.19073/2306-1340-2017-14-2-29-34.

9. Чашкова С. Ю. Применение категорий «добросовестность» и «разумность» при регулировании имущественных отношений супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 47–52.

10. Мазур О. В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. 23 с.

11. Мазур А. С. Способы противодействия недобросовестным кредиторам в делах о банкротстве заемщиков // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 1(8). С. 158–169. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.72.8.158-169.

12. Карапетов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Прил. 2019. № 5. 98 с.

13. Смирнов В. И., Меньшикова П. А. Особенности применения субординации требований кредиторов в процедуре банкротства // Арбитражный и гражданский процесс. Прил. 2020. № 3. С. 49–54.

14. Мифтахутдинов Р. Т., Шайдуллин А. И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Прил. 2020. № 9. 136 с.

15. Roth G. H., Altmeppen H. GmbHG § 13 Juristische Person 8. Auflage. Munchen, 2015. P. 145–151.

16. Ziemon H., Jaeger C. BeckOK § 13 Juristische Person GmbHG. 34. Ed. Munchen, 2018. P. 69–70.

17. Шайдуллин А. И. Модель понижения в очередности (субординации) займов участников юридических лиц в России: в поисках оптимального регулирования // Вестник экономического правосудия. 2019. № 10. С. 24–46.

18. Casparie L. Equitable Subordination – where is applies, what it does, and the Implications that result // 7 St. John's Bankr. Research Libr. 2015. No. 4. P. 1–12.

19. Gelter M., Juerg R. Subordination of Shareholder Loans from a Legal and Economic Perspective // Journal for Institutional Comparisons. 2007. Vol. 5, no. 2. P. 40–47.

20. Есманский А. А. Изначальная недокапитализация как основание для субординации требований контролирующих должника лиц // Закон. 2022. № 2. С. 152–162.

21. Гражданское право: в 4 т. Т. 2. Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 464 с.

References

1. Malyshev K. I. Istoricheskii ocherk konkursnogo protsessa [Historical outline of the competitive process]. St. Petersburg, Tip. Tovarishchestva "Obshchestvennaya Pol'za", 1871. St. 456 p.

2. Nefed'ev E. A. Sudoproizvodstvo torgovoe. Konkursnyi protsess [Commercial litigation. Competitive process]. Moscow, O-vo vzaimopomoshchi studentov-yuristov Mosk. un-ta, 1908. 105 p.

3. Telyukina M. V. Nekotorye aspekty transformatsionnogo vozdeistviya konkursnogo prava na konstruktsiyu yuridicheskogo litsa [Some aspects of the transformational impact of the competition law on the structure of a legal entity]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2018, vol. 160, no. 2, pp. 415–423.

4. Popondopulo V. F. Bankrotstvo. Pravovoe regulirovanie [Legal regulation]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 432 p.

5. Telyukina M. V. Predmet, metod, tseli, printsipy i inye kharakteristiki konkursnogo prava [Bankruptcy law: subject matter, method, goals and other characteristics]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2017, vol. 12, no. 6, pp. 63–73.

6. Digesty Yustiniana [Digests of Justinian]; ed. L. L. Kofanov. Moscow, Statut Publ., 2005. Vol. VII (1) (books XLV—XLVII), 551 p.

7. Ryapolova O. A. Mekhanizm subordinatsii trebovanii kreditorov v delakh o bankrotstve s pozitsii printsipa dobrosovestnosti [The mechanism of subordination of creditors' claims in bankruptcy cases from the standpoint of the principle of good faith]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian law*, 2022, vol. 26, no 3, pp. 75–87.

8. Sakharova Yu. V. Pravovye problemy realizatsii printsipa dobrosovestnosti v protsesse bankrotstva [Legal problems of implementing the principle of good faith in the bankruptcy process]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Omsk Law Academy*, 2017, no. 2, pp. 29–34. https://doi.org/10.19073/2306-1340-2017-14-2-29-34.

9. Tchashkova S. Yu. Primenenie kategorii "dobrosovestnost'" i "razumnost'" pri regulirovanii imushchestvennykh otnoshenii suprugov [Use of bone fides and sensibility categories in spouses' property regulation and realization of rights]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2010, no. 9, pp. 47–52.

10. Mazur O. V. Trebovanie razumnosti v sootnoshenii s trebovaniem dobrosovestnosti v grazhdanskom prave. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [The Requirement of Reasonableness in Relation to the Requirement of Good Faith in Civil Law. Cand. legal sci. abstract diss.]. St. Petersburg, 2012. 23 p.

11. Mazur A. S. Sposoby protivodeistviya nedobrosovestnym kreditoram v delakh o bankrotstve zaemshchikov [Methods of countering unfacial creditors in cases on bankruptcy of borrowers]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),* 2020, no. 1(8), pp. 158–169. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.72.8.158-169.

12. Karapetov A. G., Kosarev A. S. Standarty dokazyvaniya: analiticheskoe i ehmpiricheskoe [Standards of Evidence: Analytical and Empirical]. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, Prilozhenie*, 2019, no. 5. 98 p.

13. Smirnov V. I., Men'shikova P. A. Osobennosti primeneniya subordinatsii trebovanii kreditorov v protsedure bankrotstva [Features of the application of subordination of creditors' claims in bankruptcy proceedings]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and civil proceedings*, 2020, no. 3, pp. 49–54.

14. Miftakhutdinov R. T., Shaidullin A. I. Ponizhenie v ocherednosti (subordinatsiya) trebovanii kontroliruyushchikh dolzhnika ili affilirovannykh s nim lits v rossiiskom bankrotnom prave [Downgrading (subordination) of the claims of the controlling debtor or persons affiliated with him in Russian bankruptcy law]. Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya *Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2020, no. 9. 136 p.

15. Roth G. H., Altmeppen H. GmbHG § 13 Juristische Person 8. Auflage. Munchen, 2015, pp. 145–151.

16. Ziemon H., Jaeger C. Beckok § 13 Juristische Person GmbHG. 34. Ed. Munchen, 2018. pp. 69–70.

17. Shaidullin A. I. Model' ponizheniya v ocherednosti (subordinatsii) zaimov uchastnikov yuridicheskikh lits v Rossii: v poiskakh optimal'nogo regulirovaniya [Model of downgrading (subordination) of loans of participants of legal entities in Russia: in search of optimal regulation]. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya = Bulletin of Economic Justice*, 2019, no. 10, pp. 24–46.

18. Casparie L. Equitable Subordination – where is applies, what it does, and the Implications that result. *7 St. John's Bankr. Research Libr*., 2015, vol. VII, no. 4, pp. 1–12.

19. Gelter M., Juerg R. Subordination of Shareholder Loans from a Legal and Economic Perspective. *Journal for Institutional Comparisons*, 2007, vol. 5, no. 2, pp. 40–47.

20. Esmanskii A. A. Iznachal'naya nedokapitalizatsiya kak osnovanie dlya subordinatsii trebovanii kontroliruyushchikh dolzhnika lits [Initial undercapitalization as a basis for subordination of the claims of the persons controlling the debtor]. *Zakon = Law*, 2022, no. 2, pp. 152–162.

21. Grazhdanskoe pravo. Vol. 2. Obshchaya chast' [Civil law. Vol. 2. A common part]; ed. E. A. Sukhanov. 2th ed. Moscow, Statut Publ., 2019. 464 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Абрамова Наталия Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного аудита, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: n.abramova09@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8799-7514

Natalia E. Abramova, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of State Audit, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
e-mail: n.abramova09@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8799-7514

Пыльнев Юрий Алексеевич, помощник адвоката, Ассоциация адвокатов «Адвокатское бюро ЕМПП города Москвы», г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: yurapylnev@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-0602-6845

Yuri A. Pylnev, Lawyer's Assistant, Moscow EMPP Law Firm, Moscow, Russian Federation
e-mail: yurapylnev@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-0602-6845

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-71-81

CC BY 4.0

Криминогенность миграционных процессов: и снова о шкале рисков

Н. А. Лопашенко[1] ✉

[1]Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская 1, г. Саратов 410056, Российская Федерация

✉ e-mail: lopashenko@yandex.ru

Резюме

Актуальность *исследования обусловлена необходимостью постоянного мониторинга криминогенных рисков миграционных процессов, включая те из них, которые связаны с незаконной миграцией, сложного для криминологической оценки явления, представляющего угрозу национальной безопасности.*

Цель: *переосмысление рисков криминогенности миграционных процессов для совершенствования мер противодействия национальной и транснациональной преступности.*

Задачи: *получение объективных данных о структуре миграционной преступности; выявление тенденций её развития в целях содержательного наполнения шкалы рисков миграционных процессов; обобщение полученных результатов.*

Методология *исследования основана на диалектическом подходе, включает также социологический, статистический, метод экспертной оценки, анализ, синтез, математический, сравнительный методы.*

Результаты. *На основе анализа актуальных данных официальной статистики и сопоставления результатов с ранее полученными данными, а также экспертными оценками, объективность использования которых обусловлена высокой латентностью миграционной преступности, скорректированы криминогенные риски миграции, соответствующие срединным показателям степени риска. Полученные результаты структурированы в зависимости от статуса мигрантов и распространенности совершаемых ими или в их отношении деяний и обобщенно представлены в шкале рисков криминогенности миграционных процессов (миграции) (от минимального до сверхвысокого).*

Выводы. *По результатам исследования сделаны частные выводы о целесообразности корректировки системы учета преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства и в их отношении, и переосмыслении криминологического подхода к определению миграционной преступности, не включающих группу деяний, непосредственно связанных с незаконной миграцией (ст. 322[1], 322[2], 322[3] Уголовного кодекса Российской Федерации), а также общий вывод о необходимости постоянного мониторинга криминогенных рисков миграции (особенно неконтролируемой её части) в целях корректировки миграционной политики и противодействия различных видов преступности, что имеет большую особую значимость в условиях нестабильной миграционной ситуации в период кризисов.*

Ключевые слова*: миграционная преступность; незаконная миграция; криминогенные риски; противодействие; миграционные процессы.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Лопашенко Н. А. Криминогенность миграционных процессов: и снова о шкале рисков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 71–81. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-71-81.

Поступила в редакцию 22.08.2022 Принята к публикации 14.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Лопашенко Н. А., 2022

Criminogenicity of Migration Processes: and Again about the Risk Scale

Natalia A. Lopashenko[1] ✉

[1]Saratov State Law Academy
1 Volskaya Str., Saratov 410056, Russian Federation

✉ e-mail: lopashenko@yandex.ru

Abstract

*The **relevance of the study** is due to the need for constant monitoring of the criminogenic risks of migration processes, including those associated with illegal migration, a phenomenon difficult for criminological assessment that poses a threat to national security.*

***Purpose**: rethinking the risks of criminogenicity of migration processes to improve measures to counter national and transnational crime.*

***Objectives:** to obtain objective data on the structure of migration crime; to identify trends in its development in order to meaningfully fill the scale of risks of migration processes; generalization of the results obtained.*

***The research methodology** is based on a dialectical approach, also includes sociological, statistical, expert assessment method, analysis, synthesis, mathematical, comparative methods.*

***The results.** Based on the analysis of up-to-date official statistics and comparison of the results with previously obtained data, as well as expert assessments, the objectivity of which is due to the high latency of migration crime, the criminogenic migration risks corresponding to the average risk indicators have been adjusted. The results obtained are structured depending on the status of migrants and the prevalence of acts committed by them or in relation to them and are summarized in the scale of criminogenicity risks of migration processes (migration) (from minimal to ultra-high).*

***Conclusions.** Based on the results of the study, particular conclusions were made about the appropriateness of adjusting the accounting system for crimes committed by foreign citizens and stateless persons and in relation to them, and rethinking the criminological approach to determining migration crime that does not include a group of acts directly related to illegal migration (articles 322.1, 322.2, 322.3 of the Criminal Code The Russian Federation), as well as the general conclusion about the need for constant monitoring of the criminogenic risks of migration (especially its uncontrolled part) in order to coordinate migration policy and counteract various types of crime, which is of great particular importance in the unstable migration situation during crises.*

***Keywords:** migration crime; illegal migration; criminogenic risks; counteraction; migration processes.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Lopashenko N. A. Criminogenicity of Migration Processes: and Again about the Risk Scale. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 71–81. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-71-81.

Received 22.08.2022 Accepted 14.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Миграция была, есть и остается весьма значимым фактором социально-экономического и демографического развития Российской Федерации, которая при всех известных положительных свойствах имеет массу побочных эффектов, отличающихся различной степенью вредоносности и разным характером. В числе самых опасных – незаконная миграция и миграционная преступность. Несмотря на повышенное внимание к этим относительно самостоятельным явлениям [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14], криминогенные риски миграции изучены недостаточно. Между тем, как

представляется, реализация миграционной политики, имеющей стратегическое значение для государства, без этого компонента, требующего постоянного внимания, не будет эффективной.

Настоящее исследование осуществляется в целях развития авторской идеи о структуризации миграционной преступности через выявление рисков миграционных процессов [15], определение тенденций её развития на основе новых эмпирических данных и экспертных оценок.

Методология

Исследование базируется на диалектическом подходе к изучению рисков криминогенности миграционных процессов в современных условиях. Использовались также методы: социологический, статистический, экспертной оценки, анализ, синтез, математический – при накоплении, обработке и обобщении криминологически значимой информации относительно изучаемого явления; метод сравнения – при оценке результатов исследования с данными, полученными другими исследователями.

Результаты и их обсуждение

По данным официальной статистики, в 2016 г. в России иностранными гражданами и лицами без гражданства было совершено 43 933 преступления, что на 8,9% меньше, чем в 2015 г., и составляет 2% от всего количества зарегистрированных и расследованных в России преступлений. С этого времени данные статистики демонстрируют стабильное снижение количества преступлений, совершаемых нежражданами, – до 34 400 в 2020 г. В 2021 г. наблюдается их рост на 5,9% (36 420) с сохранением тенденции увеличения. В 2022 г. ожидается увеличение этого показателя на 10,8% (в числовом измерении до уровня 2017 г. – свыше 40 000 преступлений в год). Как и прежде, основная масса преступлений совершается гражданами стран СНГ (до 90%).

Скачок кривой преступности мигрантов вызван пандемическим кризисом коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020–2021 гг. и предсказывался исследователями [11, с. 64]. Он усугубился в 2022 г. обострением обстановки в стране и мире в связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины. Вместе с тем удельный вес этой разновидности преступности в общем количестве зарегистрированных преступлений остается почти неизменным – колеблется в пределах 2%. То же можно заключить относительно количества выявленных иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступления на территории Российской Федерации. В процентном соотношении этот показатель составил 3,7%[1].

Обращает на себя внимание неизменно высокая раскрываемость указанных преступлений – 85%, что дает основание для вывода о том, что статистика не отражает большую и самую опасную часть миграционной преступности, детерминированную незаконной миграцией – криминальным и криминогенным явлением, крайне слабо поддающимся учету и изучению.

Этот тезис подтверждается совокупностью преступлений, непосредственно связанных с незаконной миграцией, включающих такие виды, как: «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации» (ст. 322 УК РФ), «Организация незаконной миграции» (ст. 322.1 УК РФ), «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской

[1] Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 05.08.2022).

Федерации» (ст. 322.2 УК РФ), «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации» (ст. 322.3 УК РФ). Указанные преступления совершаются любыми лицами вне зависимости от гражданской принадлежности. Они демонстрируют стабильно высокие показатели, сопоставимые с официальными данными количества выявленных и зарегистрированных преступлений, совершенных неграждanами, а в отдельные годы суммарно их превышают (табл. 1, 2, 3).

Таблица 1. Официальные данные статистического учета организации незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ)

Год	Выявлено преступлений	Выявлено число лиц, их совершивших
2016	1636	1099
2017	1239	966
2018	1007	838
2019	963	954
2020	737	879
2021	926	911

Таблица 2. Официальные данные статистического учета фиктивной регистрации гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в РФ и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в РФ (ст. 322.2 УК РФ)

Год	Выявлено преступлений	Выявлено число лиц, их совершивших
2016	3242	2273
2017	6404	4605
2018	7495	5472
2019	7443	5251
2020	7259	4484
2021	6772	4412

Таблица 3. Официальные данные статистического учета фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в РФ (ст. 322.3 УК РФ)

Год	Выявлено преступлений	Выявлено число лиц, их совершивших
2016	20495	12192
2017	31879	19949
2018	38764	22083
2019	43035	21712
2020	33724	16937
2021	28919	14719

Составляющей миграционной преступности является совокупность преступлений, совершаемых в отношении иностранных граждан (лиц без гражданства). Сопоставление данных их учета в 2016 и 2020 гг. принципиальных отличий не выявило. В 2016 г. неграждане стали жертвами 15660 преступлений. В 2021 г. в их отношении совершено 15961 посягательство, что составляет 0,8% от всей зарегистрированной преступности в указанные годы.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что иностранные граждане и лица без гражданства примерно в три раза чаще становятся субъектами пре-

ступлений, нежели жертвами, что обусловлено учетом в них только тех преступлений, которые имеют потерпевшего (посягательства на личность, собственность, некоторые другие). Стабильно низкие показатели не отражают реальную картину преступности, поскольку в генеральную совокупность преступлений не включены те из них, жертвами которых стали иностранные граждане с неурегулированным статусом. Нежелание незаконных мигрантов контактировать с правоохранительными органами повышает их виктимность.

Все это указывает на слабую репрезентативность официальных данных, характеризующих миграционную преступность, в особенности ту ее часть, которая так или иначе связана с нелегальным статусом иностранцев – субъектов или жертв преступлений. Неслучайно в литературе подчеркивается её высоколатентный характер [16, с. 131; 17, с. 236]. По этой причине оценка криминогенных рисков миграции не может и не должна ограничиваться официальными данными статистики. Необходимо учитывать результаты специальных исследований, экспертные мнения, сообщения СМИ и материалы следственно-судебной практики.

Содержание выделенной шкалы рисков криминогенности миграции, олицетворяющих срединные показатели степени её риска, поставленной в зависимость от статуса мигрантов и распространенности совершаемых ими или в их отношении деяний [15], скорректировано с учетом новых данных о криминальных угрозах этого явления (табл. 4).

Не все разновидности преступлений продуцируются миграцией, например, против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ), в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ), против правосудия (гл. 31 УК РФ), против военной службы (гл. 33 УК РФ), против мира и безопасности человечества (ст. 34 УК РФ) вызваны иными причинами и не испытывают на себе влияния миграционных процессов. Они не находят отражения в данных официальной статистики, по этой причине отсутствуют в таблице 4.

О криминогенности миграционных процессов применительно к мигрантам – жертвам преступлений вне зависимости от их статуса можно судить, основываясь исключительно на экспертных оценках, материалах СМИ и следственно-судебной практики, поскольку соответствующие официальные данные, характеризующие структуру этой составляющей миграционной преступности, отсутствуют.

В литературе приводятся сведения о совершении в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства насильственных экстремистских посягательств по мотивам ненависти и вражды [18, с. 108; 19, с. 21–22]. Как правило, это тяжкие и особо тяжкие преступления против личности (убийства, причинение тяжкого вреда здоровью). Широко распространены также преступления против собственности (мошенничества, кражи, грабежи и разбои) [17, с. 106]. Нелегальный статус потерпевшего риски повышает. Крайне низкими показателями раскрываемости характеризуются торговля людьми и использование рабского труда. Вместе с тем СМИ и научные источники указывают на достаточную распространенность этих преступлений в отношении мигрантов-нелегалов[1] [20, с. 136–138].

[1] Коваленко В. И., Шураева Л. М., Жуков П. С. Влияние миграционных потоков на криминогенную обстановку на территории Российской Федерации : аналитический обзор (п. 1.2.2 ПНО МВД России на 2018 г., п. 1.1.2 плана НИР ФГКУ «ВНИИ МВД России» на 2018 г.). М., 2018 // Управление МВД России по Камчатскому краю: сайт. URL: https://41.мвд.рф/влияние-миграционных-потоков-на-криминог (дата обращения: 12.08.2022)

Таблица 4. Шкала рисков криминогенности миграционных процессов (миграции)

Степень риска	Риски криминогенности миграции			
	в отношении мигрантов		со стороны мигрантов	
	законная миграция	незаконная миграция	законная миграция	незаконная миграция
Риск минимальный или не отличается спецификой	Преступления транспортные	Преступления транспортные	Преступления против семьи и несовершеннолетних; экологические; транспортные; основ конституционного строя	Преступления против семьи и несовершеннолетних; транспортные; основ конституционного строя
Существует некоторый риск	Преступления против собственности; жизни и здоровья	Преступления против свободы, чести и достоинства личности	Преступления против жизни и здоровья; свободы, чести и достоинства личности; половые; общественной безопасности и общественного порядка; здоровья населения и общественной нравственности; собственности; в сфере экономической деятельности	Экологические преступления
Высокий риск	–	Преступления против жизни и здоровья; собственности	Преступления должностные коррупционной направленности; против порядка управления	Преступления против жизни и здоровья; свободы, чести и достоинства личности; половые; общественной безопасности и общественного порядка; здоровья населения и общественной нравственности; собственности; в сфере экономической деятельности
Высочайшая степень риска	–	–	–	Преступления должностные коррупционной направленности; против порядка управления

Миграция продуцирует совершение мигрантами самых разнообразных преступлений. Минимальными показателями характеризуется ее криминогенность в отношении преступлений против семьи и несовершеннолетних, главным образом,

применительно к уклонению от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей, что вызвано мобильностью мигрантов, неустойчивостью их социально-правового статуса и нерегулярностью заработков. Ежегодная фиксация нескольких десятков привлеченных к ответственности иностранных граждан (лиц без гражданства), согласно данным официальной статистики, подтверждают выдвинутую гипотезу. В пределах статистической погрешности находятся совершаемые иностранным контингентом экологические преступления. Вместе с тем, по мнению экспертов, широко распространена незаконная вырубка российского лесного фонда на Дальнем Востоке китайцами. В структуре миграционной преступности незначителен (около 2%)[1] удельный вес иностранцев (лиц без гражданства), совершающих преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (гл. 27 УК РФ) и основ конституционного строя (гл. 29 УК РФ). Однако эти преступления не отличаются спецификой проявления, а риски не связаны с миграционными процессами.

Относительно высокими показателями характеризуются совершение иностранным контингентом преступлений: против свободы, чести и достоинства личности (гл. 17 УК РФ) (7,9%) (наибольший удельный вес в них составляют похищение человека и незаконное лишение свободы); против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18 УК РФ) (6%) (как правило, это насильственные половые преступления); против общественной безопасности и общественного порядка (3,2%), представленные (за небольшим исключением) всеми преступлениями указанной группы; против здоровья населения и общественной нравственности (3,1%) (в подавляющем большинстве случаев это наркопреступления); против собственности (2,8%) (чаще всего – хищения) и в сфере экономической деятельности (2,4%), включающие, главным образом, специальные составы незаконной предпринимательской деятельности, незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ и услуг), фальшивомонетничество, составы экономической контрабанды.

Распределение указанных показателей может меняться в зависимости от регионов. Например, в г. Москве порядка трети иностранных граждан осуждены за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы; около 20% – за преступления против собственности (гл. 21 УК РФ); 17% – за преступления против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ) [17, с. 241–242]. В Республике Татарстан чаще всего иностранным контингентом совершаются преступления против собственности (42,4%), против жизни и здоровья (16,3%) и связанные с незаконным оборотом наркотиков (5,3%) [4, с. 157].

Сверхвысокими рисками обладают преступления против порядка управления (18,5%), главным образом за счет преступлений, непосредственно связанных с незаконной миграцией (ст. 322–322^3, 327 УК РФ) (в литературе приводятся данные об удельном весе подделки документов в структуре преступности неграждан, которая составляет более 62% [7, с. 132]; как правило, это документы, предоставляющие право пребывания на территории России). Повышенным криминогенным потенциалом отличаются должностные преступления коррупционной направленности. В структуре указанной преступности они составляют (10,6%).

Выводы

Миграция обладает достаточно высоким криминогенным потенциалом,

[1] Здесь и далее анализ криминальной активности иностранных граждан (лиц без гражданства) осуществляется на основе данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской (форма №11.1). URL: https://www.cdep.ru/index.php (дата обращения: 20.07.2022).

продуцируя самые разнообразные преступления. Особую озабоченность вызывает значительный удельный вес в структуре миграционной преступности тяжких и особо тяжких преступлений против личности, совершаемых мигрантами и в их отношении, а также экстремистских, антитеррористических, должностных преступлений коррупционной направленности и в сфере оборота наркотиков. Незаконная неконтролируемая миграция многократно увеличивает криминогенные риски явления, что должно быть учтено при планировании и реализации мер противодействия транснациональной и национальной преступности, включая корректировку стратегических и концептуальных документов противодействия отдельным видам преступности.

Криминогенные риски миграции, в силу присущих этому явлению свойств неопределенности и непредсказуемости (особенно неконтролируемой его части), нуждаются в постоянном мониторинге. В условиях крайней нестабильности миграционной ситуации в период кризисов риски увеличиваются, поэтому выявление и фиксация преступлений, продуцированных миграцией, становятся более значимыми. Вместе с тем слабая репрезентативность официальных данных осложняет выполнение этих задач. Требуется корректировка системы учета преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства и в их отношении, путем фиксации сведений о незаконных мигрантах, являющихся субъектами и жертвами посягательств. Нуждаются в переосмыслении криминологические подходы к определению миграционной преступности. Деяния, непосредственно связанные с незаконной миграцией и совершаемые лицами вне зависимости от гражданской принадлежности (ст. 322^1, 322^2, 322^3 УК РФ), структурно в неё не включены, что препятствует оценке криминогенных рисков этого явления.

Список литературы

1. Елисеев М. А. Уголовно-правовые меры противодействия незаконной миграции (компаративное исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук М., 2019. 31 с.

2. Магеррамов М. А. Нелегальная миграция: понятие, общественная опасность, уголовно-правовое и криминологическое противодействие (по материалам России и Азербайджана): дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 202 с.

3. Магомедов Э. Б. Криминологическая характеристика преступности мигрантов-иностранцев в республиках Северо-Кавказского федерального округа и ее предупреждение: дис. … канд. юрид. наук. Грозный, 2020. 276 с.

4. Миграционные риски как фактор возникновения конфликтов: евразийский и европейский опыт решения: монография / Р. Р. Фахрутдинов, В. Т. Сакаев, Р. И. Измайлов [и др.]. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2020. 252 с.

5. Никитенко И. В. Криминологическое обеспечение миграционной безопасности Азиатской части России: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. 411 с.

6. Предыбайло В. А. Криминологическая характеристика и профилактика незаконной миграции в России (общефедеральный и региональный аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 22 с.

7. Проблемы противодействия незаконной миграции в Российской Федерации: монография / под ред. Р. В. Жубрина, О. А. Евлановой; Университет прокуратуры Российской Федерации. М.: Проспект, 2019. 392с.

8. Самойлюк Н. В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия незаконной миграции: дис. … канд. юрид. наук. Хабаровск, 2013. 198 с.

9. Соков В. С. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с незаконной миграцией: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 224 с.

10. Урда М. Н. Концепция управления рисками миграционной преступности // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 3. С. 57–65.

11. Урда М. Н. Противодействие незаконной миграции как направление уголовной политики // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 150–158.

12. Шишкин Р. В. Предупреждение преступлений, совершаемых иностранными гражданами на потребительском рынке в Дальневосточном федеральном округе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 27 с.

13. Шкилев А. Н. Миграция: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 237 с.

14. Урда М. Н. Управление рисками миграционной преступности в условиях пандемии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3 (54). С. 62–70.

15. Лопашенко Н. А. О шкале рисков криминогенности миграционных процессов // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 16–18.

16. Собольников В. В. Понятие миграционной преступности и проблемы ее определения // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 3. С. 119–133.

17. Ульянов М. В. Состояние преступности иностранных граждан в Центральном федеральном округе // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 235–243.

18. Бучаков С. А. Незаконная внешняя миграция в России: криминологическая обстановка и политика противодействия: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2019. 239 с.

19. Ульянов М. В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 34 с.

20. Урда М. Н. Вопросы юридической оценки торговли людьми с нарушением миграционного режима // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 7. С. 136–138.

References

1. Eliseev M. A. Ugolovno-pravovye mery protivodejstviya nezakonnoj migracii (komparativnoe issledovanie). Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Criminal law measures to counter illegal migration (comparative study). Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2019. 31p.

2. Magerramov M. A. Nelegal'naya migraciya: ponyatie, obshchestvennaya opasnost', ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe protivodejstvie (po materialam Rossii i Azerbajdzhana). Diss. kand. yurid. nauk [Illegal migration: concept, social danger, criminal law and criminological counteraction (based on materials from Russia and Azerbaijan). Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2008. 202 p.

3. Magomedov E. B. Kriminologicheskaya harakteristika prestupnosti migrantov-inostrancev v respublikah Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga i ee preduprezhdenie. Diss. kand. yurid. nauk [Criminological characteristics of the crime of migrant foreigners in the Republics of the North Caucasus Federal District and its prevention. Cand. legal sci. diss.]. Groznyj, 2020. 276 p.

4. Fahrutdinov R. R., Sakaev V. T., Izmajlov R. I., eds. Migracionnye riski kak faktor vozniknoveniya konfliktov: evrazijskij i evropejskij opyt resheniya [Migration risks as a factor of

conflict emergence: Eurasian and European experience in solving]. Kazan', Kazan. Univ. Publ., 2020. 252 p.

5. Nikitenko I. V. Kriminologicheskoe obespechenie migracionnoj bezopasnosti Aziatskoj chasti Rossii. Diss. Dokt. yurid. nauk [Criminological provision of migration security in the Asian part of Russia. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2014. 411 p.

6. Predybajlo V. A. Kriminologicheskaya harakteristika i profilaktika nezakonnoj migracii v Rossii (obshchefederal'nyj i regional'nyj aspekty) [Criminological characteristics and prevention of illegal migration in Russia (federal and regional aspects)]. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2012. 22 p.

7. Problemy protivodejstviya nezakonnoj migracii v Rossijskoj Federacii [Problems of countering illegal migration in the Russian Federation]; ed. by R. V. Zhubrin, O. A. Evlanova. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 392 p.

8. Samojlyuk N. V. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie mery protivodejstviya nezakonnoj migracii. Diss. kand. yurid. nauk [Criminal law and criminological measures to counter illegal migration. Cand. legal sci. diss.]. Habarovsk, 2013. 198 p.

9. Sokov V. S. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy bor'by s nezakonnoj migraciej. Diss. kand. yurid. nauk [Criminal-legal and criminological problems of combating illegal migration. Cand. legal sci. abstract diss.]. Volgograd, 2015. 224 p.

10. Urda M. N. Koncepciya upravleniya riskami migracionnoj prestupnosti [The concept of migration crime risk management]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*, 2020, no. 3, pp. 57–65.

11. Urda M. N. Protivodejstvie nezakonnoj migracii kak napravlenie ugolovnoj politiki [Countering illegal migration as a direction of criminal policy]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2018, no. 4 (89), pp. 150–158.

12. Shishkin R. V. Preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh inostrannymi grazhdanami na potrebitel'skom rynke v Dal'nevostochnom federal'nom okruge. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Prevention of crimes committed by foreign citizens on the consumer market in the Far Eastern Federal District. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2020. 27 p.

13. Shkilev A. N. Migraciya: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty. Diss. kand. yurid. nauk [Migration: criminal law and criminological aspects. Cand. legal sci. diss.]. Nizhnii Novgorod, 2006. 237 p.

14. Urda M. N. Upravlenie riskami migracionnoj prestupnosti v usloviyah pandemii [Managing the risks of migration crime in a pandemic]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3 (54), pp. 62–70.

15. Lopashenko N. A. O shkale riskov kriminogennosti migracionnyh processov [On the risk scale of criminogenicity of migration processes]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2017, no. 6, pp. 16–18.

16. Sobol'nikov V. V. Ponyatie migracionnoj prestupnosti i problemy ee opredeleniya [The concept of migration crime and the problems of its definition]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2011, no. 3, pp. 119–133.

17. Ul'yanov M. V. Sostoyanie prestupnosti inostrannyh grazhdan v Central'nom federal'nom okruge [The state of crime of foreign citizens in the Central Federal District]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 235–243.

18. Buchakov S. A. Nezakonnaya vneshnyaya migraciya v Rossii: kriminologicheskaya obstanovka i politika protivodejstviya. Diss. kand. yurid. nauk [Illegal external migration in Russia: criminological situation and counteraction policy. Cand. legal sci. diss.]. Omsk, 2019. 239 p.

19. Ul'yanov M. V. Migracionnye processy v sisteme determinacii prestuplenij ekstremistskoj napravlennosti. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Migration processes in the system of determining extremist crimes. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2017. 34 p.

20. Urda M. N. Voprosy yuridicheskoj ocenki torgovli lyud'mi s narusheniem migracionnogo rezhima [Questions of legal assessment of human trafficking in violation of the migration regime]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*, 2021, no. 7, pp. 136–138.

Информация об авторе / Information about the Author

Лопашенко Наталья Александровна, доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: lopashenko@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9175-8877

Natalia A. Lopashenko, Dr. of Sci. (Juridical), Professor, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, e-mail: lopashenko@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9175-8877

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-82-93

CC BY 4.0

Дифференциация уголовной ответственности соучастников преступления

Е. В. Рогова[1] ✉, Р. А. Забавко[2]

[1]Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
ул. Шевцова 1, г. Иркутск 664035, Российская Федерация

[2]Юридический институт Иркутского государственного университета
К. Маркса 1, г. Иркутск 664003, Российская Федерация

✉ e-mail: rev-80@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления, обладающей определенной спецификой с учетом особенностей отдельных проявлений преступной активности и законодательного определения их признаков в Общей и Особенной частях Уголовного кодекса Российской Федерации.*

Целью *является формулирование общих и специальных правил уголовно-правового регулирования пределов ответственности соучастников преступления.*

Задачи: *изучить подходы в определении пределов уголовно-правового регулирования пределов ответственности соучастников как в России, так и за рубежом, выявить связанные с этим законодательные и правоприменительные проблемы их установления и предложить пути их разрешения.*

Методология. *Методологическую базу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания действительности, которые позволили исследовать вопросы дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления и сформулировать предложения о законодательном закреплении пределов ответственности организатора, подстрекателя и пособника.*

Результаты. *Проанализированы имеющиеся в Уголовном кодексе Российской Федерации правовые механизмы дифференциации уголовной ответственности соучастников. Определено, что в основе дифференциации уголовной ответственности соучастников лежит акцессорная природа соучастия. Выявлено, что основным средством дифференциации уголовной ответственности являются формы соучастия.*

Выводы. *Имеющиеся средства дифференциации уголовной ответственности не обеспечивают реализацию принципа справедливости. Форма соучастия не всегда может быть использована в качестве средства дифференциации уголовной ответственности соучастников, иные средства, такие как выделение специальных составов, в которых организатор или посредник представлены в качестве исполнителей отдельных преступлений, является частным (и не всегда эффективным средством дифференциации уголовной ответственности). Предлагается законодательно связать размер наказания, назначаемого исполнителю и другим соучастникам.*

Ключевые слова: *уголовная ответственность; дифференциация; соучастники преступления; принцип справедливости.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Рогова Е. В., Забавко Р. А. Дифференциация уголовной ответственности соучастников преступления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 82–93. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-82-93.

Поступила в редакцию 16.08.2022 Принята к публикации 12.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Рогова Е. В., Забавко Р. А. 2022

Differentiation of Criminal Liability of Accomplices in a Crime

Evgeniya V. Rogova[1] ✉, Roman A. Zabavko[2]

[1]Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation"
1 Shevtsova Str., Irkutsk 664035, Russian Federation

[2]Lawl Institute of the Irkutsk State University
1 K. Marksa Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

✉ e-mail: rev-80@yandex.ru

Abstract

Relevance. *This article discusses topical issues of differentiation of criminal liability of accomplices in a crime, which has a certain specificity, taking into account the characteristics of individual manifestations of criminal activity.*

The purpose *is to analyze both general and special rules of criminal law regulation of the limits of liability of accomplices in a crime.*

The objectives *of the study are identifying the problems of criminal law regulation of the limits of liability of accomplices in the crime and suggest ways to solve them.*

Methodology. *The methodological basis of the study is general scientific and particular scientific methods of cognition of reality, which made it possible to investigate the issues of differentiating the criminal liability of accomplices in a crime.*

Results. *The legal mechanisms available in the Criminal Code of the Russian Federation for differentiating the criminal liability of accomplices are analyzed. It has been determined that the accessory nature of complicity underlies the differentiation of the criminal liability of accomplices. It was revealed that the main means of differentiating criminal responsibility are forms of complicity.*

Conclusion. *The existing means of differentiating criminal responsibility do not ensure the implementation of the principle of justice. The form of complicity cannot always be used as a means of differentiating the criminal liability of accomplices, other means, such as the allocation of special compositions in which the organizer or intermediary is presented as the perpetrators of certain crimes, is private (and not always an effective means of differentiating criminal liability). It is proposed to legally link the amount of punishment. assigned to the performer and other accomplices.*

Keywords: *criminal liability; differentiation; accomplices in crime; principle of justice.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Rogova E. V., Zabavko R. A. Differentiation of Criminal Liability of Accomplices in a Crime. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 82–93. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-82-93.

Received 16.08.2022 Accepted 12.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Вопросы дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления и проблемы определения ее пределов недостаточно часто становятся предметом научной дискуссии на страницах юридической литературы. Вместе с тем ответственность соучастников преступления является одним из наиболее сложных институтов уголовного права как с теоретической точки зрения, так и с практической, что в настоящее время обусловлено ее регулированием нормами не только Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), но и нормами Особенной части УК РФ. При этом в последние годы наблюдается криминализация в качестве самостоятельных составов преступлений деяний, совершенных некоторыми видами

соучастников (например, ст. 204[1], ст. 205[1], ст. 291[1], ч. 2 ст. 361 УК РФ и др.).

Уголовно-правовое регулирование пределов ответственности соучастников в преступлении является одним из средств ее дифференциации, суть которой заключается в обеспечении баланса между строгостью уголовной ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений и ее мягкостью в случае совершения преступлений небольшой или средней тяжести. В этой связи необходимо наличие правовых механизмов, которые позволяли бы связывать общественную опасность всех лиц, совместно совершающих преступление, и назначать справедливое наказание. Указанная выше тенденция криминализации в качестве самостоятельных составов преступлений деяний, совершенных некоторыми видами соучастников, затрудняет это. Так, например, в ст. 291[1] УК РФ криминализовано посредничество во взяточничестве, ответственность за которое практически приравнена к получению взятки, и выше, чем за дачу взятки. Кроме того, обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291[1] УК РФ) представляет собой более тяжкое преступление, чем оконченное посредничество во взяточничестве без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 291[1] УК РФ), что, в частности, противоречит правилам назначения наказания за неоконченное преступление. Для решения этих, а также иных проблем дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления требуется переосмысление правовой природы данного института. Актуальность проблематики подтверждается и тем, что она уже неоднократно становилась предметом исследования в работах других авторов. Так, вопросы дифференциации ответственности соучастников преступления изучали А. В. Стефанович [1, с. 365–367], С. В. Петров [2, с. 579–582], Н. И. Святенюк [3, с. 44–49], С. М. Осканян [4, с. 174–176]. Ответственность отдельных видов соучастников становилась предметом анализа в работах Д. А. Минина [5, с. 148–152], В. Г. Саркисян [6, с. 246–248], С. Р. Ибрагимова [7, с. 147–152], В. Ю. Шубиной [8, с. 148–151]. Вопросы соблюдения принципа справедливости при назначении наказания разным видам соучастников затронуты в работах А. А. Илиджева [9, с. 96–99; 10, с. 214–216; 11, с. 230–234] и других авторов.

Вместе с тем тему дифференциации уголовной ответственности соучастников нельзя назвать закрытой. Неизученными остаются вопросы криминализации в качестве самостоятельных составов преступлений деяний отдельных видов соучастников, учета общественной опасности действий соучастников и т.д.

Методология

Основу научного исследования составил всеобщий диалектический метод. Использован общенаучный метод анализа, который позволил дать правовую оценку существующим правовым механизмам дифференциаций уголовной ответственности соучастников. Посредством метода сравнительного анализа исследованы подходы к дифференциации соучастников преступления в зарубежных государствах. Метод научного синтеза использовался для формулирования выводов и предложений о законодательном закреплении пределов ответственности организатора, подстрекателя и пособника.

Результаты и их обсуждение

Вопрос о дифференциации уголовной ответственности соучастников является одним из наиболее актуальных в уголовном праве зарубежных государств. Уголовно-правовая доктрина государств с романо-германской правовой системой исходит из акцессорной природы соучастия, что означает, что правовые последствия действий соучастника определяются характером всего преступления, в котором он принимал участие, и которое

было доведено до конца непосредственными исполнителями этого преступления. Если исполнителем преступление не доведено хотя бы до стадии покушения, лица, оказывавшие содействие исполнителю, так же как и лицо, предполагавшее стать исполнителем, не несут ответственности, если иное не предусмотрено законом.

Однако в различных государствах совершение преступления в соучастии по-разному влияет на дифференциацию уголовной ответственности. Часть уголовных кодексов стран с романо-германской правовой системой устанавливают в принципе одинаковую уголовную ответственность для исполнителей и других соучастников. Так, например, в ст. 121-6 УК Франции закреплено, что соучастник преступного деяния наказывается как его исполнитель [12, с. 38].

Вместе с тем указание закона о равной ответственности соучастников не исключает индивидуализации наказания, определяемого судом для каждого соучастника с учетом обстоятельств конкретного дела в пределах санкции соответствующей статьи уголовного закона.

В некоторых странах с рассматриваемой правовой системой пособник подлежит меньшему наказанию, чем исполнитель. Уголовный кодекс Швейцарии определяет, что тот, кто умышленно склоняет другое лицо к совершению преступления или проступка (подстрекатель), подлежит такому же наказанию, которое грозит и исполнителю (ст. 24). Кто умышленно оказывает помощь при совершении преступления или проступка (пособник), подлежит предусмотренному наказанию, которое может быть смягчено (ст. 25) [13, с. 134].

Рассматривая дифференциацию уголовной ответственности соучастников, отметим, что она предопределяется разным их вкладом в совместно совершаемое преступление. В Великобритании сформировалась специфическая система соучастия, включающая фигуры соучастников, не знакомые уголовному праву стран с романо-германской уголовно-правовой системой. До принятия Закона об уголовном праве 1967 г. выделялись такие фигуры: исполнитель первой степени, исполнитель второй степени, пособник до факта совершения преступления, пособник после факта совершения преступления.

В настоящее время четырехзвенная структура соучастников упразднена, и ко всем соучастникам преступления применяется норма Закона о пособниках и подстрекателях 1861 г., по которой все соучастники подвергаются такой же мере уголовной репрессии, как и исполнитель преступления [13, с. 137]. Аналогичная норма имеется в федеральном уголовном законодательстве США, согласно которой тот «кто совершает посягательство против Соединенных Штатов или помогает его совершению, подстрекает, дает советы, руководит, побуждает или обеспечивает его совершение, подлежит наказанию как исполнитель данного посягательства» [14, с. 196].

Следует отметить, что исторически доктрина соучастия по английскому уголовному праву носила строго акцессорный характер (acctssorius sequitur naturam principalis sui). Акцессорная концепция, построенная на представлении о соучастии как совершении преступления группой лиц, фактически не дает и не может дать четких критериев для законодательной дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления. Она заключается в зависимой ответственности лиц, соучаствующих в преступлении совместно с исполнителем, от ответственности исполнителя [15, с. 337].

Ослабление акцессорной природы соучастия в английском уголовном праве, по мнению Г. А. Есакова, было обусловлено необходимостью привлечения к уголовной ответственности личности, заслуживающей морального порицания, чему иначе помешало бы строго юридическое понимание производности ответ-

ственности соучастника от ответственности главного виновника. Это проявляется в независимости осуждения соучастника от осуждения исполнителя, и в юридической оценке ряда случаев отклонения от согласованного плана, и в увязывании некоторых строго акцессорных, на первый взгляд, аспектов отклонения от согласованного плана с mens rea (психический настрой ума, сопутствующий запрещенному поведению) соучастника [15, с. 337].

Таким образом, в настоящее время в странах с англосаксонской уголовно-правовой системой происходит отказ от акцессорной природы соучастия, в отличие от стран с романо-германской уголовно-правовой системой. Уголовная ответственность соучастников в странах, принадлежащих к англосаксонской уголовно-правовой семье, не ставится в зависимость от наказуемости исполнителя. В Примерном уголовном кодексе США (п. 7 ст. 2.06) соучастник подлежит уголовной ответственности и тогда, когда предполагаемый исполнитель не подвергся уголовному преследованию или не был осужден за другое преступление, либо пользуется иммунитетом против уголовного преследования или осуждения, либо был оправдан.

Сравнительно слабую разработанность в доктрине мусульманского уголовного права имеют вопросы дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления. Основным правилом, выработанным мусульманскими юристами, является то, что применительно к преступлениям «кисас» число лиц, подвергаемых кровомщению по принципу талиона за совершение преступления, должно быть строго равно числу жертв преступления.

Мусульманские судьи выделяют среди соучастников преступления «главных виновников» и «соучастников», из которых «главные виновники» подвергаются установленному наказанию за «худуд» или «кисас», а «соучастники» наказываются по усмотрению судьи. Если один из обвиняемых удерживал потерпевшего, а второй наносил ему удары, то последний подвергается смертной казни, а первый – лишению свободы и порке плетьми.

В целом для лиц, не являющихся «главными виновниками», является самостоятельным преступлением «тазир», наказываемый по усмотрению судьи [16, с. 167–168].

Акцессорная природа соучастия, которая применяется в отечественном уголовном праве, оказывает значительное влияние на дифференциацию уголовной ответственности соучастников. Принятие теории о том, что умысел всех соучастников сублимируется в исполнителе и реализуется именно в его действиях, влечет за собой фактически «уравнивание» размера уголовно-правовой репрессии в отношении всех лиц, участвующих в совершении преступления. В этом есть и положительные, и отрицательные аспекты.

К числу положительных можно отнести то, что указанный подход оказывает позитивное профилактическое воздействие и стимулирует лиц отказываться от любой роли в совершении преступления под угрозой наказания, фактически равного наказанию исполнителя: лицо, объективно не участвующее в совершении преступления, понесет ответственность за совершение того же преступления, что и исполнитель (со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ). В свою очередь, это заметно упрощает квалификацию, позволяя давать оценку общественно опасного деяния только исполнителя и «распространять» ее на действия иных соучастников.

Между тем акцессорная природа соучастия не всегда позволяет объективно оценить фактический вклад каждого соучастника в общий преступный результат и, соответственно, дифференцировать их ответственность. Частично эту проблему решают правовые механизмы, преду-

смотренные ст. 36 УК РФ, которые исключают ответственность организатора, подстрекателя и пособника за действия исполнителя, выходящие за пределы общего умысла.

В то же время действия организатора, подстрекателя и пособника, направленные на достижение общего преступного результата, который проявится в деянии исполнителя, должны быть совершены с умыслом и полностью охватывать все имеющие значение для квалификации аспекты содеянного, в том числе общественно опасные последствия. Между тем сложилась практика, что организатору, подстрекателю или пособнику вменяются, например, дополнительные тяжкие последствия, не охватывающиеся не только их умыслом, но даже умыслом исполнителя.

Так, действия П. были квалифицированы ч. 3 ст. 33, ч. 4 ст. 111 УК РФ как организатора в совершении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего. При этом П. непосредственного участия в нанесении телесных повреждений потерпевшему не принимал, общественно опасное деяние, которое организовал П., было совершено исполнителями Г., А., К., Т.[1]

Решение вопроса об ответственности конкретных соучастников обеспечивается, прежде всего, не посредством дифференциации, а индивидуализации наказания в соответствии со ст. 67 УК РФ, которая предписывает при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитывать характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда. Думается, что законодатель, говоря о «характере фактического участия лиц», подразумевает именно вид соучастника. Впрочем, отдельные авторы (например, С. А. Балеев) полагают, что тем самым обеспечивается в том числе и дифференциация уголовной ответственности соучастников [17, с. 200].

Вместе с тем механизмы дифференциации уголовной ответственности соучастников в УК РФ предусмотрены и его средством выступает форма соучастия. Дифференциация уголовной ответственности проявляется, в частности, в применении квалифицирующих или привилегирующих признаков. Одним из традиционно используемых для конструирования квалифицированных составов преступлений выступает форма соучастия. В свою очередь, форма соучастия характеризует, как отмечают М. Н. Каплин, А. С. Грибов и Е. И. Грузинская, способ взаимодействия и степень сплоченности и соорганизованности соучастников [18, с. 36].

Действительно, совершение преступления в той или иной форме соучастия в значительной степени влияет на степень общественной опасности преступления и, следовательно, должно быть учтено при дифференциации уголовной ответственности. Доктринально выработано и законодательно закреплено четыре формы соучастия: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). Традиционно считается, что наименее опасной формой соучастия признается группа лиц, наиболее опасной – преступное сообщество (преступная организация).

Вместе с тем законодатель использует формы соучастия как средства дифференциации уголовной ответственности. Так, например, совершение убийства группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой квалифицируется одинаково (по

[1] Приговор Хабаровского краевого суда № 2-16/2017 от 25 сентября 2017 г. по делу № 2-16/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: офиц. сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Tlv8QW3vYJLJ/ (дата обращения: 04.03.2022).

п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ), что указывает на то, что средством дифференциации уголовной ответственности выступает не форма соучастия, а сам факт ее наличия. В отдельных составах преступлений такая форма соучастия, как группа лиц, вообще не используется в качестве квалифицирующего признака. В частности, в ч. 2 ст. 258 УК РФ законодатель необоснованно не использует указанный признак. Проведенное нами исследование показало, что при совершении незаконной охоты группа лиц (без предварительного сговора) возникает достаточно часто, а содеянное ею в значительной степени увеличивает общественную опасность деяния по сравнению с совершением преступления без соучастия[1].

Также следует отметить, что такая форма соучастия, как совершение преступления в составе преступного сообщества (преступной организации), как квалифицирующий признак при дифференциации уголовной ответственности не используется вообще. На практике вменяется квалифицированный состав, предусматривающий совершение преступления организованной группой, и по совокупности ст. 210 УК РФ.

Форма соучастия, выделенная в качестве квалифицирующего признака конкретного состава преступления, позволяет учесть общественную опасность не соучастника, а всей группы, которая представляет собой не простую сумму участников, а их качественное перерождение в более эффективную в плане совершения преступления структуру.

Кроме того, возможно совершение преступления в соучастии, но без формы соучастия. Наличие в составе группы только одного исполнителя, даже при наличии организатора, пособника или подстрекателя (или всех указанных лиц вместе), квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой» не вменяется.

Так, рассматривая уголовное дело в отношении Р. и И., а также кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 января 2013 г. в отношении Р. по обвинению Р. и И. в совершении преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, Президиум Верховного Суда РФ переквалифицировал содеянное Р. с п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, содеянное И. с п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ. Было установлено, что И. произвел прицельный выстрел из гладкоствольного ружья в потерпевшего М., чем причинил ему смерть. Р. при этом непосредственно объективной стороны убийства не выполнял, но оказывал И. содействие в совершении преступления и фонариком мобильного телефона осветил спавшего на топчане М., облегчая тем самым выполнение И. отведенной ему роли. Мотивируя свое решение, Президиум Верховного Суда РФ указал, что убийство М. было совершено одним И., который из гладкоствольного охотничьего ружья с близкого расстояния произвел выстрел в голову потерпевшего, а Р., создавая ему условия для производства прицельного выстрела, являлся пособником убийства. Следовательно, действия осужденных при одном исполнителе убийства не могут быть квалифицированы как совершенные группой лиц по предварительному сговору[2].

Тем самым мы констатируем, что форма соучастия фактически не способна

[1] В рамках исследования были проанализированы приговоры по 406 уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 258 УК РФ. Выявлено, что группа лиц (без предварительного сговора) присутствовала более чем в 10% случаев незаконной охоты, при этом наличие соучастия увеличивало размер причиненного ущерба.

[2] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 дек. 2013 г. № 235-П13. URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php (дата обращения: 15.06.2022).

решать задачи дифференциации уголовной ответственности соучастников и обеспечивать учет общественной опасности каждого из участвующих в совершении преступления лиц.

Законодатель, вероятно желая подчеркнуть особый характер общественной опасности организатора и пособника, в отдельных случаях выделяет их в качестве самостоятельных субъектов отдельных преступлений. Так, лицо, создавшее незаконное вооруженное формирование, банду или преступное сообщество (преступную организацию) или руководившее ими, несет ответственность как исполнитель преступления, предусмотренного соответственно ч. 1 ст. 208, ч. 1 ст. 209, ч. 1 ст. 210 УК РФ, тогда как участие в данных незаконных объединениях квалифицируется по частям вторым указанных статей. Тем самым законодатель дифференцировал уголовную ответственность организатора и других видов соучастников указанных преступлений.

Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ УК РФ был дополнен упомянутой в начале этой статьи ст. 291^1 УК РФ, выделившим посредничество во взяточничестве в отдельный состав. Позднее Федеральным законом от 3 мая 2016 г. № 324-ФЗ в УК РФ была включена ст. 204^1 УК РФ, выделившая в отдельный состав также посредничество во взяточничестве. Тем самым законодатель дифференцировал уголовную ответственность соучастников указанных коррупционных преступлений, установив самостоятельную ответственность для пособников. Обосновывая целесообразность самостоятельной ответственности посредников во взяточничестве и в коммерческом подкупе, авторы законопроектов указывали в том числе на необходимость дифференциации уголовной ответственности взяткодателя, взяткополучателя и посредника. Действительно, санкция по ст. 291^1 и 204^1 УК РФ для посредников, действовавших по поручению и в интересах лиц, дающих взятку (коммерческий подкуп), стала несколько выше. Вместе с тем санкция для посредников, действующих в интересах лиц, принимающих взятку или коммерческий подкуп, осталась без изменения, а при определенных обстоятельствах даже стала ниже.

Единственным значительным изменением пределов уголовной ответственности посредников во взяточничестве и в коммерческом подкупе по сравнению с пособниками дачи или получения взятки или коммерческого подкупа стало выделение в отдельные составы обещания или предложения посредничества, но и здесь к законодателю есть претензии – указанные преступления фактически являются стадиями посредничества и в соответствии с правилами назначения наказания за неконченое преступление должно иметь менее строгое наказание, тогда как санкции у них выше, чем у оконченного посредничества.

Ученые по-разному отнеслись к новелле, но большинство критиковало новеллы, отмечая указанные нами выше проблемы, а также отмечая, что посредничество во взяточничестве или в коммерческом подкупе, совершенные в значительном размере, фактически исключают ответственность пособников, при отсутствии этого размера [19, с. 30–35]. Н. С. Пономарев вообще справедливо называет выделение посредничества во взяточничестве в отдельный состав правовой фикцией, т. к. исполнитель данного преступления не может совершить преступление самостоятельно, без дающего и (или) берущего взятку [20, с. 29–37].

Кроме того, полагаем, законодательное решение выделить посредников исключительно в названных коррупционных преступлениях оставляет без внимания дифференциацию уголовной ответственности соучастников других преступлений, в которых традиционно участвуют пособники и подстрекатели.

Обычно наиболее опасным видом соучастников признается организатор [21, с. 258]. В целом мы поддерживаем

эту позицию, но считаем, что применяться она должна в пределах акцессорной теории соучастия, согласно которой уголовная ответственность всех соучастников определяется по содеянному исполнителем.

Выводы

Думается, правильным было бы выработать общие механизмы дифференциации уголовной ответственности соучастников. Главная проблема, которая сопровождает уголовную ответственность организатора, подстрекателя и пособника – назначение им необоснованно мягкого наказания по сравнению с исполнителем. По нашему мнению, таким механизмом могло бы стать законодательное закрепление нижней границы реально назначаемого организатору, подстрекателю и пособнику наказания, указав, что для организатора оно не может составлять менее чем три четвертых, а для подстрекателя и пособника – менее чем две третьих от наказания, назначаемого исполнителю.

Список литературы

1. Стефанович А. В. Особенности дифференциации уголовной ответственности за групповые преступления // Наука и современность. 2010. № 4-2. С. 361–365.

2. Петров С. В. Значение юридической конструкции уголовно-правовой нормы при дифференциации ответственности на примере отграничения сложных форм соучастия // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 579–582.

3. Святенюк Н. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания за преступление, совершенное в соучастии // Уголовное право. 2008. № 3. С. 44–49.

4. Осканян С. М. Перспективы дифференциации видов соучастников в уголовном праве Российской Федерации // Научный электронный журнал Меридиан. 2019. № 12(30). С. 174–176.

5. Минин Д. А. Подходы к дифференциации ответственности за посредничество во взяточничестве в уголовных кодексах зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ // Общество и право. 2013. № 3(45). С. 148–152.

6. Саркисян В. Г. Проблемы дифференциации наказания за подстрекательство к совершению преступления // Евразийский юридический журнал. 2016. № 4(95). С. 246–248.

7. Ибрагимов С. Р. Международно-правовое регулирование ответственности за пособничество террористической деятельности // Аграрное и земельное право. 2017. № 10(154). С. 147–152.

8. Шубина В. Ю. О дифференциации уголовной ответственности за пособничество в преступлении // Общество и право. 2010. № 5(32). С. 148–151.

9. Илиджев А. А. Правовое регулирование дифференциации наказания за соучастие в преступлении по УК РФ // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 2(11). С. 96–99.

10. Илиджев А. А. Пределы наказания отдельных видов соучастников по зарубежному уголовному законодательству // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 3(4). С. 214–216.

11. Илиджев А. А. Некоторые особенности выделения видов соучастников и соучастия в преступлении // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 1(2). С. 230–234.

12. Аистова Л. С., Краев Д. Ю. Уголовное право зарубежных стран. 2-е изд. СПб.: С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. 131 с.

13. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / А. В. Наумов [и др.]; под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. М.: Юрайт, 2018. 285 с.

14. Крылова Н. Е., Голованова Н. А., Козочкин И. Д. Уголовное право зарубежных стран: в 3 т. Т. 1. Общая часть. Англия. США / отв. ред. Н. Е. Крылова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 240 с.

15. Есаков Г. А. Международно-уголовное право как подотрасль российского уголовного права: современное состояние и проблемы // Международное право и международные организации = International Law and International Organizations. 2015. № 3. С. 331–346. https://doi.org/10.7256/2226-6305.2015.3.15751.

16. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Правовые системы Азии. Т. 3. М.: ИЗиСП: КОНТРАКТ, 2013. 303 с.

17. Балеев С. А. Дифференциация ответственности соучастников преступления // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, № 6. С. 200–204.

18. Каплин М. Н., Грибов А. С., Грузинская Е. И. Некоторые аспекты индивидуализации и дифференциации ответственности субъектов групповых преступлений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4-2. С. 36–38.

19. Ображиев К., Чашин К. Криминализация посредничества во взяточничестве: поиск оптимальной модели // Уголовное право. 2013. № 6. С. 30–35.

20. Пономарев Н. С. Дискуссионные вопросы момента окончания продолжаемого взяточничества: критический анализ разъяснений Пленумов Верховных Судов СССР и РФ // Мировой судья. 2022. № 2. С. 29–37.

21. Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко и З. А. Незнамова. М.: Инфра-М : Норма, 1997. 516 с.

Reference

1. Stefanovich A. V. Osobennosti differenciacii ugolovnoj otvetstvennosti za gruppovye prestupleniya [Features of differentiation of criminal responsibility for group crimes]. *Nauka i sovremennost' = Science and Modernity*, 2010, no. 4-2, pp. 361–365.

2. Petrov S. V. Znachenie yuridicheskoj konstrukcii ugolovno-pravovoj normy pri differenciacii otvetstvennosti na primere otgranicheniya slozhnyh form souchastiya [The significance of the legal construction of the criminal law norm in the differentiation of responsibility by the example of the differentiation of complex forms of complicity]. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2013, no. 7-2, pp. 579–582.

3. Svyatenyuk N. Differenciaciya otvetstvennosti i individualizaciya nakazaniya za prestuplenie, sovershennoe v souchastii [Differentiation of responsibility and individualization of punishment for a crime committed in complicity]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2008, no. 3, pp. 44–49.

4. Oskanyan S. M. Perspektivy differenciacii vidov souchastnikov v ugolovnom prave Rossijskoj Federacii [Prospects of differentiation of types of accomplices in the criminal law of the Russian Federation]. *Nauchnyj elektronnyj zhurnal Meridian = Scientific electronic journal Meridian*, 2019, no. 12(30), pp. 174–176.

5. Minin D. A. Podhody k differenciacii otvetstvennosti za posrednichestvo vo vzyatochnichestve v ugolovnyh kodeksah zarubezhnyh stran: sravnitel'no-pravovoj analiz [Approaches to differentiation of responsibility for mediation in bribery in criminal codes of foreign countries: comparative legal analysis]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2013, no. 3(45), pp. 148–152.

6. Sarkisyan V. G. Problemy differenciacii nakazaniya za podstrekatel'stvo k sovershenіyu prestupleniya [Problems of differentiation of punishment for incitement to commit a crime]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2016, no. 4(95), pp. 246–248.

7. Ibragimov S. R. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie otvetstvennosti za posobnichestvo terroristicheskoj deyatel'nosti [International legal regulation of responsibility for aiding terrorist activities]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land law*, 2017, no. 10(154), pp. 147–152.

8. Shubina V. Yu. O differenciacii ugolovnoj otvetstvennosti za posobnichestvo v prestuplenii [On the differentiation of criminal liability for complicity in a crime]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2010, no. 5(32), pp. 148–151.

9. Ilidzhev A. A. Pravovoe regulirovanie differenciacii nakazaniya za souchastie v prestuplenii po UK RF [Legal regulation of differentiation of punishment for complicity in a crime under the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2009, no. 2(11), pp. 96–99.

10. Ilidzhev A. A. Predely nakazaniya otdel'nyh vidov souchastnikov po zarubezhnomu ugolovnomu zakonodatel'stvu [Limits of punishment of certain types of accomplices under foreign criminal legislation]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2007, no. 3(4), pp. 214–216.

11. Ilidzhev A. A. Nekotorye osobennosti vydeleniya vidov souchastnikov i souchastiya v prestuplenii [Some features of distinguishing the types of accomplices and complicity in a crime]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2007, no. 1(2), pp. 230–234.

12. Aistova L. S., Kraev D. Yu. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran [Criminal law of foreign countries. St. Petersburg, St. Petersburg yurid. in-t (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii, 2020. 131 p.

13. Naumov A. V., eds. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh gosudarstv. Obshchaya chast' [Criminal law of foreign countries. The general part]; ed. by A. V. Naumov, A. G. Kibal'nik. Moscow, Yurajt Publ., 2018. 285 p.

14. Krylova N. E., Golovanova N. A., Kozochkin I. D. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran. Vol. 1. Obshchaya chast'. Angliya. SSHA [Criminal law of foreign countries. Vol. 1. General part. England. USA]; ed. by N. E. Krylova. 5th ed. Moscow, Yurajt Publ., 2019. 240 p.

15. Esakov G. A. Mezhdunarodno-ugolovnoe pravo kak podotrasl' rossijskogo ugolovnogo prava: sovremennoe sostoyanie i problemy [International criminal law as a sub-branch of Russian criminal law: current state and problems]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii = International Law and International Organizations*, 2015, no. 3, pp. 331–346. https://doi.org/10.7256/2226-6305.2015.3.15751.

16. Lafitskij V. I. Sravnitel'noe pravovedenie: nacional'nye pravovye sistemy. Tom 3. Pravovye sistemy Azii [Comparative jurisprudence: national legal systems. Vol. 3. Legal systems of Asia]. Moscow, IZiSP Publ., KONTRAKT Publ., 2013. 303 p.

17. Baleev S. A. Differenciaciya otvetstvennosti souchastnikov prestupleniya [Differentiation of responsibility of accomplices of a crime]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities, Series,* 2007, vol. 149, no. 6, pp. 200–204.

18. Kaplin M. N., Gribov A. S., Gruzinskaya E. I. Nekotorye aspekty individualizacii i differenciacii otvetstvennosti sub"ektov gruppovyh prestuplenij [Some aspects of individualization and differentiation of responsibility of subjects of group crimes]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk = Actual problems of humanities and natural sciences*, 2015, no. 4-2, pp. 36–38.

19. Obrazhiev K., Chashin K. Kriminalizaciya posrednichestva vo vzyatochnichestve: poisk optimal'noj modeli [Criminalization of mediation in bribery: the search for an optimal model]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2013, no. 6, pp. 30–35.

20. Ponomarev N. S. Diskussionnye voprosy momenta okonchaniya prodolzhaemogo vzyatochnichestva: kriticheskij analiz raz"yasnenij Plenumov Verhovnyh Sudov SSSR i RF [Debatable issues of the moment of the end of the ongoing bribery: critical analysis of the explanations of the Plenums of the Supreme Courts of the USSR and the Russian Federation]. *Mirovoj sud'ya = Justice of the Peace*, 2022, no. 2, pp. 29–37.

21. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' [Criminal law. The general part]; ed. by I. Ya. Kozachenko i Z. A. Neznamova. Moscow, Infra-M Publ., Norma Publ., 1997. 516 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Рогова Евгения Викторовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: rev-80@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2524-0241

Evgeniya V. Rogova, Dr. of (Juridical) Sci., Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: rev-80@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2524-0241

Забавко Роман Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юридического института, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: zrairk@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1613-9317

Roman A. Zabavko, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Law of Institute of Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: zrairk@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1613-9317

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-94-102

(cc) BY 4.0

Понятие киберпреступности в Российской Федерации и Республике Казахстан

К. О. Карабеков[1] ✉

[1]Омская академия Министерства внутренних дел России
пр. Комарова 7, г. Омск 644092, Российская Федерация

✉ e-mail: KarabekovK@mail.ru

Резюме

***Актуальность**. Статья посвящена одному из актуальных современных вопросов – киберпреступности. Понятие «киберпреступность» широко используется в криминологии и практической деятельности полиции в Российской Федерации и Республике Казахстан. Однако вопрос о точном и полном понимании киберпреступности, а также о его законодательном закреплении до сегодняшнего дня остается открытым. Сущность данной проблемы заключается в том, что от правильного понимания киберпреступности зависит эффективность работы правоохранительных органов по предупреждению такого рода преступлений. В настоящее время в период бурного развития информационных технологий количество преступлений, совершаемых в киберпространстве, растет пропорционально числу пользователей компьютерных сетей.*

***Целью** является точное и полное определение понятия «киберпреступность» в Российской Федерации и Республике Казахстан.*

***Задачи**: на основе имеющихся в юридической литературе определений выявить главные признаки киберпреступности и провести систематизацию этого понятия.*

***Методология**. В процессе работы над исследованием использовались методы теоретического исследования (анализ и синтез, индукция и дедукция, мысленное моделирование), сравнительно-правовой подход.*

***Результаты**. В ходе исследования предложено понимание киберпреступности как исторически изменчивого, латентного социального и уголовно-правового негативного явления, представляющего собой систему преступлений, совершённых дистанционно в информационном пространстве с использованием средств информационно-коммуникационных технологий.*

***Выводы**. Исследование позволило прийти к выводу, что анализ доктринальных подходов не показывает единого мнения среди ученых в определении киберпреступности. Это обусловлено различными трактовками киберпространства и способов использования компьютерных систем при совершении противоправных действий. Несмотря на различия ученые ставят вопрос о соотношении международного законодательства и законодательства России относительно перечня противоправных действий, которые отнесены к преступлениям, совершаемым в киберсфере.*

По нашему мнению, понятие «киберпреступность» может применяться к преступлениям, которые совершаются с использованием любых средств информационно-коммуникационных технологий. Киберпреступность – это более широкое понятие, чем «интернет-преступность», так как оно включает в себя возможность совершения преступлений с использованием любых информационных или телекоммуникационных сетей.

***Ключевые слова**: киберпреступления; киберпреступность; кибербезопасность; информационно-коммуникационные технологии; информационное пространство.*

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Карабеков К. О. Понятие киберпреступности в Российской Федерации и Республике Казахстан // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 94–102. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-94-102.

Поступила в редакцию 11.08.2022 Принята к публикации 09.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Карабеков К. О., 2022

The Concept of Cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan

Kanatbek O. Karabekov[1] ✉

[1]Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
7 Komarova Str., Omsk 644092, Russian Federation

✉ e-mail: KarabekovK@mail.ru

Abstract

Relevance. *The article is devoted to one of the current topical issues - the concept of cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The concept of cybercrime is widely used in criminology and practical activities of the police of the two countries. However, an accurate and complete understanding of cybercrime, as well as its legislative consolidation, remains open to this day. The essence of this problem lies in the fact that the effectiveness of law enforcement agencies in preventing such crimes depends on the correct understanding of cybercrime. Currently, during the rapid development of information technology, the number of crimes committed in cyberspace is growing in proportion to the number of users of computer networks.*

The purpose *is to give an accurate and complete definition of the concept of cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.*

Objectives: *based on the available definitions in the legal literature, to identify the main signs of cybercrime and to systematize the concept of "cybercrime".*

Methodology. *In the process of working on the study, methods of theoretical research (analysis and synthesis, induction and deduction, mental modeling), a comparative legal approach were used.*

Results. *The study suggests an understanding of cybercrime as a historically volatile, latent, social and criminal-legal negative phenomenon, which is a system of crimes committed virtually in the information space using information and communication technologies.*

Conclusions. *The study concluded that the analysis of doctrinal approaches does not show a consensus among scientists in the definition of cybercrime. This is due to different interpretations of cyberspace and ways of using computer systems when committing illegal actions. Despite the differences, scientists raise the question of the relationship between international legislation and Russian legislation, regarding the list of illegal actions that are attributed to crimes committed in the cybersphere.*

In our opinion, the concept of "cybercrime" can be applied to crimes that are committed using any means of information and communication technologies. Cybercrime is a broader concept than "Internet crime", as it includes the possibility of committing crimes using any information or telecommunications networks.

Keywords: *cybercrime; cybercrime; cybersecurity; information and communication technologies; information space.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Karabekov K. O. The Concept of Cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 94–102. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-94-102.

Received 11.08.2022 Accepted 09.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

С появлением компьютерных технологий общество вышло на новый виток своего развития. Мир поделился на две части: реальную и виртуальную. За относительно короткий период своего существования век информационных технологий кардинально изменил общество и самого человека. Перед человечеством стала новая угроза безопасности – киберпреступность [1, с. 79].

Киберпреступления − это новый вид преступных действий, который появился под влиянием процессов модернизации и улучшения компьютерной техники, глобальных информационных сетей [2, с. 63].

Одной из причин ускоренного роста киберпреступности являются технологические тренды. К 2022 г. к глобальной сети Интернет будет подключен 1 трлн устройств. К 2023 г. у 80% людей появится аватар в цифровом мире [3, с. 166−167].

Актуальность изучения киберпреступлений обусловлена тем, что современное постиндустриальное, информационное общество находится в состоянии постоянного развития: в экономике наличествует инновационный сектор с высокопроизводительной промышленностью, индустрией знаний, где часто совершаются и киберпреступления [4, с. 94].

Определение понятия киберпреступности уже давно стало злободневной темой. С течением времени она не теряет своей актуальности, более того, приобретает новые аспекты. Это происходит потому, что, во-первых, методы совершения киберпреступлений быстро развиваются, соответственно признаки киберпреступности тоже меняются, во-вторых, регулярно возникают новые киберугрозы для безопасности населения, в-третьих, темпы законодательного регулирования не соответствуют темпам роста преступной деятельности в киберпространстве, в-четвертых, назрела потребность прогнозирования киберпреступности и выработки адекватных мер противодействия ей.

Методология

Основу научного исследования составил всеобщий диалектический метод. Также использован общенаучный метод анализа, который позволил провести систематизацию признаков киберпреступности. Метод научного синтеза использовался для авторского формулирования понятия киберпреступности. Метод сравнительного правоведения стал основой для характеристики понятий киберпреступности в юридической науке и в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан.

Результаты и их обсуждение

Борьба с преступлениями, которые совершаются в электронной среде, осложняется аспектами: во-первых, общество сталкивается с правонарушителями нового формата; во-вторых, для раскрытия данных преступлений требуются специализированные сотрудники, обладающие особыми знаниями и опытом; в-третьих, контролировать киберпреступность и бороться с ней на уровне отдельного государства практически невозможно [3, с. 376].

В настоящее время большое количество научных публикаций в России, Казахстане и в других странах посвящено борьбе с компьютерной преступностью и обеспечению кибербезопасности. В университетах вводятся новые академические дисциплины, рассматривающие вопросы кибербезопасности. Исследованиями киберпреступности занимаются представители разных направлений научного сообщества, но больше всего – IT-специалисты и юристы. Именно они наиболее активно пытаются понять и описать содержание этого постоянно развивающегося явления.

Несмотря на то, что информация о киберпреступности быстро и впечатляюще накапливается, в юридической науке еще не выработано единое полное определение данного явления. В этом можно убедиться, проанализировав понятия киберпреступности, которые даны различными учеными.

Так, согласно мнению А. В. Федорова, киберпреступность – это преступность в информационном пространстве, моделируемом при помощи компьютера, в котором находятся сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, представленных в математи-

ческом, символьном или в любом другом выражении и находящихся в движении по локальным и глобальным компьютерным сетям, либо сведения, хранящиеся в памяти любого физического или виртуального устройства, а также другого носителя, специально предназначенного для их хранения, обработки и передачи [6, с. 111].

С точки зрения В. А. Номоконова, киберпреступность охватывает как преступность, в которой компьютер является предметом, а информационная безопасность – объектом преступления, так и иные деяния, где компьютеры используются как орудия или средства совершения преступлений против собственности, авторских прав, общественной безопасности или нравственности [7, с. 105].

По мнению Т. Л. Тропиной, киберпреступность образуют деяния, совершенные в киберпространстве, представляющие собой виновные противоправные вмешательства в функционирование компьютеров, компьютерных программ, компьютерных сетей; несанкционированные модификации компьютерных данных, а также иные противоправные общественно опасные действия, совершенные с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей и программ [8, с. 141].

Вышеуказанные ученые (А. В. Федоров, В. А. Номоконов, Т. Л. Тропина), по нашему мнению, в своих определениях не раскрывают все признаки киберпреступности, делая акцент на предмет киберпреступления и обобщая киберпреступность как преступность в информационном пространстве или киберпространстве.

По определению И. Г. Чекунова, киберпреступность – это самостоятельный вид преступности, который определяется посредством применения признаков объективной стороны, таких как средство совершения преступления и орудие совершения преступления. В качестве них выступают вредоносная программа или техническое средство, подключенное к сети Интернет, использование которого направлено на причинение ущерба физическому или юридическому лицу. По его мнению, понятие «киберпреступность» охватывает все преступные деяния, которые совершаются с использованием средств информационно-коммуникационных технологий [9, с. 185]. По нашему мнению, этот автор шире охватил понятие киберпреступности в современных реалиях, учитывая совершение киберпреступлений с использованием средств информационно-коммуникационных технологий.

Т. Н. Шарыпова и А. А. Сидоренко считают, что термин «киберпреступность» сочетает в себе «любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети, против компьютерной системы или сети» [10, с. 975]. Но при этом они не учитывают использование других средств информационно-коммуникационных технологий (например, различных носителей информации или средств связи) при совершений киберпреступлений.

Наиболее полный перечень обстоятельств, характерных для большинства преступлений, совершаемых в глобальных компьютерных сетях, дает А. Л. Осипенко (особая подготовленность преступников, повышенная скрытность, трансграничный, дистанционный характер и многообразие способов совершения преступлений т.д.) [10, с. 109–110]. Аналогичные особенности киберпреступления отмечают также А. А. Коновалов, С. А. Наумов, Д. Д. Колесникова [12, с. 23]. Безусловно, все это характеризует ситуации, в которых совершаются киберпреступления, однако когда речь идет о признаках, необходимо выделять только наиболее существенные обстоятельства.

Также можно выделить работы казахстанских исследователей, которые занимались проблемами киберпреступности:

Б. Х. Толеубекова [13], Т. Б. Сеитов [14], А. К. Нурпеисова [15], К. Аратулы [16].

Ученые Казахстана рассматривают киберпреступность как компьютерную преступность, в основном (Б. Х. Толеубекова, Т. Б. Сеитов, А. К. Нурпеисова) в уголовно-правовом, уголовно-процессуальном, криминалистическом аспекте. Однако заслуживают отдельного внимания научные труды К. Аратулы, который занимался исследованием компьютерной преступности в криминологическом аспекте. Согласно результатам его научных исследований законодательной практики различных государств, а также международного сообщества, к числу компьютерных преступлений можно отнести преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием информационных технологий [17]. По мнению К. Аратулы, в зависимости от объекта и предмета посягательства все компьютерные преступления, предусмотренные как в отечественном, так и в зарубежном уголовном праве, можно разделить на две группы:

1) преступления в сфере компьютерной информации;

2) преступления, где компьютерная информация является орудием или средством совершения другого преступления.

Согласно мнениям казахстанских исследователей К. К. Сабирова, Ф. Р. Ахмеджанова, на сегодняшний день в Казахстане наблюдаются все признаки институционализации киберпреступности: формируются правовые нормы в борьбе с киберпреступниками, создаются международные институты по кибербезопасности, развиваются новые сферы деятельности, ориентированные на противодействие киберпреступности, и др. Также в Республике Казахстан существует как техническая, так и правовая база для создания системы безопасности киберпространства и сетей телекоммуникаций [18, с. 56].

Из этого следует, что понятие киберпреступности в Республике Казахстан широко используется в комплексном его понимании. Однако полное и точное определение киберпреступности казахстанские исследователи не дают, и этот вопрос также не регламентирован в нормативных правовых актах.

В век цифровизации за информацией разворачивается настоящая охота, хакеры придумывают все более сложные вирусы, а те, кто с ними борются, наращивают все более сложную защиту. 90% от всех киберпреступных замыслов – это массовые угрозы, с которыми сталкиваются пользователи каждый день: черви, трояны, фишинговые письма, 9,9% – это целевые атаки, ориентированные на конкретных людей и компании, а последние 0,1% – это новинка нашего столетия – кибероружие [19, с. 49].

Сегодня существует много способов совершения киберпреступлений, но не все из них актуальны на данный момент – некоторые устарели, другие требуют от хакера большого опыта, а третьи просто не подходят для достижения цели преступника. Поэтому злоумышленники очень серьезно подходят к выбору способа совершения киберпреступления.

Под способом совершения преступления ученые объясняют как объективно и субъективно обусловленные правила поведения субъекта до, в момент и после совершения преступления, которые оставляют разного рода характерные следы, позволяющие с помощью криминалистических приемов и средств получить представление о сущности происшедшего, своеобразии криминального поведения правонарушителя, его личных данных и, соответственно, найти более рациональные методы решения задач раскрытия преступления.

Проанализировав научные труды ученых, можно выделить следующие способы совершения киберпреступлений [20, с. 43]:

– похищение компьютерной техники;

– перехват информации;

– несанкционированный доступ к информации;

– манипуляция данными и управляющими командами;

– компьютерный саботаж;

– комплексные методы.

В результате работы на основе исследования основных методов совершения киберпреступлений была проведена систематизация признаков понятия «киберпреступность».

Выводы

Подводя итоги, необходимо отметить, что анализ доктринальных подходов не показывает единого мнения среди ученых в определении киберпреступности. Это обусловлено различными трактовками киберпространства и способов использования компьютерных систем при совершении противоправных действий. Несмотря на различия, ученые ставят вопрос о соотношении международного законодательства и законодательства России относительно перечня противоправных действий, которые отнесены к преступлениям, совершаемым в киберсфере.

По нашему мнению, понятие «киберпреступность» может применяться к преступлениям, которые совершаются с использованием любых средств информационно-коммуникационных технологий. Киберпреступность – это более широкое понятие, чем «интернет-преступность», т. к. оно включает в себя возможность совершения преступлений с использованием любых информационных или телекоммуникационных сетей. Сеть Интернет – самая популярная сеть, но существуют также и другие сети, которые могут быть использованы преступниками в качестве средства совершения преступления, например такие сети, как ANts P2, Bitmessage, Freenet, Gnutella, Manolito, MUTE, Nodezilla, OneSwarm, RShare, ZeroNet, TOR (The Onion Router), StealthNet, Hyperboria, JAP (Java Anonymous Proxy).

Изучив и оценив понятия киберпреступности, имеющиеся в трудах ученых России и Казахстана, точки зрения на содержание ее признаков, возможно, по нашему мнению, выделить основные признаки киберпреступности:

– это преступность в информационно-телекоммуникационном пространстве;

– объектом преступления является информационная безопасность;

– охват всех преступных деяний, которые совершаются с использованием средств информационно-телекоммуникационных технологий;

– повышенная скрытность совершения преступления, которая обеспечена спецификой сетевого информационно-телекоммуникационного пространства (развитые механизмы анонимности, сложность инфраструктуры и т.п.);

– возможность совершения преступления в автоматизированном режиме в нескольких местах одновременно;

– дистанционный характер преступных действий в условиях отсутствия физического контакта преступника и потерпевшего;

– невозможность предотвращения и пресечения преступлений данного вида традиционными средствами;

– очень высокий потенциал развития и нарастания неблагоприятных последствий;

– несоответствие темпа роста преступной деятельности в киберпространстве темпам законодательного регулирования и реализации отдельных средств противодействия такой деятельности.

На основании вышеизложенного можно дать следующее определение киберпреступности: *это исторически изменчивое, латентное социальное и уголовно-правовое негативное явление, представляющее собой систему преступлений, совершённых дистанционно в информационном пространстве с использованием средств информационно-коммуникационных технологий.*

Список литературы

1. Осташевская В. О. Борьба с киберпреступностью: внутринациональный и международный аспект // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2020. Т. 4, № 12-2. С. 79–83.

2. Черепашкин А. С. Противодействие киберпреступности в России: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. № 3 (56). С. 63–66.

3. Жадан И. Э. Киберпреступность как угроза международной безопасности // Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками. 2020. № 5. С. 166–169.

4. Тулегенов В. В. Киберпреступность как форма выражения криминального профессионализма // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2 (33). С. 95–97.

5. Евкина И. И. Киберпреступность как угроза информационной безопасности // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 375–377.

6. Федоров А. В. Информационная безопасность в мировом политическом процессе: М.: МГИМО Ун-т, 2006. 218 с.

7. Номоконов В.А. Актуальные проблемы борьбы с киберпреступностью // Информационные технологии и безопасность: сборник научных трудов Международной конференции. Киев: Национальная академия наук Украины, 2003. Вып. 3. С. 104–108.

8. Тропина Т. Л. Киберпреступность и кибертерроризм // Организованная преступность, терроризм и коррупция: криминологический ежеквартальный альманах. 2003. Вып. 2. С. 140–144.

9. Чекунов И. Г. Киберпреступность: понятие, классификация, современные вызовы и угрозы // Молодые ученые. 2012. № 3. С. 178–186.

10. Шарыпова Т. Н., Сидоренко А. А. Киберпреступность в XXI веке // Аллея науки. 2019. Т. 2, № 1 (28). С. 978–981.

11. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: монография. Омск: Омская акад. МВД России, 2009. 480 с.

12. Коновалов А. А., Наумов С. А., Колесникова Д. Д. Киберпреступность как глобальная угроза экономической безопасности: виды, особенности, проблемы воздействия // Ростовский научный журнал. 2018. № 1. С. 20–27.

13. Толеубекова Б. Х. Проблемы совершенствования борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием компьютерной техники: дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 1998. 380 с.

14. Сеитов Т. Б. Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с компьютерной преступностью: дис. … канд. юрид. наук. Алматы, 2002. 120 с.

15. Нурпеисова А. К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты компьютерной преступности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Караганда, 2010. 33 с.

16. Аратулы К. Уголовная политика в борьбе с компьютерной преступностью в условиях глобализации (на казахском языке): дис. … д-ра философии. Алматы, 2013. 166 с.

17. Аратулы К. Преступления в сфере компьютерной информации в РК и зарубежных странах // Вестник КазНУ. Серия Юридическая. 2010. Т. 56, № 4. С. 105–109.

18. Сабиров К. К., Ахмеджанов Ф. Р. Некоторые вопросы законодательного укрепления кибербезопасности в Республике Казахстан // Вопросы кибербезопасности. 2017. № 3 (21). С. 55–62.

19. Магомедов Р. М. Анализ киберпреступности и борьба с ней // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 6-1. С. 48–54.

20. Мамцов К. Г. Киберпреступность как угроза национальной безопасности // Молодой исследователь Дона. 2022. № 1 (34). С. 42–45.

References

1. Ostashevskaya V. O. Bor'ba s kiberprestupnost'yu: vnutrinacional'nyj i mezhdunarodnyj aspekt [The fight against cybercrime: the domestic and international aspect]. *Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO "Doneckij nacional'nyj universitet" = Bulletin of the Student Scientific Society of the Donetsk National University*, 2020, vol. 4, no. 12-2, pp. 79–83.

2. Cherepashkin A. S. Protivodejstvie kiberprestupnosti v Rossii: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty [Countering cybercrime in Russia: criminal law and criminological aspects]. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava = Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*, 2021, no. 3 (56), pp. 63–66.

3. Zhadan I. E. Kiberprestupnost' kak ugroza mezhdunarodnoj bezopasnosti [Cybercrime as a threat to international security]. *Matematicheskoe i komp'yuternoe modelirovanie v ekonomike, strahovanii i upravlenii riskami = Mathematical and computer modeling in economics, insurance and risk management*, 2020, no. 5, pp. 166–169.

4. Tulegenov V. V. Kiberprestupnost' kak forma vyrazheniya kriminal'nogo professionalizma [Cybercrime as a form of expression of criminal professionalism]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorro*w, 2014, no. 2 (33), pp. 95–97.

5. Evkina I. I. Kiberprestupnost' kak ugroza informacionnoj bezopasnosti [Cybercrime as a threat to information security]. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. The science. Education*, 2021, no. 36, pp. 375–377.

6. Fedorov A. V. Informacionnaya bezopasnost' v mirovom politicheskom processe [Information security in the global political process]. Moscow, MGIMO Univ. Publ., 2006. 218 p.

7. Nomokonov V. A. [Actual problems of combating cybercrime]. *Informacionnye tekhnologii i bezopasnost'. Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj konferencii* [Information technologies and security. Collection of scientific papers of the international conference]. Kiev, Nacional'naya akademiya nauk Ukrainy, 2003, is. 3, pp. 104–108. (In Russ.)

8. Tropina T. L. Kiberprestupnost' i kiberterrorizm [Cybercrime and cyberterrorism]. *Organizovannaya prestupnost', terrorizm i korrupciya = Organized crime, terrorism and corruption,* 2003, is. 2, pp. 140–144.

9. Chekunov I. G. Kiberprestupnost': ponyatie, klassifikaciya, sovremennye vyzovy i ugrozy [Cybercrime: concept, classification, modern challenges and threats]. *Molodye uchenye = Young Scientists*, 2012, no. 3, pp. 178–186.

10. Sharypova T. N., Sidorenko A. A. Kiberprestupnost' v XXI veke [Cybercrime in the XXI century]. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2019, vol. 2, no. 1 (28), pp. 978–981.

11. Osipenko A. L. Setevaya komp'yuternaya prestupnost': teoriya i praktika bor'by [Network computer crime: theory and practice of struggle]. Omsk, Omskaya akad. MVD Rossii, 2009. 480 p.

12. Konovalov A. A., Naumov S. A., Kolesnikova D. D. Kiberprestupnost' kak global'naya ugroza ekonomicheskoj bezopasnosti: vidy, osobennosti, problemy vozdejstviya [Cybercrime as a global threat to economic security: types, features, impact problems]. *Rostovskij nauchnyj zhurnal = Rostov Scientific Journal*, 2018, no. 1, pp. 20–27.

13. Toleubekova B. H. Problemy sovershenstvovaniya bor'by s prestupleniyami, sovershaemymi s ispol'zovaniem komp'yuternoj tekhniki. Diss. dokt. yurid. nauk [Problems of im-

proving the fight against crimes committed using computer technology. Dr. legal. sci. diss.]. Almaty, 1998. 380 p.

14. Seitov T. B. Mezhdunarodno-pravovoe sotrudnichestvo gosudarstv v bor'be s komp'yuternoj prestupnost'yu. Diss. kand. yurid. nauk [International legal cooperation of States in the fight against computer crime. Cand. legal. sci. diss.]. Almaty, 2002. 120 p.

15. Nurpeisova A. K. Ugolovno-pravovye i kriminalisticheskie aspekty komp'yuternoj prestupnosti. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Criminal law and criminalistic aspects of computer crime. Cand. legal. sci. abstract diss.]. Karaganda, 2010. 33 p.

16. Aratuly K. Ugolovnaya politika v bor'be s komp'yuternoj prestupnost'yu v usloviyah globalizacii (na kazahskom yazyke). Diss. dokt. filosofii [Criminal policy in the fight against computer crime in the context of globalization (in Kazakh). Dr. Philos. sci. diss.]. Almaty, 2013. 166 p.

17. Aratuly K. Prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii v RK i zarubezhnyh stranah [Crimes in the field of computer information in the Republic of Kazakhstan and foreign countries]. Available at: https://articlekz.com/article/10037 (accessed 14.09.2022).

18. Sabirov K. K., Ahmedzhanov F. R. Nekotorye voprosy zakonodatel'nogo ukrepleniya kiberbezopasnosti v Respublike Kazahstan [Some issues of legislative strengthening of cybersecurity in the Republic of Kazakhstan]. *Voprosy kiberbezopasnosti = Cybersecurity issues*, 2017, no. 3 (21), pp. 55–62.

19. Magomedov R. M. Analiz kiberprestupnosti i bor'ba s nej [Cybercrime analysis and fight against it]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economy: yesterday, today, tomorrow*, 2020, vol. 10, no. 6-1, pp. 48–54.

20. Mamcov K. G. Kiberprestupnost' kak ugroza nacional'noj bezopasnosti [Cybercrime as a threat to national security]. *Molodoj issledovatel' Dona = Young researcher of the Don*, 2022, no. 1 (34), pp. 42–45.

Информация об авторе / Information about the Author

Карабеков Канатбек Омирзакович, адъюнкт, Омская академия Министерства внутренних дел России, г. Омск, Российская Федерация,
e-mail: KarabekovK@mail.ru,
Orcid: 0000-0001-7461-8215

Kanatbek O. Karabekov, Post-Graduate Student, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation,
e-mail: KarabekovK@mail.ru,
Orcid: 0000-0001-7461-8215

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-103-114

(cc) BY 4.0

Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков на территории Омской области

В. П. Бойко[1] ✉

[1]Омская академия Министерства внутренних дел России
пр-т Комарова 7, г. Омск 644092, Российская Федерация

✉ e-mail: viktorboyko2294@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Статья посвящена изучению статистических показателей и выявлению тенденций преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в Омской области. На сегодняшний день борьба с незаконным оборотом наркотиков является одной из приоритетных задач Российской Федерации, поскольку политика любого государства направлена на сохранение и формирование здорового населения. Проведение криминологического исследования преступности в отдельных регионах Российской Федерации помогает определить конкретные направления деятельности по предупреждению и противодействию данному виду преступлений на региональном уровне. В связи с этим актуальным является изучение современного состояния и динамики преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ на примере статистической отчетности органа исполнительной власти в сфере внутренних дел Омской области.*

Целью *является характеристика состояния преступности в сфере незаконного оборота наркотиков для разработки эффективных мер предупреждения данных преступлений на территории Омской области.*

Задачи: *изучить объем, уровень и структуру наркопреступности на территории Омской области, динамику её изменения, а также сравнить её с основными показателями общей преступности в Омской области за последние годы.*

Методология. *Методологическую базу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания действительности, позволяющие исследовать состояние наркотических преступлений в регионе. В исследовании применены методы статистического и системного анализа.*

Результаты*. Исследование позволило дать современную характеристику состояния преступности в сфере незаконного оборота наркотиков на территории Омской области. Дан сравнительный анализ основных показателей преступности Омской области и показателей преступности в других субъектах Российской Федерации. Показатели наркопреступности соотнесены с проблемами применения антинаркотических мер и иными связанными с ними проблемами деятельности правоохранительных органов Омской области.*

Выводы. *В ходе исследования показаны основные изменения в структуре и динамике наркопреступности в Омской области. Выявлены недостатки формирования официальной статистики, способствующие латентности данного вида преступности. Отражены основные тенденции наркотических преступлений на территории Омской области, что позволит правоохранительным органам повысить эффективность предупреждения и пресечения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.*

Ключевые слова*: наркотики; молодежь; незаконный оборот; криминологическая характеристика; преступность; тенденции; Омская область.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Бойко В. П. Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков на территории Омской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 103–114. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-103-114.

Поступила в редакцию 11.08.2022 Принята к публикации 09.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Бойко В. П., 2022

The State of Crime in the Field of Drug Trafficking in the Omsk Region

Viktor P. Boyko[1] ✉

[1]Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
7 Komarova Ave., Omsk 644092, Russian Federation

✉ e-mail: viktorboyko2294@mail.ru

Abstract

Relevance. *The article is devoted to the study of statistical indicators and the identification of crime trends in the field of drug trafficking in the Omsk region. Today, the fight against drug trafficking is one of the priority tasks of the Russian Federation, since the policy of any state is aimed at preserving and forming a healthy population. Conducting a criminological study of crime in certain regions of the Russian Federation helps to determine specific areas of activity to prevent and combat this type of crime at the regional level. In this regard, it is relevant to study the current state and dynamics of crime in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances on the example of statistical reporting of the executive authority in the field of internal affairs of the Omsk region.*

Purpose*. The aim is to characterize the state of crime in the field of drug trafficking in order to develop effective measures to prevent these crimes in the Omsk region.*

Objectives *the volume, level and indicators of drug crime in the Omsk region, the dynamics of its changes, as well as its calculation with indicators of general crime in the Omsk region in recent years.*

Methodology. *The methodological base of the study is general scientific and private scientific methods of cognition of reality, which allow to investigate the state of drug crimes in the region. The method of statistical and system analysis was applied in the study.*

Results. *The study allowed us to give a modern description of the state of crime in the field of drug trafficking in the Omsk region. A comparative analysis of the main indicators of crime in the Omsk region with indicators of crime in other subjects of the Russian Federation is given. The indicators of drug crime are correlated with the problems of the application of anti-drug measures and other related problems of the law enforcement agencies of the Omsk region.*

Conclusions. *The study shows the main changes in the structure and dynamics of drug crime in the Omsk region. Shortcomings in the formation of official statistics that contribute to the latency of this type of crime are revealed. The main trends of drug crimes in the Omsk region are reflected, which will allow law enforcement agencies to increase the effectiveness of preventing and suppressing crimes in the field of drug trafficking.*

Keywords: *drugs; youth; trafficking; criminological characteristics; crime; trends; Omsk region.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation*:* Boyko V. P. The State of Crime in the Field of Drug Trafficking in the Omsk Region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 103–114. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-103-114.

Received 11.08.2022 Accepted 09.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Значимость борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ сложно переоценить в реалиях современного общества. Актуальность данной проблемы остается высокой, что подтверждается научными работами О. А. Бойко, С. Л. Панова, В. П. Иванова, А. В. Федорова, О. Н. Корчагина, А. В. Богданова, С. Д. Гринько, Н. М. Демко, И. И. Карпеца, М. П. Клей-

менова, А. А. Куклина, С. А. Кутякина, В. Р. Никитина, Н. В. Павловской, Д. А. Сердюкова, С. А. Ступиной, Ю. В. Торопина, В. В. Тырышкина, В. В. Хоружего, А. В. Хрущева [1]. Данный вид преступности носит высокоорганизованный характер, наркопреступниками применяются самые современные достижения науки и техники, средства киберпротиводействия и шифрования данных активно внедряются не только в центральных регионах России, но и на периферии [2; 3]. Правоохранительные органы не всегда поспевают за изменениями наркопреступности, что вызывает проблемы в эффективном противодействии, выявлении и пресечении данного вида преступлений [4]. Для того чтобы изменить данную ситуацию, необходимо, прежде всего, иметь представление не только об общем состоянии наркопреступности в целом, но и о ее современном состоянии в конкретных регионах Российской Федерации [5]. Для этого необходимы, прежде всего, криминологические исследования и оперативный анализ состояния наркопреступности на территориях субъектов Российской Федерации [6]. Омская область является типичным представителем ее субъектов, стабильно имеющим средние показатели по регионам, и изучение показателей ее наркопреступности может быть использовано для организации эффективной профилактики и предупреждения преступлений в других регионах России [7].

Методология

В основе научного исследования лежит диалектический метод познания. В работе использован статистический метод анализа, позволивший изучить количественные стороны наркопреступности как негативного, относительно массового социального явления. Для выявления основных проблем преступности в сфере незаконного оборота наркотиков и путей их решений был использован системный анализ. При формулировании резолютивной части научного исследования был использован метод научного синтеза.

Результаты и их обсуждение

Характеризуя состояние преступности в Омской области, необходимо отметить, что за 2021 г. на ее территории было зарегистрировано 2383 преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, что на 1,8% больше, чем в 2020 г. Из данного количества 1950 преступлений относятся к категории тяжких и особо тяжких. По уголовным делам, оконченным предварительным расследованием, за 2021 г. привлечено к уголовной ответственности 1133 лица, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, что на 1,2% меньше, чем в прошлом году.

На территории Омской области в 2021 г. организовано и проведено 5 крупных профилактических антинаркотических акций («Родительский урок», «Сообщи, где торгуют смертью», «Здоровье молодежи – богатство России», «Дети России-2021», «Первокурсник», «Призывник»), направленных на информирование и разъяснение негативных последствий употребления любых видов психоактивных веществ, а также ответственности, предусмотренной действующим законодательством РФ, за их незаконный оборот[1].

[1] Отчет начальника УМВД России по Омской области за 2021 год. URL: https://55.мвд.рф/Dejatelnost/Otcheti_dolzhnostnih_lic/Otchet_nachalnika_UMVD_Rossii_po_Omskoj (дата обращения: 05.07.2022).

Таблица. Динамика количества зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков за 2017-2021 гг.

Показатель	2017 г.	2018 г.	Прирост (+/-) к 2017 г.	2019 г.	Прирост (+/-) к 2018 г.	2020 г.	Прирост (+/-) к 2019 г.	2021 г.	Прирост (+/-) к 2020 г.
Всего зарегистрировано преступлений в сфере НОН	3012	3057	+ 1,5%	2869	-6,1 %	2341	-18,4%	2383	+1,8%
Из них тяжких и особо тяжких:	2534	2599	+ 2,6 %	2428	-6,6%	1996	-17,8%	1985	-0,6%
по ст. 228 УК РФ	1337	1275	-4,6%	1264	-0,9%	988	-21,8%	976	-1,2%
по ст. 228.1 УК РФ	1335	1733	+29,8%	1561	+9,9%	1303	-16,5%	1365	+4,7%

При этом на территории Российской Федерации за указанный период времени было выявлено 179,7 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 5,4% меньше, чем было выявлено в 2020 г. [8; 9] К категории тяжких и особо тяжких преступлений из них относится 132,1 тыс., что на 6,9% меньше, чем за аналогичный период прошлого года [21]. Для сравнения на территории субъекта, граничащего с Омской областью, а именно Новосибирской области, за 2021 г. на её территории выявлено 1 951 (–11,9%) преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков, 80,9% (1578) из них относятся к тяжкой и особо тяжкой категории[1]. На территории Томской области в 2021 г. пресечено 1125 преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, что на 12,5% меньше, чем было выявлено в 2020 г. Также на 18,8% снизилось количество преступлений, относящихся к категориям тяжких и особо тяжких, их количество составило 874[2].

Характеризуя территориальную структуру наркопреступности, необходимо отметить, что по Омской области наибольшее количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков 1928 преступлений зарегистрировано в городе Омске. Районными подразделениями правоохранительных органов Омской области в 2022 г. было зарегистрировано 445 преступлений, что на 77% меньше, чем в городе Омске. Наибольшее количество преступлений было выявлено в Омском (112), Черлакском (25) и Калачинском (24) районах Омской области. Данный факт может быть обусловлен тем, что вышеуказанные районы Омской области с их районными центрами являются наиболее крупными на территории субъекта [11]. Незаконное приобретение, распространение наркотических

[1] Информация о состоянии правопорядка и основных результатах служебной деятельности ГУ МВД России по Новосибирской области за 2021 год. URL: https://54.мвд.рф/Dejatelnost/otchety/1-1/2022/информация-о-состоянии-правопорядка-и-ос (дата обращения 15.07.2022).

[2] Информационно-аналитическая записка о результатах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Томской области за 2021 год. URL: https://70.мвд.рф/folder/28563919 (дата обращения: 15.07.2022).

средств проще осуществлять в связи с относительно большим количеством населения. Интернет-магазины по сбыту наркотических средств организуют свою преступную деятельность не только на территории областного центра, но и в основных крупных районных центрах субъекта Российской Федерации [12; 13].

Рассматривая структуру наркопреступности Омской области, состоящей из преступлений, предусмотренных ст. 226.1, 228-230, 231-234.1, 174, 174.1 и 210 УК РФ, следует отметить, что традиционно высоким остаётся удельный вес преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ – 98,2% (976 и 1365 преступлений соответственно). Доля остальных видов преступлений составила всего 1,8% (42 преступления), из которых наибольшее количество составили преступления, предусмотренные ст. 234 (18), 226.1 (11), 232 УК РФ (6).

Большое значение для криминологического исследования имеет характеристика субъекта совершения преступления [14; 15]. За 2021 г. 757 преступлений из общего количества предварительно расследованных наркопреступлений (1133), выявленных на территории Омской области, было совершено потребителями наркотических средств, при этом 148 преступлений совершено группой лиц по предварительному сговору, 16 преступлений – лицами в составе организованной преступной группы, 28 преступлений – иностранными гражданами и лицами без гражданства, 17 преступлений – несовершеннолетними [16].

Вместе с тем в анализируемом году было выявлено всего 22 преступления, совершенных лицами в состоянии наркотического опьянения. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что органы предварительного расследования и доследственной проверки не проводят проверку на наличие или отсутствие наркотических средств в организме лица, совершившего преступление в сфере незаконного оборота наркотиков, на систематической основе. Это может влиять на искажение официальной статистики, планирование и организацию профилактических мер по данному направлению деятельности.

98,2% лиц, привлеченных к уголовной ответственности, являются гражданами Российской Федерации, 1,6% – гражданами других государств-членов СНГ, по 0,1% составили иностранные граждане других государств и лица без гражданства.

В структуре лиц, совершивших преступления данной сферы, прослеживается тенденция уменьшения количества преступлений, совершенных лицами 18–29 лет, их доля составляет 28,8% от всего количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности [17]. Совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков несовершеннолетними по отношению к 2020 г. снизилось на 21,4% [18]. Женская преступность (131 преступление и 11,5% от количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности) в данной сфере остается относительно на одном уровне и на протяжении 2017–2021 гг. варьируется от 131 до 136 преступлений в разные годы (рис. 1) [19].

Наиболее активно совершают наркопреступления лица возрастных групп 18–29 и 30–39 лет, что составляет 70,6% от всего количества выявленных лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств на территории Омской области за 2021 г. [20]

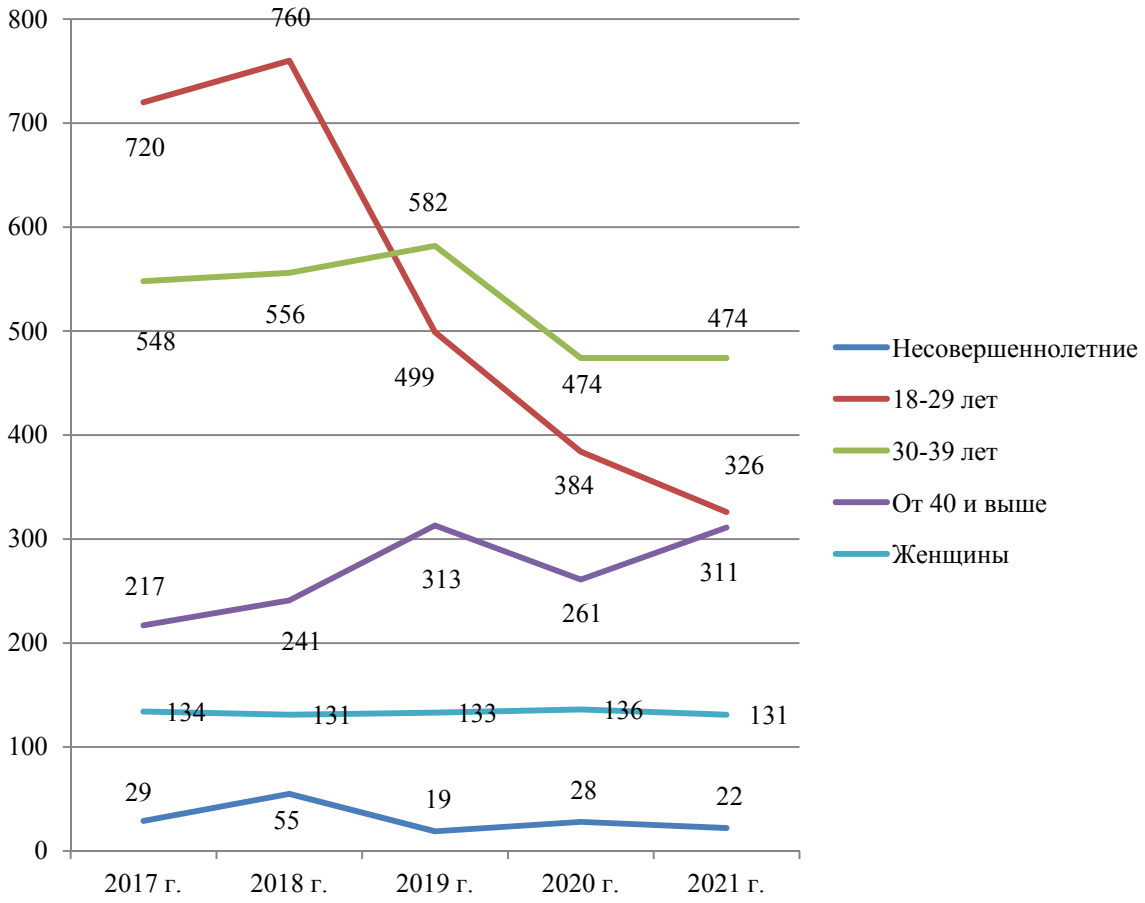

Рис. 1. Динамика совершения преступлений разными возрастными группами за 2017–2021 гг.

В сравнении с аналогичным периодом прошлого года прослеживается положительная тенденция выявления групповых преступлений (+16,55%), в том числе совершённых в составе организованной преступной группы (+23%), совершённых иностранными гражданами и лицами без гражданства (+75%), а также преступлений, совершенных потребителями наркотических средств (+6,5%). Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения, остается на прежнем уровне, а количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, снизилось на 10% в сравнении с 2020 г.

Удельный вес раскрытых наркопреступлений увеличился на 2,6% и составил 58,0%, за аналогичный период прошлого года – 55,4%. Удельный вес преступлений, связанных со сбытом наркотических и психотропных веществ, вырос на 5,7% (26,8% против 21,1%).

Масса изъятых из незаконного оборота на территории Омской области подконтрольных веществ составила 289 кг 500 гр. (АППГ – 288 кг 100 гр.).

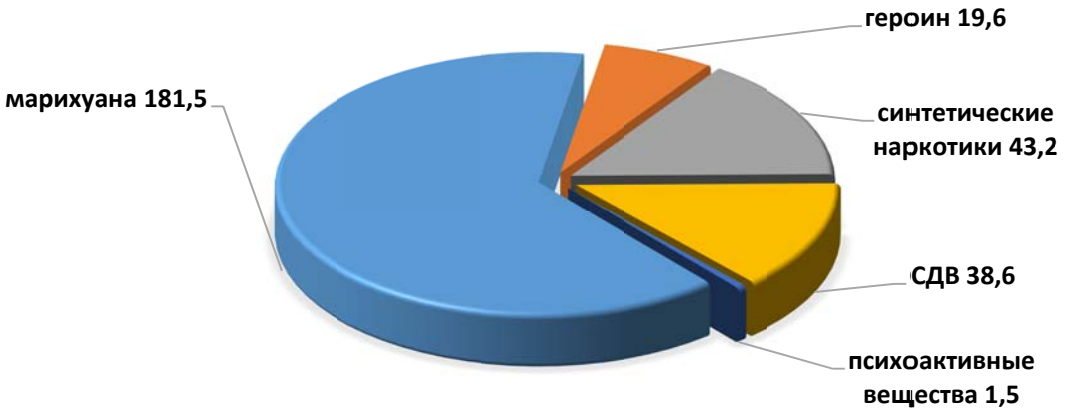

Рис. 2. Структура подконтрольных веществ, изъятых из незаконного оборота

В структуре изъятых наркотиков на территории Омской области за 2021 г. преобладают марихуана – 181,5 кг, наркотические вещества синтетического происхождения – 43,2 кг и героин 19,6 кг (рис. 2).

При этом количество наркотиков, изъятых сотрудниками органов внутренних дел, снизилось на 11,1% (с 268,1 кг до 238,3 кг) в сравнении с 2020 г. Существенное снижение произошло в количестве изъятых наркотических средств героина и марихуаны, составившее –40,4% и –18% соответственно. Вместе с тем резко выросло количество изъятых из незаконного оборота синтетических наркотических веществ и составило +254% по отношению к 2020 г. [21]

Выводы

Результаты исследования показали, что на территории Омской области прослеживается тенденция по снижению количества зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений в данной сфере, составившем –0,6% по отношению к 2020 г. Характеризуя эту тенденцию, стоит отметить высокую степень латентности (гиперлатентность) данного вида преступности, заинтересованности субъектов преступления в сокрытии самого факта совершения преступления, а также сокрытие данных преступлений посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий. Данное обстоятельство требует повышения эффективности предупредительных и профилактических мер, проводимых государственными органами, поскольку выявление данного вида преступлений с каждым днем становится более затруднительным, а противодействие правоохранительным органам со стороны наркобизнеса – все более эффективным. Учитывая, что спад выявленных преступлений прослеживается не только на территории Омской области, но и на всей территории Российской Федерации в общем, результаты исследования и опыт борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков Омской области могут быть применимы ко всем регионам РФ.

Резкий спад количества зарегистрированных преступлений (–716 выявленных преступлений за два года) в 2019 и 2020 гг. по сравнению с предыдущими годами можно объяснить тем, что наркобизнес характеризуется высокой степенью организованности и технологичности. Именно в данный отрезок времени

происходило изменение схем сбыта наркотических средств, что способствовало повышению их латентности. Использование информационно-телекоммуникационных технологий позволило злоумышленникам, осуществляющим деятельность по распространению и сбыту наркотических средств, наиболее эффективно скрывать следы своих преступлений и противодействовать правоохранительным органам в процессе выявления и привлечения к уголовной ответственности.

Для планирования проведения профилактической работы наиболее значимой социально-возрастной группой, на наш взгляд, является молодежь. Данная группа наиболее активна при совершении наркопреступлений и доля совершенных ею преступлений данного вида составляет 30,7%. Учитывая, что в Российской Федерации «молодежью» считается возрастная группа с 14 до 35 лет с 2020 г., необходимо изменить выделяемые в официальной статистике возрастные группы. Данное изменение позволит наиболее точно определить количество лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, и скорректировать профилактическую деятельность, направленную на данную группу лиц.

Прослеживаемая тенденция по изменению видов наркотических средств и психотропных веществ, изымаемых из незаконного оборота на территории Омской области, показывает преобладание синтетических видов наркотиков. Объясняется это их относительно низкой себестоимостью при их изготовлении и соответственно низкой ценой при сбыте. Лаборатории по изготовлению наркотических и психотропных веществ располагаются на территории РФ, что позволяет избежать изъятий при пересечении государственных границ. Данный факт позволяет организовывать поставки крупных партий подконтрольных веществ с наименьшим риском выявления данных фактов правоохранительными органами.

При планировании противодействия незаконному обороту должна учитываться статистика по выявленным лицам, находившимся в состоянии наркотического опьянения в момент совершения преступлений. Однако действительные показатели не соответствуют данным, отраженным в официальных отчетах должностных лиц. Необходимо обязать органы предварительного расследования на стадии предварительной проверки и возбуждения уголовного дела во всех случаях направлять лиц, совершивших преступление в сфере незаконного оборота наркотиков, на исследование наличия или отсутствия в их организме наркотических и психотропных веществ. Данная мера позволит отразить действительную статистику и приведет к увеличению зарегистрированных преступлений, поскольку если лицо в момент совершения преступления находилось в состоянии наркотического опьянения, значит ранее оно приобрело и употребило запрещенные вещества, что будет свидетельствовать о еще одном факте сбыта наркотических веществ, не выявленном правоохранительными органами.

Список литературы

1. Хоружий В. В. Борьба с наркотиками: сравнительный анализ российского и международного опыта // Электронный научный журнал. 2016. № 3 (6). С. 360–362. https://doi.org/10.18534/enj.2016.03.360.

2. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет как один из наиболее востребованных ресурсов в противодействии незаконному обороту наркотиков // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 173–179.

3. Демко Н. М., Исаков Р. В. Интернет-площадки как новая модель бесконтактного сбыта наркотиков // Научный компонент. 2020. № 3 (7). С. 186–191. https://doi.org/10.51980/2686-939X_2020_3_186.

4. Карпец И. И. Проблема преступности // Российский криминологический взгляд. 2010. № 4. С. 63–140.

5. Тырышкин В. В. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и административными правонарушениями в сфере незаконного оборота наркотиков // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2006. № 6. С. 164–165.

6. Клейменов М. П., Клейменов И. М. Криминология в современном мире // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 1. С. 5–13.

7. Кутякин С. А. Некоторые аспекты современного состояния разработки понятия «противодействие преступности» в юридической науке и законодательной практике // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 2 (8). С. 40–51.

8. Павловская Н. В. Современное состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в России // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты: материалы Международного научно-практического семинара. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД РФ, 2021. С. 61–65. https://doi.org/10.51980/2021_3_61.

9. Сердюков Д. А. Криминологическая ситуация в России в сфере нелегального оборота наркотиков // Results of research activities 2018: inventions, methods, innovations: сборник материалов XLII Международной научно-практической конференции. М.: Научный центр "Олимп", 2018. С. 163–165.

10. Хрущев А. В. Общественная опасность преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // E-Scio. 2022. № 1 (64). С. 223–228.

11. Куклин А. А., Клевакин А. Н. Влияние незаконного распространения наркотиков на социально-экономическую ситуацию в регионе // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 3 (213). С. 52–63. https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10072.

12. Бойко О. А., Панов С. Л. Принципы формирования программ противодействия незаконному обороту наркотиков // Наркоконтроль. 2020. № 1. С. 25–29. https://doi.org/10.18572/2072-4160-2020-1-25-29.

13. Федоров А. В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии // Наркоконтроль. 2013. № 1. С. 4–26. https://doi.org/10.18572/2072-4160-2013-1-4-27.

14. Клейменов М. П. Нераскрытая и латентная преступность: различия и сходство // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 1. С. 106–113. https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(1).106-113.

15. Торопин Ю. В. Латентная преступность: понятие, сущность и структура // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2 (18). С. 82–86.

16. Галиева Е. Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков и ее предупреждение // Современные проблемы юридической науки: материалы XVI Международной научно-практической конференции молодых исследователей (Челябинск, 24–25 апреля 2020 года). Челябинск: Южно-Урал. гос. ун-т, 2020. С. 183–185.

17. Гринько С. Д. Проблемы профилактики незаконного оборота наркотиков // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4 (184). С. 97–99.

18. Иванов В. П. Задача номер один – защитить российскую молодежь от наркотиков // Наркология. 2011. Т. 10, № 1 (109). С. 17–18.

19. Никитин В. Р. Криминологическая характеристика лиц, злоупотребляющих наркотиками // Студенческий вестник. 2021. № 40-3 (185). С. 12–14.

21. Корчагин О. Н., Чирков Д. К., Литвиненко А. С. Синтетические наркотики в России как реальная угроза национальной безопасности // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 245–253.

20. Ступина С. А., Калиниченко Я. Н. Профилактика распространения наркотиков в молодежной среде как мера противодействия идеологии терроризма // Современные системы безопасности – Антитеррор: материалы конгрессной части XV Всероссийского специализированного форума. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД РФ, 2019. С. 78–82. https://doi.org/10.51980/2019_27_78.

References

1. Horuzhij V. V. Bor'ba s narkotikami: sravnitel'nyj analiz rossijskogo i mezhdunarodnogo opyta [The fight against drugs: a comparative analysis of Russian and international experience]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal = Electronic scientific journal*, 2016, no. 3 (6), pp. 360–362. https://doi.org/10.18534/enj.2016.03.360.

2. Bogdanov A. V., Il'inskij I. I., Hazov E. N. Informacionno-telekommunikacionnaya set' Internet kak odin iz naibolee vostrebovannyh resursov v protivodejstvii nezakonnomu oborotu narkotikov [Information and telecommunication network Internet as one of the most popular resources in countering drug trafficking]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 3, pp. 173–179.

3. Demko N. M., Isakov R. V. Internet-ploshchadki kak novaya model' beskontaktnogo sbyta narkotikov [Internet platforms as a new model of contactless drug sales]. *Nauchnyj component = Scientific component*, 2020, no. 3 (7), pp. 186–191. https://doi.org/10.51980/2686-939X_2020_3_186.

4. Karpec I. I. Problema prestupnosti [The problem of crime]. *Rossijskij kriminologicheskij vzglyad = Russian criminological view*, 2010, no. 4, pp. 63–140.

5. Taryshkin V. V. Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i administrativnymi pravonarusheniyami v sfere nezakonnogo oborota narkotikov [Actual problems of combating crimes and administrative offenses in the field of drug trafficking]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami = Actual problems of combating crimes and other offenses*, 2006, no. 6, pp. 164–165.

6. Klejmenov M. P., Klejmenov I. M. Kriminologiya v sovremennom mire [Criminology in the modern world]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 2011, no. 1, pp. 5–13.

7. Kutyakin S. A. Nekotorye aspekty sovremennogo sostoyaniya razrabotki ponyatiya "protivodejstvie prestupnosti" v yuridicheskoj nauke i zakonodatel'noj praktike [Some aspects of the current state of development of the concept of "countering crime" in legal science and legislative practice]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal Science and law enforcement practice*, 2009, no. 2 (8), pp. 40–51.

8. Pavlovskaya N. V. [The current state of crime in the field of drug trafficking in Russia]. *Protivodejstvie narkougroze na sovremennom etape: pravovoj i social'no-gumanitarnyj aspekty. Materialy Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara* [Countering the drug threat at the present stage: legal and socio-humanitarian aspects: materials of the International Scientific

and Practical Seminar]. Krasnoyarsk, Sib. Yurid. in-t MVD RF Publ., 2021, pp. 61–65. (In Russ.)https://doi.org/10.51980/2021_3_61.

9. Serdyukov D. A. [Criminological situation in Russia in the field of illegal drug trafficking]. *Results of research activities 2018: inventions, methods, innovations. Sbornik materialov XLII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Results of research activities 2018: inventions, methods, innovations. Collection of materials of the XLII International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Nauchnyj centr "Olimp" Publ., 2018, pp. 163–165. (In Russ.)

10. Hrushchev A. V. Obshchestvennaya opasnost' prestupnosti, svyazannoj s nezakonnym oborotom narkoticheskih sredstv i psihotropnyh veshchestv [Public danger of crime related to illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances]. *E-Scio*, 2022, no. 1 (64), pp. 223–228.

11. Kuklin A. A., Klevakin A. N. Vliyanie nezakonnogo rasprostraneniya narkotikov na social'no-ekonomicheskuyu situaciyu v regione [The impact of illegal drug distribution on the socio-economic situation in the region]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Standard of living of the population of the regions of Russi*a, 2019, no. 3 (213), pp. 52–63. https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10072.

12. Bojko O. A., Panov S. L. Principy formirovaniya programm protivodejstviya nezakonnomu oborotu narkotikov [Principles of the formation of programs to counter illegal drug trafficking]. *Narkokontrol' = Drug control*, 2020, no. 1, pp. 25–29. https://doi.org/10.18572/2072-4160-2020-1-25-29.

13. Fedorov A. V. Narkokriminologiya kak odno iz napravlenij kriminologii [Narcocriminology as one of their areas of criminology]. *Narkokontrol' = Drug Control*, 2013, no. 1, pp. 4–26. https://doi.org/10.18572/2072-4160-2013-1-4-27.

14. Klejmenov M. P. Neraskrytaya i latentnaya prestupnost': razlichiya i skhodstvo [Unsolved and latent crime: differences and similarities]. *Pravoprimenenie = Law enforcement*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 106–113. https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(1).106-113.

15. Toropin Yu. V. Latentnaya prestupnost': ponyatie, sushchnost' i struktura [Latent crime: concept, essence and structure]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 2 (18), pp. 82–86.

16. Galieva E. [The state of crime in the field of drug trafficking and its prevention]. *Sovremennye problemy yuridicheskoj nauki. Materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh issledovatelej* [Modern problems of legal science. Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference of Young Researchers]. Chelyabinsk, South Ural St. univ. Publ., 2020, pp. 183–185. (In Russ.)

17. Grin'ko S. D. Problemy profilaktiki nezakonnogo oborota narkotikov [Problems of drug trafficking prevention]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*, 2020, no. 4 (184), pp. 97–99.

18. Ivanov V. P. Zadacha nomer odin – zashchitit' rossijskuyu molodezh' ot narkotikov [Task number one is to protect Russian youth from drugs]. *Narkologiya = Narcology*, 2011, vol. 10, no. 1 (109), pp. 17–18.

19. Nikitin V. R. Kriminologicheskaya harakteristika lic, zloupotreblyayushchih narkotikami [Criminological characteristics of drug abusers]. *Studencheskij vestnik = Student Bulletin*, 2021, no. 40-3 (185), pp. 12–14.

20. Stupina S. A., Kalinichenko Ya. N. [Prevention of drug distribution among young people as a measure to counter the ideology of terrorism]. *Sovremennye sistemy bezopasnosti – Antiterror. Materialy kongressnoj chasti XV Vserossijskogo specializirovannogo foruma* [Modern

Security Systems – Antiterrorism. Materials of the congress part of the XV All-Russian Specialized Forum]. Krasnoyarsk, Sib. yurid. in-t MVD RF, 2019, pp. 78–82. (In Russ.) https://doi.org/10.51980/2019_27_78.

21. Korchagin O. N., Chirkov D. K., Litvinenko A. S. Sinteticheskie narkotiki v Rossii kak real'naya ugroza nacional'noj bezopasnosti [Synthetic drugs in Russia as a real threat to national security]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual problems of economics and Law*, 2015, no. 1, pp. 245–253.

Информация об авторе / Information about the Author

Бойко Виктор Петрович, адъюнкт, Омская академия Министерства внутренних дел России, г. Омск, Российская Федерация,
e-mail: viktorboyko2294@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1312-1149

Viktor P. Boyko, Adjunct, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation,
e-mail: viktorboyko2294@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1312-1149

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-115-124

CC BY 4.0

Статус прокуратуры Российской Федерации в координационной деятельности по предупреждению преступных проявлений

А. А. Титова[1], О. А. Грачёва[2] ✉

[1]Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская 1, г. Саратов 410056, Российская Федерация

✉ e-mail: anz66@yandex.ru

Резюме

Актуальность *данной работы определяется тем, что статус прокуратуры в координационной деятельности по предупреждению преступных проявлений недостаточно определён. В научном обществе активно продолжают исследовать его проблемы. Чёткая реализация функции координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью позволит сделать правоохранительную систему более качественной и, естественно, в большей степени ориентированной на защиту граждан от беззакония.*

Цель *статьи состоит в определении статуса органов прокуратуры Российской Федерации в координационной деятельности по предупреждению преступных проявлений.*

Задачи: *проанализировать направления и формы координационной работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью; сформулировать ряд предложений, направленных на повышение эффективности и качества координационной деятельности органов прокуратуры по профилактике и предупреждению преступлений.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовалась совокупность общенаучных методов познания (интегративного, системного и формально-юридического), применяемых в современной юриспруденции.*

Результаты*. Внесены предложения о разработке методических рекомендаций по вопросам координационной деятельности и необходимости внесения в Закон о прокуратуре специальных норм, посвященных координационной деятельности – закрепление методов, принципов, полномочий прокуроров по профилактике нарушений законов. Показана значимость координационной роли прокуратуры в деятельности по борьбе с преступными проявлениями. Приводятся положительные результаты работы органов прокуратуры в борьбе с преступностью за период 2020–2021 годов.*

Вывод. *По результатам проведенного исследования авторы полагают, что законодатель в последнее время расширяет границы при осуществлении прокуратурой координационной деятельности. Генеральная прокуратура как главный координатор правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью обязана вести государственный единый статистический учет данных о состоянии преступности, а также осуществлять проведение и контроль исполнения координационных мероприятий – совещаний.*

Ключевые слова: *прокурор; статус прокуратуры; координационная деятельность; правоохранительные органы.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Титова А. А., Грачёва О. А. Статус прокуратуры Российской Федерации в координационной деятельности по предупреждению преступных проявлений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 115–124. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-115-124.

Поступила в редакцию 08.08.2022 Принята к публикации 07.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Титова А. А., Грачёва О. А., 2022

Status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in Coordination Activities to Prevent Criminal Manifestations

Anzhela A. Titova[1], Olga A. Gracheva[2] ✉

[1] Saratov State Law Academy
64 Volskaya Str., Saratov 410056, Russian Federation

✉ e-mail: petrov@mail.ru

Abstract

Relevance. *The relevance of this work is determined by the fact that the status of the prosecutor's office in coordinating activities to prevent criminal manifestations is not sufficiently determined. The scientific society actively continues to investigate its problems. A clear implementation of the function of coordinating the activities of law enforcement agencies to combat crime will make the law enforcement system better and, of course, more focused on protecting citizens from lawlessness.*

The purpose *article consists in determining the status of the prosecutor's office of the Russian Federation in coordination activities to prevent criminal manifestations.*

Objectives. *Analyze the directions and forms of coordination work of law enforcement agencies to combat crime; formulate a number of proposals aimed at improving the effectiveness and quality of coordination activities of the prosecutor's office for the prevention and prevention of crimes.*

Methodology. *In the process of working on the study, a set of general scientific methods of cognition (integrative, systemic and formally legal) used in modern jurisprudence were used.*

Results. *Proposals were made on the development of methodological recommendations on coordination activities and the need to introduce special norms on coordination activities into the Law on the Prosecutor's Office - the consolidation of methods, principles, powers of prosecutors to prevent violations of laws. The importance of the coordination role of the prosecutor's office in the fight against criminal manifestations is shown. The positive results of the work of the prosecutor's office in the fight against crime for the period 2020-2021 are presented.*

Conclusion. *According to the results of the study, the authors believe that the legislator has recently been expanding the boundaries when the prosecutor's office carries out coordination activities. The Prosecutor General's Office, as the main coordinator of law enforcement activities in the fight against crime, is obliged to maintain a state unified statistical record of data on the state of crime, as well as to carry out and monitor the implementation of coordination activities - meetings.*

Keywords: *prosecutor; status of the prosecutor's office; coordination activities; law enforcement agencies.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Titova A. A., Gracheva O. A. Status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in Coordination Activities to Prevent Criminal Manifestations. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 115–124. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-115-124.

Received 08.08.2022 Accepted 07.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Современное российское государство нуждается в качественной правоохранительной системе и, естественно, в большей степени ориентированной на защиту граждан от беззакония.

В настоящее время статус прокуратуры в координационной деятельности по предупреждению преступных проявлений недостаточно определён, что вызывает многочисленные дискуссии у практических работников органов прокуратуры. В научном обществе также активно продолжают исследовать его проблемы.

В этой связи весьма важно определить роль органов прокуратуры РФ в координационной деятельности по предупреждению и профилактике преступных проявлений, поскольку последняя обеспечивает взаимосвязь и слаженность всех субъектов координации ради достижения общей цели – принятия мер по борьбе с преступностью [1, с. 17].

Методология

Применение интегративного метода позволило выбрать наиболее эффективные формы координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и предложить способы, направленные на повышение ее эффективности и качества работы в целях профилактики и предупреждения преступлений. Исследования также основаны на системном и формально-юридическом методах. В статье приводятся современные статистические данные Генеральной прокуратуры РФ. Использованы информационно-аналитические материалы прокуратур некоторых городов и областей.

Результаты и их обсуждение

Цели и задачи органов прокуратуры являются необходимыми элементами развития и защиты государственности страны в целом. На настоящий момент целями деятельности органов российской прокуратуры является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. В числе приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры продолжают оставаться борьба с преступностью и коррупцией, защита прав и законных интересов граждан, обеспечение единства правового пространства страны. Справедливо отмечает В. К. Звирбуль, что «задача прокуратуры состоит в принятии нужных мер к устранению, нейтрализации условий, способствующих проявлению причин преступности» [2, с. 64], а следовательно, повышении эффективности борьбы с преступными проявлениями. Кроме этого, органы прокуратуры РФ являются субъектами профилактики преступлений и в этом направлении работы выполняют превентивную роль [3, с. 347]. Одним из недостатков, который отмечают ученые и практические работники в специальной литературе, является «отсутствие в Законе о прокуратуре указания на полномочия прокурора по профилактике нарушений закона» [4, с. 54], что снижает эффективность ее деятельности в этом направлении. Поддерживая данную позицию, отметим, что закрепление на законодательном уровне элементов организации работы (методов, принципов, полномочий) в рассматриваемом направлении будет способствовать повышению значимости координационной роли прокуратуры в деятельности по борьбе с преступными проявлениями.

Так, например, А. Ю. Винокуров утверждает, что «в период действия Закона СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР» профилактика преступлений и иных нарушений непреступного характера относилась законодателем к числу самостоятельных видов внешнефункциональной прокурорской деятельности» [5, с. 621]. Между тем некоторые авторы не согласны с такой позицией и считают, что «профилактику преступлений и иных правонарушений нельзя рассматривать в качестве функции прокуратуры, поскольку в законодательстве об этом четко не говорится, а сама профилактика осуществляется посредством всей функциональной деятельности прокуратуры» [6, с. 1356].

Исходя из вышесказанного, считаем, что сложившаяся ситуация не означает того, что прокуратура при реализации многоплановой деятельности, включающей в себя потенциал всех функций органов прокуратуры, не имеет своей первоочередной задачей предупреждение преступности.

Анализ приказов, а также других ведомственных организационно-распорядительных документов, в том числе уже утративших силу[1], позволяет утверждать, что профилактику правонарушений и противоправных деяний следует рассматривать как важную меру в осуществлении надзора за исполнением законов, координационной, правотворческой и иной деятельности прокуроров. Полагаем важным отметить и роль Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где также подчеркивается необходимость постоянного совершенствования законодательных и профилактических мер по борьбе с преступностью.

Деятельность прокуратуры по предупреждению и противодействию преступности проявляется при реализации координирующей функции органов и организаций прокуратуры – координации правоохранительной деятельности органов по борьбе с преступностью, представляющей собой важный участок работы в их многоплановой деятельности. Ее выделение можно объяснить рядом факторов, среди которых главным остается состояние преступности в России. Оно по-прежнему представляет собой реальную угрозу охраняемым законом правам и свободам граждан, а также интересам общества и государства. Усиливается ее организованность и агрессивность. Появляются новые, все более опасные виды преступлений. В этих условиях используемые на практике способы и меры воздействия на преступность оказываются явно недостаточными [7, с. 204], а иногда и не достигают желаемого результата. Поэтому наделение прокуратуры данной функцией обусловлено тем, что именно этот орган, обладая особыми правовыми средствами, способен надлежащим образом согласовывать действия других правоохранительных органов по выявлению, пресечению, раскрытию и предупреждению преступлений [8, с. 204], а также ее особым статусом в системе разделения властей, позволяющим взаимодействовать со всеми тремя ветвями государственной власти [1, с. 17–20].

Координация строится на общности между правоохранительными структурами, взаимной поддержке друг друга, заинтересованности в совместных действиях, осуществляемых способах и методах, свойственных исключительно каждому субъекту координации ради достижения общей цели – принятия мер по борьбе с преступностью [9, с. 295–301]. Важно учитывать, что каждый орган должен осуществлять свою деятельность лишь в рамках той компетенции, которые ему предоставляет законодатель. Смешение функций и полномочий разных органов является недопустимым [10, с. 13].

Важная роль органов прокуратуры при осуществлении координационной деятельности проявляется в определенных проводимых формах и направлениях совместной работы. Одним из значимых является проведение координационных мероприятий с руководителями правоохранительных структур как на федеральном, так и на региональном уровне. С их помощью обеспечивается слаженность действий, целенаправленное взаимодействие, в процессе их осуществления устраняются межведомственные препятствия и дублирование в работе. Выступая на расширенном заседании колле-

[1] Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генпрокуратуры России от 7 дек. 2007 г. № 195: [в ред. от 02.08.2022]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75181/; Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности: приказ Генпрокуратуры России от 16 янв. 2012 г. № 7. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128196/; Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции: приказ Генпрокуратуры России от 29 авг. 2014 г. № 454: [ред. от 24.08.2021]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170843/ (дата обращения: 01.08.2022).

гии в Генеральной прокуратуре РФ 25 апреля 2022 г., Игорь Краснов, в частности, отметил, что «прокуроры, защищая интересы граждан, государства и общества, пресекли свыше 4 млн нарушений закона, добились восстановления прав более 1 млн человек. При этом важно совершенствовать механизмы взаимодействия с органами ФСБ РФ, МВД России, а также другими ведомствами для снижения уровня преступности в различных сферах жизнедеятельности»[1], в том числе и повышения эффективности прокурорской деятельности в дальнейшем.

Как свидетельствует практика, такие совещания проводятся прокурорами в течение года, в ходе которых и анализируется состояние преступности с целью своевременного реагирования на негативные тенденции. По их результатам вырабатываются и реализуются механизмы борьбы с противоправными посягательствами. Так, например, принятый прокуратурой Саратовской области комплекс координационных мер способствовал повышению уровня раскрываемости преступлений (с 51,6% до 54,3%). На заседании межведомственной рабочей группы было отмечено, что за период январь – ноябрь 2021 г. уменьшилось количество зарегистрированных преступлений (на 2,3%) в сравнении с аналогичным периодом в 2020 г. – 48,6%. За тот же период меньше стали совершаться кражи, грабежи, разбои, в том числе сократилось число преступлений против собственности, в сфере незаконного оборота наркотиков. Несмотря на положительные результаты в сфере борьбы с преступностью, прослеживается тенденция к увеличению количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (на 1,5%). За 12 месяцев 2020 г. было раскрыто всего 17,2% киберпреступлений, а в 2021 г. раскрываемость таких преступных деяний возросла с 19,1% до 26,2%. Количество тяжких и особо тяжких преступлений в области увеличилось на 5,5%, при этом их раскрываемость возросла с 39,9% до 47,8%. За весь 2020 г. было раскрыто 38,8% преступных деяний данной категории[2]. Безусловно, результаты координационной деятельности положительные, а значит, оказывают влияние на укрепление законности и безопасность общества от преступных проявлений. Положительную практику можно привести, проанализировав деятельность прокуратур и других субъектов по противодействию преступности в различных сферах (соблюдения прав несовершеннолетних, экономики, землепользования, ЖКХ, охраны окружающей среды и природопользования и др.)[3].

Таким образом, вопросы противодействия преступности являются приоритетными в надзорной деятельности органов и организаций прокуратуры, а взаимодействие с правоохранительными структурами с помощью проведения координационных совещаний помогает выработать конкретные предложения по улучшению правоохранительной дея-

[1] Состоялось расширенное заседание Коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2021 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2022 год // Генеральная прокуратура РФ. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=73312986 (дата обращения: 01.08.2022).

[2] Координация деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности одно из приоритетных направлений деятельности прокуратуры Саратовской области // Прокуратура Саратовской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/mass-media/news?item=67467632 (дата обращения: 01.08.2022)

[3] На координационном совещании обсуждены результаты работы правоохранительных органов по профилактике, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений против собственности // Прокуратура города Москвы. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=77273883 (дата обращения: 02.08.2022).

тельности и показать хороший результат совместной работы.

Проблемным остается вопрос, связанный со всесторонностью координационной деятельности. Он обусловлен разрабатываемыми и применяемыми на практике мерами взаимодействия. Осуществить эту задачу можно с помощью определенных координационных действий правоохранительных органов. Необходимо привлекать на постоянной основе экспертов в области противодействия преступности, представителей научного сообщества, а также государственных органов, например, путем проведения законодательной и организационной работы по модернизации уголовно-правовой сферы.

Стоит отметить, что законодатель в последнее время расширяет границы координационной деятельности прокуратуры. Именно на прокуратуру возложена обязанность по ведению государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности (раскрываемости преступлений, состояния и результатов следственной работы, прокурорского надзора в целом).

Так, например, в сфере борьбы с преступлениями коррупционной направленности обеспечивается защита конституционных прав граждан с использованием всех инструментов. Показатели результативной деятельности прокуроров за период 2020–2021 гг. отображены в таблице.

Таблица. Результативность деятельности органов прокуратуры по противодействию коррупции за 2020–2021 гг.

Наименование показателя	2020	2021	Процент (+;-)
Выявлено нарушений законов	245 532	252 328	2,8
Принесено протестов	35 088	34 398	-2,0
Направлено исков, заявлений в суд	4 214	4 303	2,1
Внесено представлений	63 176	62 704	-0,7
Привлечено лиц к дисциплинарной ответственности	73 425	81 640	11,2
По постановлению прокурора привлечено лиц к административной ответственности	7 990	7 448	-6,8
Направлено материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ	3 506	3 408	-2,8
Возбуждено уголовных дел	3 118	2 996	3,9

Примечание. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2020–2021 гг. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=74844744 (дата обращения: 08.08.2022).

К числу важных задач относятся: предупреждение и профилактика преступлений, а также устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений [11, с. 31]. Для их выполнения прокуратура совместно с другими правоохранительными органами изучает динамику и структуру преступности, причины ее возникновения и условия ее развития, занимается прогнозированием тенденций развития преступности, исследует опыт правоохранительных органов по противодействию преступности, в том числе в международных странах. С помощью таких мероприятий нарабатывается спектр методов, и это способствует укреплению законности и правопорядка в нашей стране, обеспечению безопасности и гарантированной реализации прав граждан. Исследователь Ю. В. Капитоно-

ва добавляет, что анализ может проводиться в целом по стране либо по отдельным субъектам РФ или предприятиям, а также в зависимости от вида преступлений [12, с. 164].

Перед прокурором стоит задача составления форм статистической отчетности, которые отражают показатели эффективности координационной деятельности. Для этого необходимо дать оценку ее результативности. Она производится в соответствии с показателями эффективности, которые могут быть количественные и качественные.

При ее заполнении необходимо учитывать количество проведенных мероприятий по вопросам, связанным с осуществляемой деятельностью по борьбе с правонарушениями: общее число межведомственных рабочих групп и проведенных совместно с правоохранительными органами совещаний, количество проведённых совместных целевых мероприятий и принятых решений по ним, а также количество выездных мероприятий по регионам. Нужно учитывать, что в форме не учитываются такие количественные показатели, как, например, количество направленных в органы государственной власти и органы местного самоуправления совместных информационных писем. Качественные показатели призваны отражать являющееся результатом осуществления координационной деятельности реальное изменение криминогенной ситуации на поднадзорной территории. Названные показатели оцениваются с точки зрения обоснованности и законности принятых координационных решений и планов, полноты и своевременности их выполнения. На качество координационной деятельности влияют: правильность планирования мероприятий, точность прогнозирования, техническое, информационное и аналитическое обеспечение участников координационной деятельности, роль прокурора, качество делопроизводства. Также некоторые ученые выделяют результативные показатели включающие в себя такие показатели, как изменение состояния преступности, уровень безопасности населения от преступных посягательств, мнение общества о работе правоохранительных органов [13, с. 164]. При составлении оценки нужно также учитывать материальные и финансовые затраты, географические, политические и правовые факторы, необходимо обратить внимание на соблюдение установленных сроков [14; 15; 16].

Помимо описанных выше задач, в литературе выделяют и другие задачи, например: определение направлений координационной деятельности, изучение практического опыта борьбы с преступностью, обсуждение актов, выносимых руководителями правоохранительных органов [17, с. 272–274].

На наш взгляд, стоит согласиться с мнением ученых, утверждающих о необходимости более полной регламентации координационной деятельности. Представляется, что координация законодательно урегулирована не в полной мере. Ученый С. П. Зайцев предлагает определить статус прокурора относительно постановки вопроса об ответственности участников координации за неисполнение требований регламента [18, с. 2–4], что является обоснованным, т. к. отсутствие прямо установленной ответственности участников координации снижает эффективность их взаимодействия. Правильным представляется и мнение В. Г. Бессарабова, предлагающего проработать формы и методы взаимодействия [19, с. 9], с чем также будет правильным согласиться, поскольку остаются неурегулированными порядок подготовки и обмена информацией, процедура разрешения возникающих между участниками противоречий. Слабое законодательное регулирование приводит, как справедливо отмечает профессор В. А. Рыбаков, к формальному пониманию информации [20, с. 6–12].

Выводы

Координация представляет собой способ объединения сил правоохрани-

тельных органов, с помощью которой обеспечивается выработка согласованных действий, принятие решений в противодействии преступности, а координационная функция прокуратуры определенно следует из её руководящей роли как системы органов, сотрудничающей по вопросам обеспечения законности со всеми правоохранительными структурами. Функция координации расширяет возможности органов прокуратуры, позволяет выявить как положительный опыт, так и недостатки при осуществлении работы по основным приоритетным направлениям деятельности. В такой деятельности прокурор является основным организующим звеном. Решаемые им задачи направлены на налаживание и поддержание взаимосвязи правоохранительных органов, способствуя объединению их усилий в борьбе с преступностью. При этом законодателю следует обратить внимание на необходимость более чёткого регулирования некоторых вопросов, связанных координацией правоохранительных органов в борьбе с преступностью. В этом аспекте хотелось бы остановиться на следующих моментах и предложить способы, направленные на повышение ее эффективности. Во-первых, для оказания реальной помощи органам прокуратуры и другим правоохранительным органам необходимо разработать соответствующие научные методические рекомендации по вопросам координационной деятельности. Во-вторых, внести в Закон о прокуратуре специальные нормы, которые будут посвящены координационной деятельности – закрепить методы, принципы, полномочия прокуроров по профилактике нарушений законов. В-третьих, органам прокуратуры более тщательно осуществлять подготовку к проведению координационных совещаний. Реализация такого плана позволит сделать правоохранительную систему более современной, более надёжной и, естественно, в большей степени ориентированной на защиту граждан от беззакония и коррупции.

Список литературы

1. Байкин И. М. Прокуратура как основное звено в формировании надзорной власти в России // Современное право. 2009. № 8. С. 17–20.

2. Звирбуль В. К. Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности. Научные основы. М.: Юрид. лит., 1971. 168 с.

3. Винокуров А. Ю. Проблемы классификации прокурорской деятельности // Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. М.: Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2017. С. 347−355.

4. Раскина Т. В. Прокуратура в системе профилактики правонарушений // Юридические исследования. 2018. № 1. С. 53–60.

5. Винокуров А. Ю. К вопросу об участии органов прокуратуры в профилактике правонарушений в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 620–626.

6. Гальченко А. И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // Lex Russia. 2014. № 11. С. 1346–1357.

7. Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: монография / под общ. ред. Ф.М. Кобзарева. М.: Проспект, 2016. 254 с.

8. Басков В. И., Коробейников Б. В. Курс прокурорского надзора. М.: Зерцало-М, 2001. 499 с.

9. Баев С. Н. Некоторые аспекты осуществления прокурорами координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 3. С. 295–301.

10. Олейник В. В. Противодействие преступности как одно из основных направлений работы органов прокуратуры по защите прав личности в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2014. № 15. С. 13–15.

11. Сухарев А. Я., Алексеев А. И., Журавлев М. П. Основы государственной политики борьбы с преступностью. Теоретическая модель. М.: Норма, 1997. 64 с.

12. Капитонова Ю. В. Основы координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 27 с.

13. Гулягин А. Ю. Эффективность координации деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 6(14). С. 44–48.

14. Скворцов К. Ф. Исследование проблем эффективности прокурорского надзора // Вопросы теории и практики прокурорского надзора / редкол. Н. В. Жогин [и др.]; Всесоюз. Ин-т по изучению причин и разработки мер предупреждения преступности. М., 1975. С. 9–10.

15. Винокуров А. Ю., Винокуров Ю. Е. Теоретические основы эффективности прокурорского надзора за исполнением законов: монография. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. С. 21–28.

16. Капинус О. С., Андреев Б. В., Казарина А. Х. Проблемы совершенствования внутрисистемной оценки работы органов прокуратуры // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 5(31). С. 3–13.

17. Огородников В. И., Годунов И. В., Борисенко И. В. Координационная деятельность прокуратурой правоохранительных органов по борьбе с преступностью // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века: материалы Международной научной конференции. Витебск: Витеб. гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2017. С. 272–274.

18. Зайцев С. П. Профилактика преступлений и правонарушений: координация и прокурорский надзор // Законность. 2009. № 8. С. 3–6.

19. Бессарабов В. Г. Координация российской прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (история, состояние, перспективы) // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 7–15.

20. Рыбаков В. А. Законность: к вопросу о понятии // Вестник Омского университета. Серия. Право. 2013. № 2 (35). С. 6–12.

References

1. Bajkin I. M. Prokuratura kak osnovnoe zveno v formirovanii nadzornoj vlasti v Rossii [The Prosecutor's Office as the main link in the formation of the supervisory authority in Russia]. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2009, no. 8, pp. 17–20.

2. Zvirbul' V. K. Deyatel'nost' prokuratury po preduprezhdeniyu prestupnosti. Nauchnye osnovy [The activities of the Prosecutor's Office for the prevention of crime. Scientific foundations]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1971. 168 p.

3. Vinokurov A. Yu. Problemy klassifikacii prokurorskoj deyatel'nosti [Problems of classification of prosecutorial activity]. Izbrannye stat'i [Selected articles]. Vol. 3. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanitarnogo un-ta Publ., 2017, pp. 347−355.

4. Raskina T. V. Prokuratura v sisteme profilaktiki pravonarushenij [The Prosecutor's office in the system of crime prevention]. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal research*, 2018, no. 1, pp. 53–60.

5. Vinokurov A. Yu. K voprosu ob uchastii organov prokuratury v profilaktike pravonarushenij v Rossijskoj Federacii [On the question of the participation of the Prosecutor's office in the prevention of offenses in the Russian Federation]. *Administrativnoe i municipal'noe pravo = Administrative and municipal law*, 2016, no. 7, pp. 620–626.

6. Gal'chenko A. I. Funkcii prokuratury Rossijskoj Federacii: spornye voprosy [Functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: controversial issues]. *Lex Russia*, 2014, no. 11, pp. 1346–1357.

7. Koordinaciya prokuraturoj deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov po bor'be s prestupnost'yu [Coordination by the Prosecutor's Office of the activities of law enforcement agencies to combat crime]; ed. by F. M. Kobzarev. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 254 p.

8. Baskov V. I., Korobejnikov B. V. Kurs prokurorskogo nadzora [The course of prosecutorial supervision]. Moscow, Zercalo-M Publ., 2001. 499 p.

9. Baev S. N. Nekotorye aspekty osushchestvleniya prokurorami koordinacionnoj deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov po bor'be s korrupciej [Some aspects of the implementation by prosecutors of the coordination activities of law enforcement agencies in the fight against corruption]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*, 2017, no. 3, pp. 295–301.

10. Olejnik V. V. Protivodejstvie prestupnosti kak odno iz osnovnyh napravlenij raboty organov prokuratury po zashchite prav lichnosti v ugolovnom sudoproizvodstve [Countering crime as one of the main areas of work of the Prosecutor's Office for the protection of individual rights in criminal proceedings]. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2014, no. 15, pp. 13–15.

11. Suharev A. Ya., Alekseev A. I., Zhuravlev M. P. Osnovy gosudarstvennoj politiki bor'by s prestupnost'yu. Teoreticheskaya model' [Fundamentals of the state policy of combating crime. Theoretical model]. Moscow, Norma Publ., 1997. 64 p.

12. Kapitonova Yu. V. Osnovy koordinacii prokuraturoj deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov po bor'be s prestupnost'yu. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [The basics of coordination by the Prosecutor's Office of the activities of law enforcement agencies in the fight against crime. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2002. 27 p.

13. Gulyagin A. Yu. Effektivnost' koordinacii deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov po protivodejstviyu korrupcii [Effectiveness of coordination of the activities of law enforcement agencies to combat corruption]. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*, 2009, no. 6(14), pp. 44–48.

14. Skvorcov K. F. Issledovanie problem effektivnosti prokurorskogo nadzora [Investigation of the problems of the effectiveness of prosecutorial supervision]. Voprosy teorii i praktiki prokurorskogo nadzora [Questions of theory and practice of prosecutorial supervision]; ed. by N. V. Zhogin, eds. Moscow, Vsesoyuz. In-t po izucheniyu prichin i razrab. mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1975, pp. 9–10.

15. Vinokurov A. Yu., Vinokurov Yu. E. Teoreticheskie osnovy effektivnosti prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov [Theoretical foundations of the effectiveness of prosecutorial supervision over the execution of laws]. Moscow, Mosk. Gumanit. Univ. Publ., 2008, pp. 21–28.

16. Kapinus O. S., Andreev B. V., Kazarina A. H. Problemy sovershenstvovaniya vnutrisistemnoj ocenki raboty organov prokuratury [Problems of improving the in-system evaluation of the work of the Prosecutor's office]. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*, 2012, no. 5(31), pp. 3–13.

17. Ogorodnikov V. I., Godunov I. V., Borisenko I. V. [Coordinating activities of the Prosecutor's Office of law enforcement agencies to combat crime]. *Velikaya Rossijskaya revolyuciya 1917 goda v istorii i sud'bah narodov i regionov Rossii, Belarusi, Evropy i mira v kontekste is-*

toricheskih realij XX – nachala XXI veka. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [The Great Russian Revolution of 1917 in the history and destinies of the peoples and regions of Russia, Belarus, Europe and the world in the context of historical realities of the XX – early XXI century. Materials of the International Scientific Conference]. Vitebsk, Vitebsk. St. Univ. named after P.M. Masherov Publ., 2017, pp. 272–274.

18. Zajcev S. P. Profilaktika prestuplenij i pravonarushenij: koordinaciya i prokurorskij nadzor [Prevention of crimes and offenses: coordination and prosecutorial supervision]. *Zakonnost' = Legality*, 2009, no. 8, pp. 3–6.

19. Bessarabov V. G. Koordinaciya rossijskoj prokuraturoj deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov po bor'be s prestupnost'yu (istoriya, sostoyanie, perspektivy) [Coordination by the Russian Prosecutor's Office of the activities of law enforcement agencies in the fight against crime (history, state, prospects)]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2001, no. 3, pp. 7–15.

20. Rybakov V. A. Zakonnost': k voprosu o ponyatii [Legality: on the question of the concept]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2013, no. 2 (35), pp. 6–12.

Информация об авторах / Information about the Authors

Титова Анжела Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: anz66@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1940-350X

Грачёва Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: letsik91@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6585-2085

Anzhela A. Titova, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Prosecutor's Supervision and Criminology, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation,
e-mail: anz66@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1940-350X

Olga A. Gracheva, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor of the Department of Prosecutor's Supervision and Criminology, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation,
e-mail: letsik91@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6585-2085

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-126-135

(cc) BY 4.0

Парламентско-монархические институты современных европейских государств: перспективы и трансформации

Д. Л. Цыбаков [1] ✉

[1]Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий
ул. Соколовская 1А, г. Химки 141435, Российская Федерация

✉ e-mail: d413839@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Институт парламентского монархизма, при наличии противоречивого отношения к нему различных социальных сообществ, остается одним из типичных компонентов современных демократических систем. Однако в условиях постиндустриального общества происходят кардинальные трансформации парламентских монархий в странах Европы, что ведет к их мимикрии под влиянием таких факторов общественных отношений, как постмодернизм и глобализация. Политологический анализ отмеченной проблемы представляется актуальным ввиду необходимости уточнения признаков и параметров институтов демократии в политических системах современных европейских государств.*

Целью *научной статьи является рассмотрение перспектив развития и трансформации европейских парламентско-монархических институтов в условиях развития политических систем либеральной демократии.*

Задачами *исследования выступают: анализ трансформаций парламентско-монархических институтов, уточнение институциональных параметров современного европейского монархического парламентаризма, определение кризисных тенденций в развитии парламентских монархий в странах Европы.*

Методология. *Для решения цели и задач исследования применялись исторический, компаративистский методы, функциональный анализ.*

Результаты. *В XXI столетии легитимность парламентских монархий в европейских государствах стала определяться рядом новых тенденций политического процесса, прежде всего пребывая в зависимости от способности конкретных представителей правящих династий реагировать на современные вызовы институтам престолонаследия.*

Выводы. *Несмотря на кризисные тенденции постиндустриальной эпохи, институт монархического правления достаточно эффективно совмещается с политическими и экономическими свободами, включаясь в систему разделения властей, выступая неотъемлемым элементом правового государства, ввиду чего парламентская монархия в среднесрочной перспективе сохранит значение важного институционального компонента современных демократических систем.*

Ключевые слова: *политическая система; политический процесс; демократизация; кризис; парламентская монархия; парламентско-монархические институты.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Цыбаков Д. Л. Парламентско-монархические институты современных европейских государств: перспективы и трансформации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 126–135. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-126-135.

Поступила в редакцию 11.08.2022 Принята к публикации 07.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Цыбаков Д. Л., 2022

Parliamentary-monarchical institutions of modern European States : prospects and transformations

Dmitry L. Tsybakov[1] ✉

[1]Academy of Civil Protection of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters
1A Sokolovskaya Str., Khimki 141435, Russian Federation

✉ e-mail: d413839@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The institution of parliamentary monarchism, in the presence of contradictory attitudes of various social communities towards it, remains one of the typical components of modern democratic systems. However, in the conditions of post-industrial society, cardinal transformations of parliamentary monarchies in European countries are taking place, which leads to their mimicry under the influence of such factors of social relations as postmodernism and globalization. A political analysis of the noted problem is presented relevant in view of the need to clarify the signs and parameters of democratic institutions in the political systems of modern European states.*

The purpose *of the scientific article is to consider the prospects for the development and transformation of European parliamentary-monarchical institutions in the context of the development of political systems of liberal democracy.*

The objectives *of the research are: analysis of the transformations of parliamentary-monarchical institutions, clarification of the institutional parameters of modern European monarchical parliamentarism, identification of crisis trends in the development of parliamentary monarchies in European countries, identification of prospects for their development in the conditions of postmodern and globalization processes.*

Methodology. *To solve the purpose and objectives of the study, historical, comparative methods, functional analysis were used.*

Results. *In the 21st century, the legitimacy of parliamentary monarchies in European states began to be determined by a number of new trends in the political process, primarily depending on the ability of specific representatives of ruling dynasties to respond to modern challenges to the institutions of succession.*

Conclusions. *Despite the crisis trends of the post-industrial era, the institution of monarchical rule is quite effectively combined with political and economic freedoms, being included in the system of separation of powers, acting as an integral element of the rule of law, which is why the parliamentary monarchy in the medium term will retain the importance of an important institutional component of modern democratic systems.*

Keywords: *political system; political process; democratization; crisis; parliamentary monarchy; parliamentary-monarchical institutions.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tsybakov D. L. Parliamentary-Monarchical Institutions of Modern European States: Prospects and Transformations. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 126–135. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-126-135.

Received 11.08.2022 Accepted 07.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

К началу XXI столетия парламентская монархия представляет собой итог развития сложных социально-политических процессов, позволяющих достичь компромисса в вопросе сохранения и воспроизводства политической стабильности. Парламентскую монархию следует признать сложным, многоаспектным актором политического процесса государств современной Европы. Не вызыва-

ет сомнений, что ее институциональные и нормативные вариации определяются объективными и субъективными условиями, что приводит к выделению ряда разновидностей рассматриваемой формы правления [1, с. 124–126]. Реальность остается таковой, что наиболее известны на сегодня европейские парламентские монархии, которые исследователи представляют в качестве наиболее эффективного примера реализации принципов монархического парламентаризма [2; 3]. Именно на европейском континенте парламентско-монархические институции достигли наибольшего распространения в период демократического транзита, существенно повлияв на становление гражданского общества и правового государства.

В условиях принципиальных модификаций политических систем и слома социальной структуры традиционного общества монархический абсолютизм оказался неэффективным политическим институтом, неспособным гибко реагировать на расширяющиеся общественные запросы и выступать гарантом социально-политической стабильности, как это было на протяжении многих столетий. К XX столетию абсолютизм окончательно превращается в дестабилизирующий фактор политического процесса в странах Европы, что было характерно даже для держав, имевших давнюю имперскую традицию организации политической власти. Парламентская альтернатива, зародившаяся еще в коммунальных городах средневековой Европы, оказалась более адекватной формой правления, позволяющей находить баланс между интересами сословной аристократии и претензиями новых социальных групп и агрегаций по поводу участия в распределении политической власти [4, с. 220–226]. Одним из проявлений политического процесса эпохи модернизации стал переход самодержавных и дуалистических монархий к монархическому парламентаризму [5, с. 40–43]. На сегодняшний день парламентско-монархические институции сохраняются в 11 европейских государствах, включая занимающее видное место в мировой политике Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии, играющих заметную роль в панъевропейских отношениях Испанию, Швецию, Данию, Бельгию, Нидерланды, а также Норвегию [6; 7; 8; 9].

В ряде государств с республиканским правлением отмечается распространение роялистских идей и деятельность промонархических политических объединений. Наглядным примером служит ситуация в странах балканского региона, особенно в Болгарии, Греции и Сербии.

Однако в XXI столетии в большинстве европейских государств в той или иной степени проявляют себя риски для сохранения монархического парламентаризма, что способно существенно повлиять на стабильность и преемственность демократического политического процесса. В то же время для развития парламентско-монархических институций характерны тенденции и проблемы, примерно схожие с весьма близкими по структурной организации парламентскими/парламентско-президентскими республиками [10].

На основании вышеизложенного в настоящей работе предлагается рассмотреть перспективы развития и трансформации европейских парламентско-монархических институтов в условиях развития политических систем либеральной демократии. В развитие чего представляется необходимым решение следующих задач: во-первых, проанализировать трансформации парламентско-монархических институтов в странах Европы, во-вторых, уточнить институциональные параметры современного европейского монархического парламентаризма, определить кризисные тенденции в развитии парламентских монархий в странах Европы, выявить перспективы развития рассматриваемой формы правления в условиях

постмодернистских и глобализационных процессов.

Методология

Методология настоящего политологического исследования включает в себя привлечение как общенаучных методов, так и методов исследования, используемых в рамках политической науки. Для решения цели и реализации поставленных задач нашли применение исторический метод, компаративистский анализ, структурно-функциональный метод. Проводился политический анализ событийного ряда общественно-политического процесса в государствах Европы с парламентско-монархической формой правления периода 2019–2021 гг.

Сформированная автором методика основывается на междисциплинарном подходе и позволяет расширить поле политологического знания о вызовах существованию парламентско-монархических институций в политическом процессе либеральных демократий и определить перспективы их развития в XXI столетии в странах Европы.

Результаты и их обсуждение

Будучи прочно интегрированы в политические системы индустриального общества, в постиндустриальном мире парламентские монархии оказались перед вызовом системного кризиса. К началу XXI столетия парламентско-монархические институции сохранились в 11 европейских государствах, причем в наиболее известных из них возрастают риски для политической субъектности и нормативно-правового статуса правящих династий [11, с. 156–167]. Вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения монархического парламентаризма упирается, прежде всего, в наличие института наследственной государственной власти [12, с. 2–6]. На фоне эскалации кризисных явлений, спровоцированных глобализационными процессами и мировой пандемией, институт престолонаследия как один из элементов публичной власти вынужден разделять ответственность за неэффективную государственную политику современного периода.

Антимонархическая доминанта демократического политического процесса на протяжении последних десятилетий проявляется в двух основных проекциях. Во-первых, сторонники республиканского правления призывают к дальнейшему ограничению властных полномочий правящих династий. Во-вторых, в качестве приоритета дальнейшей антимонархической политики предлагается ликвидация институтов наследственной верховной власти. Вследствие идеологического и социального запроса на демократизацию, размывания традиционного общества лозунг об упразднении любых форм монархии ведет к восприятию последней как политического атавизма, который воспринимается в качестве препятствия для демократического развития современного социума. Неприятие монархических институтов отличает весьма широкий круг политических субъектов европейских государств. Наследственная государственная власть традиционно критически воспринимается общественными движениями левого толка, а также вызывает обскурантизм со стороны последователей либеральных и либертатистских партий и объединений.

Новый вызов для парламентского монархизма проявил себя во время политического кризиса, спровоцированного мировой пандемий 2020–2021 гг. Последний был отмечен противоборством глобалистстких и национально-консервативных элит, причем со стороны первых проявилось стремление навязывания ангажированного представления об исторической памяти [13, с. 2126–2135], что проявилось в массовой пропаганде против имперского прошлого ведущих мировых держав.

При этом проблема спекуляций на проблеме расовой дискриминации в конъюнктурных целях борьбы за полити-

ческую власть проявила себя не только в США, но и в европейских государствах, проявлением чего стала девальвация через пропаганду в СМИ и социальных сетях образа ряда государственных деятелей прошлых эпох, которых обвиняли в причастности к угнетению народов бывших колониальных владений [14, с. 106]. Например, на протяжении 2020 г. в Бельгии объектом виртуальных и реальных атак маргинальных вандалов стал образ короля Леопольду II, который в 1865–1908 гг. был отмечен в колонизации территории бассейна реки Конго.

Отмеченная проблема имеет под собой объективные основания, восходящие к радикальному антиэтатизму глобалистских политических сил. Выполняющие социальный заказ последних интеллектуалы космополитической направленности настойчиво проводят ревизию значения института национального государства через объяснение исторической ретроспективы на основе философского подхода современного постмодерна. Вполне естественным образом монархические институции европейских демократий оказываются мишенью неконструктивной критики, основанной на осуждении изъятых из конкретно-исторического контекста деяний далеких предков современных правителей.

В свою очередь, общественные деятели - лоялисты в европейских государствах апеллируют к наличию конструктивного потенциала парламентско-монархической формы правления. Основная аргументация сторонников последней сводится к сохранению за правящими династиями роли социального попечителя через участие в реализации благотворительных и просветительских проектов и фондов. Кроме того, за институтом монархической власти, по мнению ее адептов, сохраняется такая классическая функция, как поддержание единства политической нации, обеспечение сплоченности различных классов и социальных слоев конкретного европейского государства. Символический статус глав правящих фамилий во многих случаях позволяет им проявлять социально-политическую субъектность вне нормативных и управленческих механизмов.

При наличии персональных качеств и личной популярности не только главы правящих домов, но и их младшие родственники способны выдвигать собственные инициативы социально-политического содержания. Таковые могут находить отклик в массовом сознании ввиду опоры вдохновителей этих проектов на авторитет аристократических династий среди некоторой части социума [15]. Примерами может служить вклад короля Испании Фили́ппа VI в урегулирование парламентского кризиса 2016 г., когда впервые в современной истории после его указа были распущены Генеральные Кортесы. Годом спустя Фили́пп VI фактически возглавил государственную информационную кампанию против референдума об отделении Каталонии.

Вместе со способностью гибко учитывать и аккумулировать национально-государственные интересы, монархические династии европейских государств отличает стремление к мимикрии и приспособлению к существующей социальной и идеологической конъюнктуре. Вследствие перманентного идеологического давления со стороны либеральных и либертатистских движений правящие дома современной Европы в своем большинстве предпочитают не выступать в защиту традиционных ценностей, уклоняясь от вызовов эпохи постмодернизма и глобализма. Вместо мобилизации потенциального традиционалистско-консервативного лагеря, вместо опоры на национальный патриотизм и солидарность современные правящие династии солидаризуются с адептами внедрения «новых общечеловеческих ценностей» из числа ведущих парламентских партий своих государств. Тем самым сужается социальная опора институтов престоло-

наследия как неотъемлемой части современного европейского парламентаризма.

Наряду со снижением популярности некоторых правящих династий исследователями отмечено, что сторонники монархического строя, причем не обязательно в его ограниченной вариации, проявляют себя не только в государствах с устойчивыми традициями самодержавного правления [16]. Призывы к учреждению парламентско-монархических институтов отличают также ряд политических систем республиканского типа, хотя такие прокламации и не обладают реальными шансами для реализации на практике. Как правило, обращения к учреждению монархии в современных республиках исходят со стороны политических сил, опирающихся на имеющиеся в массовом сознании автократические и патерналистские традиции.

Основным доводом в пользу сохранения парламентской монархии в европейских государствах традиционно называют использование института символической наследственной власти для поддержания политической стабильности, включая его привлечение к реализации реформаторских проектов [17, с. 186–191]. Политические процессы в европейских государствах свидетельствуют об адаптации и мимикрии монархического компонента рассматриваемой формы правления к изменяющимся социальным потребностям [18, с. 53–64]. В результате традиция престолонаследия имеет не только возможность к воспроизводству, но и в некоторых случаях проявляет способность к расширению полномочий главы государства, вследствие чего ряд исследователей обосновывает появление новых специфических форм правления, таких как «республиканские монархии» или «монархические республики» [19, с. 440–445]. Описываются формирование монархий с регулярно избираемым главой государства, а также такая тенденция республиканского строя, как пожизненное исполнение президентами властных полномочий с последующим назначением преемника на посту главы государства.

Не вызывает сомнений, что многообразие вариаций парламентско-монархических форм правления инициирует плюрализм политических сценариев [20, с. 37–41], которые ведут к модернизации конституционных монархий, их трансформациям, адаптации к меняющимся практикам властных отношений или полной ликвидации как одного из компонентов современных европейских демократий.

Выводы

Подводя итог, отметим, что в третьем десятилетии XXI в. нарастают политические риски, которые могут представлять серьезный вызов для сохранения симбиоза наследуемой власти и парламентарных политико-управленческих и законотворческих практик. Главные из них – это эрозия традиционных ценностей в европейских государствах, их подмена агрессивными идейными течениями, спекулирующими на темах толерантности и политкорректности. Проникновение воззрений в поддержку сексуальных меньшинств, радикального феминизма, антисексизма, «обратного расизма» в аристократическую среду, не говоря уже о поддержке правящими домами политики глобалистов по разрушению вековых моральных устоев, нивелирует статус монархической власти как хранителя и фундамента национального самосознания.

С другой стороны, поспешная реставрация даже ограниченных народным представительством форм престолонаследия, тенденция чего прослеживается в ряде европейских государств с «переходными», «смешанными» или «гибридными» политическими режимами, может способствовать дестабилизации политического процесса и появлению в обществе новых конфликтогенных факторов и линий раскола «политического класса» и

общества в целом в зависимости от отношения к идеям нового «призвания» очередных аристократических фамилий.

При весьма призрачной реальности проектов восстановления или же инкорпорации монархических институтов в их ограниченных вариациях отмеченный канал активности элитарных группировок, так или иначе, формирует специфический сектор политических отношений в ряде современных европейских государств. Доказательством сохранения значимости монархических институтов в политических системах современной демократии служит деятельность общественно-политических организаций и политических партий промонархического или роялистского толка. С другой стороны, наличие института престолонаследия выступает фактором мобилизации республиканского политического лагеря, придавая ему сплоченность и усиливая мотивацию участия в общественной полемике и идейно-политической борьбе.

Таким образом, сохранение монархического компонента в политических системах современной демократии, несмотря на сугубо декларативный характер властных полномочий представителей правящих династий, продолжает формировать один из секторов политической борьбы идеологической полемики в общественно-политическом процессе европейских государств.

Список литературы

1. Велиев А. Э. Понятие и особенности монархии как формы правления // Прорывные научные исследования как двигатель науки: сборник статей Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа: Омега-Сайнс, 2019. С. 124–126.

2. Кабацкий М. С. Современное положение института монарха в Королевстве Бельгия // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 5. С. 198–209.

3. Полякова А.А. Судьбы монархий в Европе // Современная Европа. 2012. №3 (51). С. 117–126.

4. Бирюков Д. А. Демократический режим как форма политического устройства общества // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 2. С. 220–226.

5. Михалёва Н. В., Плаксина В. С. Разновидности современных монархий // Научный журнал. 2017. № 3 (16). С. 40–43.

6. Долиновский С. Л. Становление и развитие парламентской монархии в Великобритании // История государства и права. 2008. № 17. С. 35–37.

7. Миронова Е. А. Монархия как форма правления в Великобритании: история и перспективы развития // Вестник науки и образования. 2016. № 7 (19). С. 76–78.

8. Полякова А. А. Роль короны в британской конституционной системе // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28). С. 144–147.

9. Шевцов А. Л. Особенности современного государственного устройства Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии // Ценности и нормы правовой культуры в России: сборник научных статей III Международного круглого стола, посвященного дню рождения И. А. Ильина, русского философа и юриста, и 20-летию юридического факультета ЮЗГУ. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2012. С. 327–335.

10. Процюк И. В. Воплощение принципа разделения власти в дуалистических и парламентских монархиях // Проблемы законности. 2012. № 120. С. 3–14.

11. Кабацкий М. С. Типология политических изменений европейских парламентских монархий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 156–167.

12. Каримов Д. А. Правовой статус монархии: теоретические основы и новый взгляд на старую проблему // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 4. С. 2–6.

13. Куликов С. П., Куньщиков С. В. Влияние глобализации на политические режимы: опыт статистического анализа индексов глобализации и политических режимов // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XXI Международной конференции памяти проф. Л. Н. Когана / редкол.: Е. В. Грунт [и др.]. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т, 2018. С. 2126–2135.

14. Лункин Р. Н. Антирасистские протесты в Европе // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 5. С. 106–112.

15. Минченков А. Г. Glimpses of Britain (Взгляд на Британию). СПб.: Антология, 2006. 160 с.

16. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: Облиздат, 1998. 672 с.

17. Кочеткова П. В., Крылова К. В. Формы существования современных монархий // Актуальные проблемы современного конституционализма: материалы III Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. В. Александровой. Пенза: Пензен. гос. ун-т, 2018. С. 186–191.

18. Худолей Д. М. Основные, гибридные и атипичные формы правления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 4. С. 53–64.

19. Садохина Н. Е. Дуализм формы правления в современных государствах // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. №12 (128). С. 440–445.

20. Карипов М. В. Политоморфология монархической государственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 2. С. 37–41.

References

1. Veliev A. E. Ponyatie i osobennosti monarhii kak formy pravleniya [The democratic regime as a form of the political structure of society]. *Proryvnye nauchnye issledovaniya kak dvigatel' nauki. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Breakthrough scientific research as the engine of science: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference]; ed. by A. A. Sukiasyan. Ufa, Omega-Sajns, 2019, pp. 124–126. (In Russ.)

2. Kabackij M. S. Sovremennoe polozhenie instituta monarha v Korolevstve Bel'giya [The current situation of the institution of the monarch in the Kingdom of Belgium]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2020, vol. 15, no. 5, pp. 198–209.

3. Polyakova A. A. Sud'by monarhij v Evrope [The fate of monarchies in Europe]. *Sovremennaya Evropa = Modern Europe*, 2012, no 3 (51), pp. 117–126.

4. Biryukov D. A. Demokraticheskij rezhim kak forma politicheskogo ustrojstva obshchestva [The democratic regime as a form of the political structure of society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Regional University,* 2015, no. 2, pp. 220–226.

5. Mihalyova N. V., Plaksina V. S. Raznovidnosti sovremennyh monarhij [Monarchy as a form of government in Great Britain: history and prospects of development]. *Nauchnyj zhurnal = Scientific Journal*, 2017, no. 3 (16), pp. 40–43.

6. Dolinovskij S. L. Stanovlenie i razvitie parlamentskoj monarhii v Velikobritanii [Formation and development of the parliamentary monarchy in Great Britain]. *Istoriya gosudarstva i prava = History of state and law,* 2008, no. 17, pp. 35–37.

7. Mironova E. A. Monarhiya kak forma pravleniya v Velikobritanii: istoriya i perspektivy razvitiya [Monarchy as a form of government in Great Britain: history and prospects of development]. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education*, 2016, no. 7 (19), pp. 76–78.

8. Polyakova A. A. Rol' korony v britanskoj konstitucionnoj sisteme [The role of the crown in the British constitutional system]. *Vestnik MGIMO-Universiteta = Bulletin of MGIMO University,* 2013, no. 1 (28), pp. 144–147.

9. Shevcov A. L. [Features of the modern state structure of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland]. *Cennosti i normy pravovoj kul'tury v Rossii. Sbornik nauchnyh statej III Mezhdunarodnogo kruglogo stola, posvyashchennogo dnyu rozhdeniya I. A. Il'ina, russkogo filosofa i yurista, i 20-letniyu yuridicheskogo fakul'teta YUZGU* [Values and norms of legal culture in Russia. Collection of scientific articles of the III International Round Table dedicated to the birthday of I. A. Ilyin, a Russian philosopher and lawyer, and the 20-year-old Faculty of Law of the Southern State University]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2012, pp. 327–335.

10. Procyuk I. V. Voploshchenie principa razdeleniya vlasti v dualisticheskih i parlamentskih monarhiyah [The embodiment of the principle of separation of power in dualistic and parliamentary monarchies]. *Problemy zakonnosti = Problems of legality,* 2012, no. 120, pp. 3–14.

11. Kabackij M. S. Tipologiya politicheskih izmenenij evropejskih parlamentskih monarhij [Typology of political changes of European parliamentary monarchies]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 6, pp. 156–167.

12. Karimov D. A. Pravovoj status monarhii: teoreticheskie osnovy i novyj vzglyad na staruyu problemu [The legal status of the monarchy: theoretical foundations, and a new look at the old problem]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2009, no. 4, pp. 2–6.

13. Kulikov S. P., Kun'shchikov S. V. [The influence of globalization on political regimes: the experience of statistical analysis of the indices of globalization and political regimes]. *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya. Materialy XXI Mezhdunarodnoj konferencii pamyati prof. L. N. Kogana* [Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience. Materials of the XXI International Conference in Memory of Prof. L. N. Kogan]; ed. by E. V. Grunt, eds. Ekaterinburg, Ural. feder. Univ. Publ., 2018, pp. 2126–2135. (In Russ.)

14. Lunkin R. N. Antirasistskie protesty v Evrope [Anti-Rust protests in Europe]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN = Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe of the RAN*, 2020, no. 5, pp. 106–112. (In Russ.)

15. Minchenkov A. G. Glimpses of Britain (Vzglyad na Britaniyu) [Glimpses of Britain (A look at Britain)]. St. Petersburg, Anthology Publ., 2006. 160 p.

16. Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost [Monarchic statehood]. Moscow, "Oblizdat" Publ., 1998. 672 p.

17. Kochetkova P. V., Krylova K. V. [Forms of existence of modern monarchies]. *Aktual'nye problemy sovremennogo konstitucionalizma. Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Actual problems of modern constitutionalism. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference]; ed. by A. V. Aleksandrova. Penza, Penza. St. Univ. Publ., 2018, pp. 186–191. (In Russ.)

18. Hudolej D. M. Osnovnye, gibridnye i atipichnye formy pravleniya [Basic, hybrid and atypical forms of government]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2010, no. 4, pp. 53–64.

19. Sadohina N. E. Dualizm formy pravleniya v sovremennyh gosudarstvah [Dualism of the form of government in modern states]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Gumanitarnye nauki = Bulletin of Tambov State University. Series: Humanities,* 2013, no. 12 (128), pp. 440–445.

20. Karipov M. V. Politomorfologiya monarhicheskoj gosudarstvennosti [The political morphology of monarchical statehood]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn′ = Legal policy and legal life,* 2010, no. 2, pp. 37–41.

Информация об авторе / Information about the Author

Цыбаков Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, г. Химки, Российская Федерация,
e-mail: d413839@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8240-6415

Tsybakov Dmitry L., Dr. of Sci. (Political), Professor of the Department of State and Municipal Administration, Academy of Civil Protection of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Khimki, Russian Federation,
e-mail: d413839@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8240-6415

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-136-146

CC BY 4.0

Основные тенденции развития винокуренного производства в России (XVI – XVIII века)

Н. Е. Горюшкина[1]✉, А. А. Колупаев[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Алкогольная сфера является одной из активно реформируемых сфер в экономике России. Государство постоянно совершенствует регуляционный арсенал в отношении алкоголя в целях достижения баланса общественных и фискальных интересов. В этой связи особую актуальность имеет опыт развития производства алкоголя в предшествующие исторические отрезки, позволяющий увидеть логику развития винокуренного производства.*

Цель *– указать главные направления развития винокуренного производства в России.*

Задачи *исследования определяются поставленной целью и состоят в том, чтобы: осветить имеющиеся мнения по поводу времени «рождения» винокурения в России; рассмотреть курение вина как производственный процесс; определить тенденции развития производства алкоголя в XVI – XVIII веках.*

Методология. *Принципы историзма, системности и научной объективности были основными при подготовке статьи. Отдельные научные задачи решались с помощью специальных методов, в том числе сравнительного, типологического и генетического.*

Результаты. *Сохранившиеся источники не позволяют определить точное время появления винокуренного производства в России. Авторы, пытавшиеся отыскать «корни» российского винокурения, не пришли к общему мнению: одни считают, что процесс дистилляции заимствован русскими у европейцев; другие – что курение вина осуществлялось на Руси с незапамятных времен, но источники о том утрачены. Новшества в производстве хлебного вина на протяжении значительного хронологического отрезка были едва заметными. Оборудование винокурен на протяжении многих веков оставалось простым, только чаны со временем стали подогреваться не открытым огнем, а горячим паром. Винокурение было побочным промыслом, рассчитанным на нужды собственного хозяйства. Основным винокуренным материалом являлась рожь. В процессе соложения, брожения и перегонки терялась значительная часть продукта. Правительственные указы мало влияли на производительность и на способы курения вина.*

Вывод. *Основные направления развития винокуренного производства в России заключались в росте численности винокурен, сохранении на протяжении многих лет примитивного устройства, отсутствии потребности у производителей согласовывать количество и качество выпущенной продукции с потребностями рынка.*

Ключевые слова: *винокурение; винокурня; хлебное вино; винокуренные материалы; технологический процесс.*

Финансирование*: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства (номер 0851-20200033).*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Горюшкина Н. Е., Колупаев А. А. Основные тенденции развития винокуренного производства в России (XVI – XVIII века) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 136–146. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-136-146.

Поступила в редакцию 11.08.2022 Принята к публикации 09.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Горюшкина Н. Е., Колупаев А. А., 2022

The Main Trends in the Development of Distillery Production in Russia (XVI – XVIII Centuries)

Natalia E. Goryushkina[1] ✉, Andrej A. Kolupaev[1]

[1] Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation,

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The alcohol sphere is one of the actively reformed spheres in the Russian economy. The state is constantly improving the regulatory arsenal in relation to alcohol in order to achieve a balance of public and fiscal interests. In this regard, the experience of the development of alcohol production in previous historical periods is of particular relevance, which allows us to see the logic of the development of distillery production.*

The purpose *is to indicate the main directions of development of distillery production in Russia.*

The objectives *of the study are determined by the goal and are to: to highlight the existing opinions about the time of the "birth" of distilling in Russia; to consider the smoking of wine as a production process; to identify trends in the development of alcohol production in the XVI – XVIII centuries.*

Methodology. *The principles of historicism, consistency and scientific objectivity were the main ones in the preparation of the article. Individual scientific tasks were solved using special methods, including comparative, typological and genetic.*

Results*. The surviving sources do not allow us to determine the exact time of the appearance of distillery production in Russia. The authors who tried to find the "roots" of Russian distilling did not come to a common opinion: some believe that the distillation process was borrowed by Russians from Europeans; others – that wine smoking has been carried out in Russia since time immemorial, but the sources have not been preserved. Innovations in the production of bread wine for a significant chronological period were barely noticeable. The equipment of distilleries has been simple for many centuries, except that the vats eventually began to be heated not by an open fire, but by hot steam. Distilling remained traditional and agricultural, designed for the needs and capabilities of one traditionally conducted economy. Rye remained the main distillery material. In the process of malting, fermentation and distillation, a significant part of the product was lost. Government decrees had little effect on productivity and on the ways of smoking wine.*

Conclusion. *The main directions of the development of distillery production in Russia consisted in the growth of the number of distilleries, the preservation of a primitive device for many years, the absence of the need for manufacturers to coordinate the quantity and quality of products produced with the market.*

Keywords: *distillery, distillery, grain wine, distillery materials, technological process.*

Funding: *The publication was carried out within the framework of the state task for 2022 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state (number 0851-20200033).*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Goryushkina N. E., Kolupaev A. A. The Main Trends in the Development of Distillery Production in Russia (XVI – XVIII Centuries). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 136–146. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-136-146.

Received 11.08.2022 Accepted 09.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Горячим вином исстари именовалась на Руси жидкость, получаемая в процессе перегонки. Производство его осуществлялось путем дистилляции и называлось винокурением. В том случае, если в полученной смеси преобладал алкоголь, жидкость считали спиртом, если доля алкоголя не превышала 38 – 50° (сотых долей) – вином.

Когда винокурение появилось на русских землях, доподлинно неизвестно, как неизвестно, была ли технология производства горячего вина заимствованной или родилась на Руси независимо от других мест. Истоки и путь винокуренного производства затерялись в глубине веков.

Данная статья представляет собой попытку отыскать «первые шаги» винокурения на российской территории и указать тенденции его развития в последующее время.

Методология

Принципы историзма, системности и научной объективности явились главными методами исследования при подготовке статьи.

Принцип историзма нацелил на рассмотрение винокурения в качестве технологического процесса, который со временем приобретал новые качества, свойства и признаки. Связанные между собой принципы объективности и системности обусловили беспристрастность и комплексность оценок при рассмотрении компонентов винокурения.

Отдельные научные задачи были решены с помощью специальных методов. Сравнительный метод позволил рассмотреть однообразия и различия в производстве хлебного вина в разные временные отрезки, типологический – упорядочить и систематизировать этапы производственного процесса, генетический метод направил автора на раскрытие свойств, функций, особенностей винокуренного производства с XVI в. по XIX в.

Результаты и их обсуждение

Надо отметить, что первые труды по истории винокурения появились в середине XIX в.

В 1862 г. свет обрел «Публичный курс винокурения», читанный по приглашению Министерства финансов заслуженным профессором Московского университета М. Я. Киттары. В нем в основном излагалась технология приготовления вина, о начале курения вина автор упомянул бегло [1].

Взгляд на прошедшее и настоящее состояние винокурения в России представил инженер-технолог С. А. Пахомов, но опыт развития производства алкоголя в ранние исторические отрезки он оставил без внимания [2, с. 51].

Ценный материал по истории винокуренной промышленности, размерах, технике винокуренного производства, рынках сбыта приведен в очерке «О винокурении», который был включен в «Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России», опубликованном в 1865 г. Автором очерка являлся историк и публицист А. К. Корсак [3, с. 215–515].

В книге И. Г. Прыжова история алкоголя рассмотрена «в связи с историей русского народа». Его работа была издана в 1868 г. и содержала немало уникальных сведений о хлебном вине. По мнению исследователя, хлебное вино было впервые получено в Европе, названо водою жизни, aqua vitae, и с этим именем оно пришло на Русь [4, с. 49].

Важным источником о «началах» винокурения является труд К. С. Кропоткина о технологическом процессе изготовления спиртных напитков из хлебных злаков, в котором утверждалось, что производство вина пришло в Россию из Европы [5, с. 341].

Начальник Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей М. И. Фридман в «Винной монополии в России» высказал мнение об «иностранном» происхождении хлебного вина, которое в XVI в. стали производить и в России [6, с. 13].

В советское время данная тема не исследовалась, истоки винокурения, если и освещались, то попутно в работах общего плана.

В последние годы, напротив, написано немало работ, посвященных истории винокурения. Особую ценность имеют исследования С. А. Романова, В. Д. Николаева, Б. В. Родионова, которые базируются на широком круге источников [7; 8; 9; 10].

Несмотря на наличие названных выше работ, основные тенденции винокуренного производства в XVI – XVIII вв. требуют более ясного освещения. Однако сделать это весьма проблематично, поскольку письменных источников, напрямую называвших время возникновения винокурения в России, пока не выявлено. Каждый, кто ставит перед собой задачу найти начало российского винокурения, вынужден довольствоваться косвенными подтверждениями этого факта. Так, ссылаясь на сюжет «Никоновской летописи» о корчемниках, относящийся к 1399 г., историк Д. А. Толстой заключил, что винокуренное производство уже существовало на русских землях [11, с. 73].

Возможно, что первым сохранившимся упоминанием о хлебном вине является послание 1515 г. старцам архимандрита Иосифа Волоцкого: «Кто к кому принесет в келию мед, или вино горячее, или пиво, или квас медвяной, или брагу и вы того не имали ни у кого, ни пили» [12, с. 50].

В 1517 г. обрел свет «Трактат о двух Сарматиях» польского историка М. Меховского. Рассказывая о нравах московитов, он писал: «Они часто употребляют горячительные пряности или перегоняют их в спирт, например мед и другое. Так из овса они делают жгучую жидкость или спирт и пьют, чтобы спастись от озноба и холода: иначе от холода они замерзли бы» [13, с. 114].

Выгонка вина была распространенным занятием. Винокурением занимались и в городах, и в сельской местности. Вплоть до середины XVIII в. любой, кто уплатил налог и имел оборудование, мог курить вино и, усвоив навыки, методы, приёмы выделки вина от отцов и дедов, считаться винокуром.

Однако как выглядело винокуренное оборудование, применявшееся в XVI – XVIII вв., известно мало, поскольку ни оно само, ни его рисунки толком не сохранились. Из наличествующих описаний понятно, что «завод» представлял собой чрезвычайно примитивное, больше похожее на сарай помещение. В так называемых «цехах» были установлены медные кубы с трубами, железные котлы, печи, горны. В качестве «оборудования» использовались ведра, яндовы, чаны, бочки, кади, ушаты, корыта, лохани, корчаги, лопаты, метлы, решета, сита, лейки, горшки, мешки, рогожи, кули, а также пенька, ветошь, багры, скребки, кочерги, топоры, крюки. Рядом с винокурней располагались погреба и сараи. Вода, что надо подчеркнуть, была исключительно важна для производственного процесса, потому «заводы» тяготели к водоемам – прудам, рекам, озерам, родникам. Вода помогала и во время пожаров, которые случались на винокурнях с большой частотой [14, с. 9].

Одно из первых описаний винокуренного завода оставил юрист И. И. Дмитрюков, занимавшийся вопросами русского быта малороссийских переселенцев в Курскую губернию. Он отмечал: «Винокурни состояли из более или менее длинного сарая, заплетенного хворостом и иногда обмазанного глиною и покрытого соломою. Длина его разделялась на три части. В первой находились рабочая и заторные кади, в которых затирали борошно – муку (муку на борошно мололи гораздо крупнее, нежели для хлеба) для работы – квасу; близь их прикадники – небольшие кади, называемые дрожжанки, тестянки и холодники: впереди их длинное, среднее отделение занимали печки и в них казаны – котлы; за казанами, в третьем отделении, была трубница – длинный толстый желоб или сплоченный из

досок длинный ящик, наполняемый постоянно водою, сквозь которую проходили от казанов трубы, выдвинутые концами за трубницу к жбанам – чанам, куда текла иногда рака, иногда заворот, а иногда горилка – водка. Печки с котлами были делаемы попарно и составляли верстать; через каждые две был промежуток называвшийся монастырь, где обыкновенно спали винокуры; перед печками лежал выгребенный из них огонь: это место называлось приклад, где, кроме выгребеннаго жару, клали колоду дров для всегдашнего поддержания огня, и тут же варилась пища винокурам. Печки закрывались толстыми чугунными заслонками, с двумя толстыми же ручками, за которые брались братками – деревянными лещотками, если надобно было принять горячую заслонку. Котлы сначала были небольшие – от 20 фунтов до пуда, а после увеличивались до 5 и более пудов и были медные, нелуженые, наверху закрывались дубовыми досками, в передней части которых находилось четырехугольное отверстие для впущения в котел работы из кадей и вычерпывания остатков после выварки – браги; отверстие это закрывалось четырехугольною, с ручкой, доскою, называемою кружкою. На задней части круга было так же отверстие круглое, на которое ставился перекинутый кверху дном горшок, сперва глиняный, а потом употреблялся деревянный, куда входили из котла пары и через особые три отверстия (по времени делалось одно), с приставленными к ним глиняными же патрубками, проходили в медные прямые трубы (впоследствии была одна витая труба), пропущенная через трубницу, в которой часто подбавляемая свежая вода охлаждала пары и превращала их в року, или заворот, или водку. Как дубовые доски на котлах, так кружка, горшок и патрубки и при них концы труб обмазывались тестом, чтобы не проходили пары. Но можно ли было их удержать? Тесто во всех этих местах или отпаривалось, или объедаемо было мышами и собаками, и значительная часть паров улетала; а вода, от недосмотра винокуров, согревшись в трубницах, не охлаждала паров, сколько должно, – разве только в тех винокурнях, где была наводная вода, проведенная из пруда прямо в трубницы. Но и эта в летнее время была тепла; а льду на лето не заготовлялось. Котлы, через несколько дней, внутри шаровали – чистили скребками и загнутыми железными лопатками, и вымывали, чтоб не пахла водка гарью» [15, с. 6-9].

Еще одно описание винокурни оставил путешествовавший по русским землям шотландец П. Гордон. «3-го Мая 1697 г., – записал он в дневнике, – я увидел здесь (в районе реки Ольшанки. – *Н. Г.*) место, где перегоняют вина. Помещение состояло из дома, в котором находилась печь и котел для кипячения воды. На той стороне был большой чан; на другой – две большие печи, внизу отделенные одна от другой, а наверху соединенные. На той стороне, которая прямо приходилась к наружной стене, были в каждой печи вмазаны два котла, всего четыре» [16, с. 52].

Чтобы произвести алкоголь, требовалось приготовить солод, добавить дрожжи, переработать крахмалосодержащее сырьё, произвести затирание затора, перегнать зрелую бражку, произвести очистку и проверить качество продукта.

Начиналось винокурение с отсыпки (отвеса) винокуренных припасов. Особое предпочтение у винокуров имели хлебные припасы, а именно рожь, пшеница, овес, ячмень, просо, гречиха. Помимо того, использовались кукуруза, рис, горох, картофель и другие культуры, содержавшие в себе крахмал. В единичных случаях в употребление шли мох, солома, березовая или осиновая кора, земляная груша и т. д.

«Независимо от всех улучшений, – свидетельствовал экономист Л. В. Тенгоборский, – которые можно бы внести в винокурение, успехи этой отрасли промышленности зависят всегда и прежде всего от легкости сбыта и от системы налогов, которые определяют цену этого предмета и могут более или менее затруднять или стеснять производство» [17, с. 85]. По причине дешевизны заводчики отдавали предпочтение ржи, которая, надо признать, кроме дешевизны, обладала достоинствами, связанными с легкостью затирания (распаривания), особенно по сравнению с кукурузой, взятой цельными зернами, а также питательностью получаемой в процессе перегонки барды. В большинстве случаев барда скармливалась скоту [18].

Винокуренные припасы помещались в емкость объемом в 4 – 5 бочек, которая называлась заторным чаном. В него наливалась теплая вода. Бывало, что использовалась и холодная вода, но тогда для ее нагревания брали пар из парового котла. В заторном чане мука и теплая вода перемешивались – затирались. Затирание шло при помощи ручных весел (для затирания одной четверти требовалось 5 – 6 сильных работников) или мешалок, приводимых в движение конными приводами. На пуд муки брали около 3-х ведер воды. Смесь в чане в начале затирания ничего особенного не представляла: мука как мука с едва слабым сладким вкусом от прибавки солода. Но чем дольше шло затирание, тем слаще и слаще становился затор, как будто кто-то прибавлял в заторный чан сахар. После нескольких часов затирания полученную сладкую жидкость спускали из заторника в холодильник – плоский чан, в котором к осахаренному затору, или суслу, прибавляли льда, чтобы оно закисло, а потом переливали в большие глубокие чаны, которые стояли в квасильном (бродильном) отделении. Затор оставляли в покое до тех пор, пока он, подобно тесту, замешанному для приготовления хлеба, не поднимался, и не начинал трескаться. В этот момент от винокура требовалось особенное искусство. Он должен был определить время, когда приступить к обварке затора. Опытные винокуры считали, что затор был готов для обварки, если «трещины достигли толщины гусиного пера». Обварка затора производилась кипятком (на 1 пуд муки расходовалось 3 ведра кипящей воды). Ее вливали, помешивая лопатами. «Кружению» затора придавали особое значение: его мешали только в одну сторону, считая, что, если производить разнонаправленные движения, то сладость затора пропадет сама собой [5, с. 354].

К суслу прибавляли дрожжи – маленькие грибки, которые при обращении сахаристой массы в спирт выделяли угольную кислоту.

Процесс брожения продолжался 4 – 5 дней. Сусло со временем теряло сладость и приобретало запах спирта. Полученная жидкость именовалась брагой (бражкой). «Созревшая» брага имела бурый цвет и консистенцию жидкой каши, в которой было много воды и мало спирта [19, с. 11–12].

Чтобы отделить спирт от воды и твердых примесей (барды), брагу направляли в перегонный аппарат, который представлял собой змеевик. Вода в паровом котле нагревалась до температуры кипения, превращалась в пар и по трубке входила в нижнюю часть аппарата. Пар нагревал брагу и, захватывая пары спирта, по особой трубе переходил в верхнюю часть аппарата. Смесь паров остужалась снаружи холодной водой. Образовавшаяся из охлажденных паров жидкость стекала назад в куб или вытекала из прибора и разливалась в спиртовые 40-ведерные бочки [20, с. 2].

Перегонные аппараты были просты в устройстве, разница в их конструкции заключалась в разных видах нагреватель-

ного или холодильного отделения. Получить качественный спирт на таковых аппаратах было невозможно, потери спирта были высоки. Точно определить выход спирта сложно. Предположительно, из мешка ржаной муки выходило 5 – 6 ведер полугара. Если считать, что в мешок помещалось 9 пудов ржи, то из пуда ржи получалось 0,55 – 0,66 ведер полугара [5, с. 354].

Такой выход был выгоден владельцу винокуренного завода лишь в том случае, если винокуренные припасы, топливо и труд работников доставались ему задаром. Винокурение на протяжении многих веков оставалось традиционным и сельскохозяйственным, рассчитанным на нужды и возможности одного традиционно ведшегося хозяйства. Несмотря на то, что численность винокурен со временем росла, их устройство не менялось. Инженер-технолог С. А. Пахомов объяснял этот факт тем, что заводчики знали, что их товар всегда найдет покупателя, несмотря на качество, тем более что основная их часть была ограничена в денежных средствах и строила исстари заводы «на куриных ножках» [21, с. 2–3].

В описании винокурни, оставленном немецким путешественником П. С. Палласом, который побывал на винокуренном заводе неподалеку от реки Оки в промежуток между 1768 г. и 1771 г., мы находим: «Здешний завод был в действии и имел 14 чанов и 56 котлов, снабженных, как это обыкновенно бывает, деревянными крышками и короткими, широкими трубками; этих последних было у каждого котла три, шириною в четыре пальца. Котлы и чаны стоят вне здания винокурни, под особенной покрышкой; а трубы проведены сквозь стену здания и по желобу, в который постоянно притекает вода для охлаждения. Из этих огромных труб вино выливается на доску с нарезанными реями, по которым оно бежит в подставленные открытые чаны» [22, с. 423].

При столь примитивном устройстве «цехов» немалое количество спирта попросту улетучивалось. Горячий пар выбрасывался из труб. Он был настолько крепок, что мог вспыхнуть от малейшей свечи, потому винокурение считалось пожароопасным производством. За четверть часа цех наполнялся густым паром, который пьянил и работников, и посетителей.

До конца XVIII в. все части заводских аппаратов, за исключением медного куба, делались из дерева (в основном елей). Внутри деревянных стволов высверливались нужные «изгибы». Даже аппарат, исполнявший роль ректификатора, представлял собой деревянный ящик с наклонными перегородками.

Описание винокуренного завода этого времени оставил профессор и декан коммерческо-технического отделения Императорского Московского технического училища Я. Я. Никитинский. «Среди необозримых сжатых хлебных полей, идете вы поздней осенью к заводу, – так начинал он свою экскурсию, – издали доносится к вам с завода особый запах; подъезжаете ближе – запах становится ощутительнее. Вот, наконец, запруживающая речонку плотина, по которой вы еле пройдете: вас не пускают воза с хлебом, которые дожидаются своей очереди, пока хлеб, все больше рожь, не свалится в амбар. В дверях амбара стоит приемщик и вешает привезенный хлеб; у задних дверей сарая такая же суетня: отсюда одни рабочие перевозят принятый уже хлеб на мельницу, а другие – в невысокий каменный сарай. Пойдемте за последними. – Вот они привезли зерно в сарай, или, скорее, в подвал. Толстые, двойные двери затворяют за вами вход; почти совершенно темно; все небольшие окна завешены рогожами; вы идете почти ощупью и натыкаетесь, прежде всего, на большой

чан; сюда рабочие валят зерно и наливают чан водою. Когда зерно поразмякнет, воду из чана спускают, а моченое зерно складывают на полу подвала сначала в грядки, а потом – в кучи. В ближних кучах, которые недавно положены, ничего особенного не заметно – в них находится простое моченое зерно; в тех же, которые пролежали долее, каждое зерно дало белый росток; мало того, если вы попробуете на вкус такое зерно с ростком, то окажется, что оно сладко, как будто пропитано сахаром» [20, с. 1].

Очистить спирт от «нечистот» были призваны фильтры и (или) коагулянты. В качестве фильтра использовался древесный (березовый или липовый) уголь, войлок, сукно, гашеная известь. Коагулянтами выступали молоко, яичный белок и даже рыбий клей (карлука). Для повышения содержания алкоголя в напитке использовались повторные взгонки, их число доходило до 4-х и 6-ти. После проведенных «процедур» полученную жидкость сдабривали настойками из пряностей и душистых трав. Поверка «доброты» вина осуществлялась путем отжига [23].

На протяжении нескольких веков процесс винокурения почти не менялся и состоял, по существу, из трех операций: соложения, брожения, перегонки [24, с. 138].

Выводы

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют определить точное время появления винокуренного производства. Авторы, пытавшиеся отыскать «корни» российского винокурения, не пришли к общему мнению: одни считают, что процесс дистилляции был заимствован русскими у европейцев; другие – что курение вина осуществлялось на Руси с незапамятных времен, но источники о том не сохранились. Новшества в производстве хлебного вина на протяжении рассмотренного нами в статье хронологического отрезка были едва заметными. Оборудование винокурен оставалось простым, разве что чаны со временем стали подогреваться не открытым огнем, а горячим паром. Винокурение являлось традиционным и сельскохозяйственным, рассчитанным на нужды и возможности собственного хозяйства. Основным винокуренным материалом оставалась рожь. В процессе соложения, брожения и перегонки терялась значительная часть продукта. Правительственные указы мало влияли на производительность и способы курения вина.

Список литературы

1. Киттары М. Я. Публичный курс винокурения, читанный по приглашению Министерства финансов профессором Киттары. СПб.: Ред. журнала «Промышленность», 1862. Вып. 1. 192 стб.

2. Пахомов С. А. Взгляд на прошедшее и настоящее состояние винокурения в России. Одесса: Тип. П. Францова, 1866. 52 с.

3. Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России: в 3-х т. СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1865. Т. 3. С. 215–515.

4. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольф, 1868. 320 с.

5. Кропоткин К. С. Исторический очерк производства охмеляющих напитков: Винокурение по новейшим способам. СПб.: Т-во пар. скоропеч. Яблонского и Перотт, 1889. 575 с.

6. Фридман М. И. Винная монополия в России. М.: Общество купцов и промышленников России, 2005. 555 с.

7. Романов С. А. История русской водки. М.: Вече, 1998. 442 с.

8. Николаев В. Д. Водка в судьбе России. М.: Парад, 2004 (ФГУП Изд-во Известия). 283 с.

9. Григорьева В. З. Водка известная и неизвестная. XIV−XX века. М.: Эннеагон Пресс, 2007. 279 с.

10. Родионов Б. В. История русской водки от полугара до наших дней. М.: Эксмо, 2011. 335 с.

11. Толстой Д. О винной регалии в России до времен Петра Великого // Отечественные записки. СПб., 1842. Т. 23, № 8. С. 53–80.

12. Сочинения Иосифа Волоцкого: [рукопись]. [Б. м.], XVII в.

13. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: Академия наук СССР, 1936. 288 с.

14. Практический руководитель по винокурению: по новейшим источникам и самоличным опытам применительно к современной технике винокурения / сост. и изд. В. Линкгрейм. Ревель: Тип. Г. Матизена, 1897. 219 с.

15. Лазаревский А. М. Украинская литературная летопись за 1856 г. Чернигов: Губернская тип., 1856. 36 с.

16. Гордон П. Дневник Гордона. СПб.: Изд. М. Е. Поссельта, 1849.

17. Тенгоборский Л. В. О производительных силах России: в 2-х ч. М.: В Универ. тип., 1855. Ч. 2. 587 с.

18. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 574. Оп. 2. Д. 42. Л. 85–86.

19. Якубенко. Опытный мастер-винокур и водочник, общеполезный советник по винокурению, виноделию, пивоварению и медоварению. М.: С. И. Леухин, 1882. 268 с.

20. Никитинский Я. Я. Винокурение и торговля спиртом: технические успехи винокурения, выкурка спирта и положение торговли спиртом в России и главнейших государствах. СПб.: Тип. Киршбаума, 1893. 145 с.

21. Пахомов С. А. Взгляд на прошедшее и настоящее состояние винокурения в России. Одесса: Тип. П. Францова, 1866. 52 с.

22. Palalas P. S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches. Riga: Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1774. T. 2. 774 c.

23. Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. III. 1698. № 1655.

24. Нейман Э. Руководство к паровому винокурению, для винокуров и сельских хозяев. СПб.: Тип. вдовы Байковой, 1832. 276 с.

References

1. Kittary M. Ya. Publichnyj kurs vinokureniya, chitannyj po priglasheniyu Ministerstva finansov professorom Kittary [Public distilling course, delivered at the invitation of the Ministry of Finance by Professor Kittara]. St. Petersburg, Red. zhurnala "Promyshlennost'" Publ., 1862, is. 1. 192 stb.

2. Pahomov S. A. Vzglyad na proshedshee i nastoyashchee sostoyanie vinokureniya v Rossii [A look at the past and present state of distilling in Russia]. Odessa, Tip. P. Francova, 1866. 52 p.

3. Obzor razlichnyh otraslej manufakturnoj promyshlennosti Rossii [Overview of various branches of the Russian manufacturing industry]. St. Petersburg, Tip. V. N. Majkova, 1865, vol. 3, pp. 215–515.

4. Pryzhov I. G. Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriej russkogo naroda [The history of pubs in Russia in connection with the history of the Russian people]. St. Petersburg, Moscow, Tip. M. O. Vol'f, 1868. 320 p.

5. Kropotkin K. S. Istoricheskij ocherk proizvodstva ohmelyayushchih napitkov: Vinokurenie po novejshim sposobam [Historical sketch of the production of hopping drinks: Distilling by the latest methods]. St. Petersburg, T-vo par. skoropech. Yablonskogo i Perott, 1889. 575 p.

6. Fridman M. I. Vinnaya monopoliya v Rossii [Wine monopoly in Russia]. Moscow, Obshchestvo kupcov i promyshlennikov Rossii, 2005. 555 p.

7. Romanov S. A. Istoriya russkoj vodki [The history of Russian vodka]. Moscow, Veche Publ., 1998. 442 p.

8. Nikolaev V. D. Vodka v sud'be Rossii [Vodka in the fate of Russia]. Moscow, Parad Publ., 2004 (FGUP Izd-vo Izvestiya). 283 p.

9. Grigor'eva V. Z. Vodka izvestnaya i neizvestnaya. XIV−XX veka [Vodka is known and unknown. XIV−XX centuries]. Moscow, Enneagon Press, 2007. 279 p.

10. Rodionov B. V. Istoriya russkoj vodki ot polugara do nashih dnej [The history of Russian vodka from polugar to the present day]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 335 p.

11. Tolstoj D. O vinnoj regalii v Rossii do vremen Petra Velikogo [About wine regalia in Russia before the time of Peter the Great]. *Otechestvennye zapiski = Domestic notes*. St. Petersburg, 1842, vol. 23, no. 8, pp. 53–80.

12. Sochineniya Iosifa Volockogo [The writings of Joseph Volotsky]: [rukopis'], XVII v.

13. Mekhovskij M. Traktat o dvuh Sarmatiyah [A Treatise on the Two Sarmatians]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1936. 288 p.

14. Prakticheskij rukovoditel' po vinokureniyu: po novejshim istochnikam i samolichnym opytam primenitel'no k sovremennoj tekhnike vinokureniya [Practical guide on distilling: according to the latest sources and personal experience in relation to modern distilling technology]; ed. by V. Linkgrejm. Revel', Tip. G. Matizena, 1897. 219 p.

15. Lazarevskij A. M. Ukrainskaya literaturnaya letopis' za 1856 g. [Ukrainian literary chronicle for 1856]. Chernigov, Gubernskaya tip., 1856. 36 p.

16. Gordon P. Dnevnik Gordona [Gordon's Diary]. St. Petersburg, Izd. M. E. Possel'ta, 1849.

17. Tengoborskij L. V. O proizvoditel'nyh silah Rossii [About the productive forces of Russia]. Moscow, V Univer. tip. Publ., 1855, pt. 2. 587 p.

18. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [Russian State Historical Archive], f. 574, op. 2, d. 42, l. 85–86.

19. Yakubenko. Opytnyj master-vinokur i vodochnik, obshchepoleznyj sovetnik po vinokureniyu, vinodeliyu, pivovareniyu i medovareniyu [An experienced master distiller and vodochnik, a generally useful adviser on distilling, winemaking, brewing and honey making]. Moscow, S. I. Leuhin Publ., 1882. 268 p.

20. Nikitinskij Ya. Ya. Vinokurenie i torgovlya spirtom: tekhnicheskie uspekhi vinokureniya, vykurka spirta i polozhenie torgovli spirtom v Rossii i glavnejshih gosudarstvah [Distilling and alcohol trade: technical successes of distilling, alcohol smoking and the situation of alcohol trade in Russia and the main states]. St. Petersburg, Tip. Kirshbauma, 1893. 145 p.

21. Pahomov S. A. Vzglyad na proshedshee i nastoyashchee sostoyanie vinokureniya v Rossii [A look at the past and present state of distilling in Russia]. Odessa, Tip. P. Francova, 1866. 52 p.

22. Palalas P. S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches. Riga, Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1774, vol. 2. 774 p.

23. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. I, vol. III, 1698, no. 1655.

24. Nejman E. Rukovodstvo k parovomu vinokureniyu, dlya vinokurov i sel'skih hozyaev [A guide to steam distilling, for distillers and rural owners]. St. Petersburg, Tip. vdovy Bajkovoj Publ., 1832. 276 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: gor046@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4643-0108

Natalia E. Goryushkina, Dr. of Sci. (Historical), Associate Professor, Head of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: gor046@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4643-0108

Колупаев Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kolupaev79@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9438-3430

Andrej A. Kolupaev, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kolupaev79@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9438-3430

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-147-158

(cc) BY 4.0

Особенности притока однодворцев в города Центрального Черноземья в XVII – XIX веках

К. Б. Кудланов[1] ✉

[1]Курское региональное отделение Российского общества историков-архивистов
ул. Ленина 57, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: Kudlanov777@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Статья посвящена актуальному урбанизационному вопросу, который автор рассмотрел на примере однодворцев Центрального Черноземья. Новизна исследования состоит в комплексном анализе массы неопубликованных и нарративных источников, показавшем, что означенная тема действительно не получила ещё серьёзной оценки в научной литературе. Данная статья имеет в себе ряд выводов, полезных как для исследований городских миграций в целом, так и для изучения однодворческого сословия в частности.*

Цель *– определить особенности притока в городские конгломерации Центрального Черноземья служилых людей и их потомков с начала XVII по середину XIX века.*

Задачи *состоят в рассмотрении: географии притока; феномена перехода однодворческих сёл в города; сословного состава переселяющихся; различных сложностей, препятствующих потомкам служилых людей передвижению в городскую местность.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались принципы макро- и микроисторического анализа, соединение общих и уникальных явлений, а также статистического, картографического и историко-сравнительного, типологического и генетического методов.*

Результаты. *Характер урбанизационных процессов у однодворцев изменялся по той причине, что из очагов расселения и крепостей города преобразовываются в торгово-промышленные центры. По мнению исследователя, во время переселений в городскую местность происходило наибольшее смешивание потомков служилых людей по прибору и по отечеству в рамках однодворческого сословия. Особенно это явление отражалось на их менталитете. Эволюция в географии притока служилых людей и их потомков в города Центрального Черноземья состояла в доминировании заселения в XVII веке, а в XVIII–XIX веках – расселения.*

Вывод. *Автор выявил основные и дополнительные факторы, увеличивающие миграцию в город для служилых людей и их потомков. Ко вторым в XVIII веке нужно отнести массовый переход однодворческих сёл в города, а в XIX веке – бюрократическое упрощение, сопровождающие переселения в городскую местность. К основным факторам в XVII веке нужно отнести принудительный свод служилых людей из разных местностей в города, а для XVIII–XIX веков – рост товарно-денежных отношений.*

Ключевые слова: *служилые люди; однодворцы; город; уезд; Центральное Черноземье.*

Благодарность: *Выражаем глубокую благодарность Р. О. Голубкову за предоставленный статистический архивный материал по переселенцам в г. Путивль.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Кудланов К. Б. Особенности притока однодворцев в города Центрального Черноземья в XVII – XIX веках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 147–158. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-147-158.

Поступила в редакцию 10.08.2022 Принята к публикации 05.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Кудланов К. Б., 2022

Peculiarities of the One-Courtyard People Inflow Into the Cities of the Central Chernozem Region in the XVII–XIX Centuries

Konstantin B. Kudlanov[1] ✉

[1]Kursk Branch of the Russian Society of Historians and Archivists
57 Lenina Str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: Kudlanov777@mail.ru

Abstract

Relevance. *The article is devoted to the topical urbanization issue, which the author considered on the example of the one-courtyard people of the Central Chernozem Region (hereinafter – CC). The novelty of the study lies in a comprehensive analysis of the mass of unpublished and narrative sources, which showed that the aforementioned topic has not really received a serious assessment in the scientific literature. This article contains a number of useful conclusions both for the study of urban migrations in general and for the study of the smallholders estate in particular.*

Purpose *is to determine the features of the influx of the military service people and their descendants into the urban conglomerations of the Central Chernozem region from the beginning of the XVII-th to the middle of the XIX-th centuries.*

Objectives *are to study: the geography of the inflow; the phenomenon of the transition of smallholders villages to the cities; the estate composition of the migrants; various difficulties that prevent the descendants of the military service people from moving to the urban area.*

Methodology. *In the process of working on the study were used the principles of macro- and microhistorical analysis, the combination of common and unique phenomena, as well as statistical, cartographic and historical-comparative, typological and genetic methods.*

Results. *The nature of the urbanization processes among the one-courtyard people changed for the reason that from the centers of settlement and fortresses, the cities are being transformed into commercial and industrial centers. According to the researcher, during the migrations to the urban area, the greatest mixing took place within the framework of the one-courtyard people estate between the descendants of the recruited military service people and the descendants of the boyar children. This phenomenon was especially reflected in their mentality. The evolution in the geography of the influx of the military service people and their descendants into the cities of the Central Chernozem region consisted in the dominance of distant migrations in the XVII-th century, and in the XVIII-th–XIX-th centuries – nearby resettlements.*

Conclusion. *The author identified the main and additional factors that increase migration to the city for the military service people and their descendants.*

To the additional factor it is necessary to attribute the massive transition of one-courtyard people villages to the cities in the XVIII-th century, and in the XIX-th century – bureaucratic simplification that accompanies relocation to urban areas. To the main factors it is necessary to attribute the forced resettlement of the military service people from different localities to the cities in the XVII-th century, and for the XVIII-th–XIX-th centuries – the growth of commodity-money relations.

Keywords: *military service people; one-courtyard people; smallholders; city; county; Central Chernozem region.*

Acknowledge: *We express our deep gratitude to R. O. Golubkov for providing statistical archival material on the displaced persons in Putivl.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kudlanov K. B. Peculiarities of the One-Courtyard People Inflow Into the Cities of the Central Chernozem Region in the XVII–XIX Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 147–158. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-147-158.

Received 10.08.2022 Accepted 05.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Актуальный вопрос изменения численности городского населения является неотъемлемой частью демографического развития. *Цель* данной статьи состоит в установлении особенностей притока однодворцев в города Центрального Черно-

земья (далее – ЦЧ) с начала XVII по середину XIX в. В изучаемое время мы наблюдаем два периода, отличающихся характером миграций в город среди однодворцев ЦЧ. В первый временной промежуток борьбы с Крымским ханством доминировал фактор безопасности, а во второй отрезок мирного времени – рост капиталистических отношений. Однако приток служилых людей в города для занятия промыслами и торговлей встречались и до означенного рубежа. Кстати, стык этих периодов в начале XVIII в. для ЦЧ совпадает с общегосударственными циклами: царства и империи.

Методология

Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при обозначении общих урбанизационных процессов в разные временные отрезки; сужая охват исследования, микроанализ позволил включить микрообъекты (конкретные группы переселенцев) в широкий исторический контекст.

Для рассмотрения динамики особенностей притока однодворцев в города мы использовали традиционные методы историографического исследования: историко-сравнительный, историко-типологический и историко-генетический. Статистический метод наблюдения позволил выявить роль тех или иных мест выхода в географии заселения некоторых городов ЦЧ. Картографический метод исследования позволил сопоставить территориально-административное деление XVI–XVII вв. с XIX в. в изучаемой нами местности. Соединение общих и уникальных явлений позволило выявить особенности притока служилых людей и их потомков в города ЦЧ.

В своей совокупности весь применённый нами комплекс методов позволяет получить достоверные результаты исследования.

Результаты и их обсуждение

Важным для осмысления вопроса стечения потомков служилых людей в города является дело «о выдаче 170 однодворцам пригородных сёл Воронежа участков земли в 1791–1793 гг.» [1, л. 55–68]. В нём указаны места выхода 69% от всех представленных в реестре семей, т. е. у 54 из всех 65 числящихся в г. Воронеже с 1 по 4 ревизии «бобыльского чина однодворцев наличных душах м.п.». На основе этого документа мы составили следующую обобщающую таблицу, проясняющую некоторые особенности урбанизационного процесса в ЦЧ.

Таблица. Приток в слободы г. Воронежа однодворцев бобыльского чина между 1718–1782 гг. [1, л. 55–68]

Показатели	1718	Разница за 24 года	1742	Разница за 20 лет	1762	Разница за 20 лет	1782	Разница между 1718 и 1782 гг.
Общее количество душ м.п.	82	26	108	9	117	55	172	90
Семей	42	10	52	3	55	10	65	
Средняя семья душ м.п.	2,1	0,2	2,3	0,1	2,4	0,3	2,7	2,4
Семей, превышающих по численности среднюю семью	13	3	16	6	22	6	28	19,7
Прибыло между ревизиями семей. *Из них:*	35	-25	10	-7	3	7	10	58
расселение внутри уезда	1	0	1		-		1	3
расселение внутри губернии	23	-19	4	-4		3	3	30
расселение между губерниями ЦЧ	1	-1		0		2	2	3
заселение	-	-11,2	1	20	2	20	1	4
Среднее значение расселения	8,3	-	2	-	0,5	-	1,75	3,1

Итак, в среде однодворцев бобыльской службы г. Воронежа в этот период помимо притока постоянно прослеживалось укрупнение количественного состава семей с 2,1 до 2,7 душ м.п. на семью и повышения показателя количества семей, превышающих по численности среднестатистическое семейство этой группы. Первый фактор меньшего наличия мужчин в семьях после переселения в город, при имеющихся исключениях прихода многодетных семейств, свидетельствует о приросте в их среде, об отсутствии у них разделов, а также о том, что большинство мужчин в город приходило в молодости. Мы не можем с уверенностью сказать, приходили они с жёнами или поодиночке. Скорее всего, сторонники традиционного менталитета переселялись со своими жёнами [2, с. 143]. Однако факт численного доминирования в городах мужчин над женщинами [3, с. 226] свидетельствует о значительном притоке неженатых переселенцев. Да и по свидетельству специалиста по XVIII в. Ф. И. Лаппо, холостым было легче зацепиться в городе, женясь на горожанке[1].

Наибольшая подвижность однодворцев прослеживалась до проведения 1 рев., в период перехода региона на мирное русло, а наименьшая – между 2 и 3 рев., во время наибольшей эксплуатации однодворцев Украинской ландмилицией. Обратное явление мы встречаем в уездных городах ЦЧ. Так, по свидетельству специалиста по микродемографии А. П. Никулова, в начале XVIII в. поток уездных жителей и «новоприходцев» в пределы городской черты Старого Оскола был ещё мал [4, с. 141]. Однако впоследствии этот процесс имел тенденцию к увеличению. Так, Ф. И. Лаппо между 2 и 3 ревизиями заметил в г. Обояни рост городского населения за счёт сельского, причём он проходил даже быстрее, чем в Курске и Белгороде [5, л. 47].

Важная закономерность состоит в том, что чуть меньше половины от всех пришедших потомков служилых людей в г. Воронеже (39 из 54 известных) составляли выходцы из других городских конгломераций, причём 14 из 39 семей пришли из упразднённых городов-крепостей (5 из Тамбовской губ. и 9 из Воронежской). Это не было удивительным, ведь городов, бывших крепостей, в которых к 1744 г. население состояло исключительно из однодворцев, только в одном Воронежском крае имелось немало (Демшинск, Костенск, Орлов, Ольшанск, Верхососенск и др.) [6, с. 39]. Подобные города являлись одними из главных поставщиков однодворцев не только в губернские центры, но и в уездные. Например, в г. Коротояке мы находим Урывскую слободу, основанную выходцами из одноимённого ей упразднённого города-крепости [7, с. 19]. В целом, пример географии г. Коротояка демонстрирует нам идентичность процессов расселения в уездных и губернских городах. Ведь помимо урывских сходцев, по свидетельству М. А. Германова, в г. Коротояк в разное время расселялись однодворческие семейства из соседнего уездного центра г. Острогожска, а также из ближайших селений Яблочного, Мастюгина и др. [8, с. 287]

Важно отметить ещё и то, что соотношение видов расселений в разных губернских центрах отличалось. Так, Ф. И. Лаппо подсчитал, что из всех 132 чел., желающих приписаться в однодворческие слободы г. Курска во время 3-й ревизии (1762 г.), 119 являлись выходцами из деревень Курского и других уездов и лишь 13 ходатайствовали о переводе их из одной городской слободы и другую [4]. Таким образом, схожесть с г. Воронежем состоит в том, что местные однодворцы составляли незначительную часть (9,8%) от всех переселившихся. Различие же состоит в том, что остальные 90,2% из

[1] Лаппо Ф. И. Курск в период разложения крепостнических отношений. (Вторая половина XVIII века). URL: https://gorenka.org/6520/?ysclid= l7lg1le0pu491331639 (дата обращения: 20.07.2022).

пришедших в г. Курск составляли сельские жители, а в г. Воронеж – 27,8%, т. е. в три раза меньше. На наш взгляд, это было вызвано пространственно-временными факторами. Во-первых, если Ф. И. Лаппо предоставляет подробные данные только в течение одной ревизии по всем слободам г. Курска, то исследование по бобылям, наделённым землёй в г. Воронеже, затрагивает только одну слободу, но на протяжении 4-х ревизий. Во-вторых, Воронежская губ. больше располагалась на черте, а Курская – в тылу. От этого на территории первой губернии имелось больше однодворческих городов-крепостей, а следовательно, и служилых людей по прибору. В-третьих, все подобные упразднённые городские конгломерации в Курском крае географически располагались ближе к Белгороду, являвшегося и столицей региона до 1779 г. [9, с. 83] Следовательно, для промысла и торговли служилые по прибору стремились стекаться туда. Курск же хоть и являлся крупнейшим коммерческим центром в регионе, но география притока туда однодворцев ограничивалась ближайшей местностью.

Возвращаясь к анализу таблицы, отметим, что в целом подвижность всех городских однодворцев бобыльской службы была колоссальной. Коренных воронежцев среди них мы обнаружили всего 2 семьи. Остальные же попали туда различными видами переселений. Их география притока распределялась непропорционально. Заселение составляло 6,9% от всей подвижности этих однодворцев, больше половины из них – 51,7% расселялись из уездов Воронежской же губ., а также по 5,1% приходилось на расселения внутри Воронежского уезда и между губерниями ЦЧ. У остальных 12 семей география прихода не указана[1]. Более подробно места выхода этой группы однодворцев в г. Воронеж распределялись следующим образом. Одна семья вышла из Курского нам. и округи из с. Шумакова, другая – из новокрещённых мурз, пришла из Пензенского нам. Керенской округи с. Нижского Шичилей [1, л. 53]. Из Тамбовской губ. пришло 7 семей: из Усманского у. 4 (по 2 из Усмани и Демшинска), из Липецкого у. 2 (по 1 из Соколова и Доброго), а также одна семья из Чернавска Козловского уезда. Из Воронежской губ. вышло 33 семейства: 3 из Воронежского у. (1 из Чижевской сл. г. Воронежа и 2 из других селений уезда), 1 из г. Костенска Нижнедевицкого у., 8 из г. Белоколодска Задонского у., а также 21 семья из Землянского у., 15 из которых сошли из самого г. Землянска.

Для выявления динамики географии притока в городскую местность между изучаемыми нами периодами обратимся к источникам по заселению г. Путивля, где между 1613–1628 гг. формировался отряд донских казаков. Итак, из замосковных городов в 1613–1628 гг. пришло 56,8% от всех вёрстанных донских казаков в г. Путивле (75 душ). Это направление включало в себя выходцев из 6 различных губерний (Ярославльской, Владимирской, Новгородской, Тверской, Смоленской и Московской). Заселение из остальных местностей насчитывало 14 душ. С западной траектории заселилась основная их часть (13 душ), вышедшая из 3 разных губ. (Новгород-Северской, Черниговской и Литвы[2]). От всех вёрстанных в Путивле донских казаков эта группа составляла 9,8%. Один же казак, пришедший из будущей области Войска Донского, представлял южную траекторию заселения. Заселение из северных местностей ЦЧ, т. е. 3-х губерний ареала Большой засечной черты (Калужской, Тульской и Рязанской), насчитывало 10 чел., или 7,7% от всех вёрстанных донских казаков. Расселение среди губерний ЦЧ прослеживалось в 8 душах из Орловской губ. и составляло 6,1%. Расселение между

[1] 8 чел. пришло неизвестно откуда, 2 – из ландмилиции и 2 – из других военных чинов.

[2] В источнике точное место выхода не указано.

уездами Курской губ. Наблюдалось только у 2 выходцев из под Рыльска (1,5%). Поток же расселения внутри Путивльского у. был значительнее и состоял из 19 душ (14,6%). Всего же в ареале системы Большой засечной черты было вёрстано 29,5% от всех прибранных в службу, или 39 душ [11, л. 1–88 об.]. Все 3 вида заселений в совокупности составляли 76,1%, а 3 разновидности расселений – 22,3%.

Из приведённого мы можем заключить, что очагам расселения требовалось время для созревания до выселенческой кондиции. Накопление же достаточной плотности населения на юге со временем смещало траекторию заселения в сторону расселения от новых переселенческих очагов, в том числе по причине оскудения прежних. Следовательно, разница в географии притока однодворцев в города ЦЧ состояла в том, что она смещалась пропорционально мере продвижения осваиваемой территории на юг. До XVII в. и в его начале служилых людей сводили из дальних мест, т. е. замосковных городов. Затем этот процесс протекал из крепостей Тульской оборонительной черты, впоследствии из тыловых городов Белгородской черты, а уже после замирения края – из близлежащей местности.

Другой распространённой формой урбанизационного движения для потомков служилых людей в XVIII в. являлся массовый переход однодворческих сёл в города. В таких случаях сельские однодворцы, по коллизии судьбы, становились городскими жителями. Эта форма перехода создавала уникальное явление, когда дети боярские оказывались основными обитателями некоторых городов. Во время формирования наместничеств подобные феномены наблюдались в Нижней Девице Воронежского нам. [11, с. 180], Гвазды Тамбовского нам. [12, с. 8], Фатеже [13, с. 154], Щиграх [15, с. 204], Богатом [13, с. 183] и Тиме Курского нам., а также некоторых других.

Важным будет отметить, что незначительный приток однодворцев в города влиял ряд бюрократических трудностей, требуемых для переселения к исполнению. Податная система, учреждённая при Петре I, значительно препятствовала желающим стекаться в города. Переселяясь в городскую местность, однодворцы обязывались представлять удостоверения о том, что они «приобвыкли к промыслу» и имеют там обзаведение, а также одобрены домохозяевами города в своей благонадёжности. Если переселение влекло за собой раздробление семейства, то оно запрещалось. У родных обществ однодворцам требовалось получение согласия и свидетельство о том, что средства для пропитания остающихся в деревне обеспечены и их земля «не останется впусте». К тому же от переселяющихся однодворцев требовалось внесение трёхгодичной подати или её залога [14, с. 82–83]. Таким образом, Петровское правительство создавало, с одной стороны, предпосылки для нового вовлечения крестьян в города, в ремесло, на мануфактуру и на строительства, а с другой стороны, оно же и тормозило это вовлечение. Единственный законный канал, по которому могло направляться сельское население в города, были отходы [15, с. 52–53].

На примере пришедших однодворцев в г. Курск между 2 и 3 рев. Ф. И. Лаппо замечал, что все лица, вновь поселившиеся в слободах, не сразу записывались в однодворческое общество, а лишь во время ревизий. Например, основная масса тех, чьё принятие оформили в 1762 г., фактически проживала в Курске, по их словам, «лет 15», т. е. с 1747 г. Несомненно, что не все желающие принимались в общество городских слобод, а лишь те, кто имел средства на покупку дома или возможность породниться со слобожанами путём женитьбы на вдовах и дочерях однодворцев [4]. Имелась и такая категория счастливчиков, кому правительство в пригородных сёлах и слободах предоставляло даже земельные угодья. Такое явление мы наблюдаем в декабре 1791 г. в пригородах г. Воронежа

[16, с. 201]. Встречались и массовые переселения односельчан в город. Например, из с. Хреновца между 1782 и 1795 гг. выселилось 9 душ в Казацкую слободу г. Курска, где их положили в однодворческий оклад [17, с. 145]. Альтернатива официального переселения состояла в постоянном проживании в городе без оформления. Известно, что, кроме лиц, приписанных в слободах г. Курска, в 1782 г. было зарегистрировано 128 душ, записавшихся по 4-й ревизии в своих селениях, но фактически живших в Курске. В 1795 г. численность подобной категории составляла 216 человек [4]. Не всегда их участь была завидной. Например, ломовой извозчик, не записавшийся в слободах, всё же обычно перевозил свою семью в город. Однако сам он жил у рядчика, а его жена поступала куда-нибудь в кухарки или няньки. Так и коротали весь век, видясь между собой только по временам, урывками, в праздники и воскресные дни [18, с. 106].

В конце 20-х и начале 30-х годов XIX века произошло падение бюрократических стеснений для переселений однодворцев в города. Теперь такие переезды допускались и потомкам служилых людей разрешалось иметь в городских конгломерациях недвижимую собственность. Правительство признавало, что это «будет полезно, сколько для них самих, представляя им новые возможности к выгодному употреблению их собственности и к расширению круга их промышленности, столько и для городов, наипаче уездных, которых благосостояние может улучшиться умножением народонаселения и облегчением жителей в исправлении повинностей». Отныне в месте водворения им нужно было только одобрение от домохозяев города в их благонадежности, а в месте выхода получение согласия общества. К тому же вместо трехлетней подати им разрешалось ограничиться лишь годичной [14, с. 82–83]. Кстати, это упрощение касалось всех категорий государственных крестьян.

Теперь обратимся к сопоставлению сословного состава городских переселенцев в двух упомянутых периодах. С одной стороны, в небезопасное время мы видим, что многие сословия стекались в город, чтобы пополнить ряды служилых по прибору, в другой же период, наоборот, однодворцы уже состоят в числе многих, желающих вступить в городские сословия. Для того чтобы не остаться голословными, приведём реальные факты озвученного выше. Так, для формирования и пополнения Донского казачества г. Путивля в 1613–1628 гг. использовался достаточно широкий круг сословий. Социальное положение известных нам 51 чел. распределяется так, что к служилым людям относилось 39,2%, или 20 душ, к представителям свободных сословий 25,5% (13 душ), а к обязанным 27,5% (14 душ) [11, л. 1–88 об.][1]. Таким образом, в числе желающих вступить в разряд служилых по прибору людей, т. е. основных обитателей городов ЦЧ, мы видим и посадских людей, и служилых по отечеству, и даже поповских детей, а также многих других.

Если же детально рассмотреть сословия, переезжающие в г. Курск между 1762–1795 гг., то среди них мы увидим однодворцев, экономических крестьян, а между 1782–1795 гг. ещё и появившихся помещичьих крестьян, преимущественно из Курского, Фатежского и Щигровского уездов. Важно отметить, что подавляю-

[1] К служилым людям относилось 39,2%, или 20 чел., из которых: 5 детей боярских, 5 сыновей жилых казаков и 2 донских, 4 стрельца, 2 пушкарских сына, и по 1 сыну сторожа и служки; 25,5% пришлось на 13 представителей свободных сословий и 27,5% – на 14 крестьян. К свободным относились: 8 сыновей гулящих людей, 3 сына посадских людей и 2 поповских сына. Среди обязанных сословий мы видим 4 дворцовых и 10 обычных крестьян. Кстати, среди всех вёрстанных имелось 4 десятника. Примечательно, что 2 из них относились к бывшим крестьянам Смоленского и Новгород-Северского у., один – из путивльских стрельцов, а социальное положение последнего неизвестно.

щее большинство из них по-прежнему составляли потомки служилых людей. Например, в 1782 г. однодворцев насчитывалось 88%, а экономических крестьян – всего 12% [4]. По мнению Ф. И. Лаппо, главную категорию мигрантов в город составляли безземельные однодворцы. Последние в своих «доношениях» городским властям писали, что ушли из деревни «за неимением поместной земли» или «за скудностью своею» [4].

Преобладание среди выходцев из сельской местности безземельных и малоземельных однодворцев объясняется несколькими причинами: усиленным естественным приростом, продажей своей земли и массовым захватом их наделов помещиками. Недаром в наказе однодворцев Курска, поданном в Новоуложенную комиссию 1767 г., говорится «об исшедших от дворянских обид и изгонения на оные казённые земли» их собратьев из деревни [19, с. 164]. Другую категорию переселенцев мы видим на примере пришедших между 1718–1782 гг. в г. Воронеж однодворцев бобыльского чина. Это были переселенцы из других городов старых служб служилые люди, составляющие чуть меньше половины от всех пришедших (39 из 54 нам известных), причём из 39 семей 14 вышло из упразднённых городов крепостей (5 из Тамбовской и 9 из Воронежской) [1, с. 55–68]. Это категории служилых по прибору, которые привыкли к промыслам и приехали в губернский город продолжать свою коммерческую деятельность.

Обобщая категории однодворцев, мигрировавших в город в XVIII в., мы обнаружим там как потомков детей боярских безземельных или приспособившихся к коммерческой деятельности, так и потомков служилых по прибору из городов, упразднённых городов-крепостей и уездов. Вот так в рамках единого однодворческого сословия постепенно смешивались служилые люди по прибору и по отечеству. Таким образом, экономическая составляющая наизнанку выворачивала сословную иерархию XVII в.

Следовательно, постоянный и стихийный приток однодворцев из сельской местности вносил определённый вклад в городскую жизнедеятельность. Ведь перемешивание населения предполагало наличие общих черт в жизни города и села [5, с. 82], причём из-за постоянного уменьшения доли потомственных служилых по прибору в составе городского населения, как за счёт числа однодворцев-мигрантов, так и за счёт их детей и внуков, происходил процесс их разбавления [20, с. 341–342]. Всё усугублялось тем фактором, что деревенские потомки служилых людей подселялись в однодворческие же слободы. Если же говорить о влиянии подселения потомков служилых людей по отечеству к их собратьям «по прибору», то нужно выделить два фактора. Это распространение, во-первых, их сверхконсервативного мышления, малоподвижного к новизне, а во-вторых, мировоззрения «лапотных дворян» [21, с. 142], причём Д. К. Зеленин замечал, что часто в XVII в. служилые по прибору усваивали обычаи боярских детей [22, с. 145]. Отметим ещё и то, что сельская миграция стала тормозить в их среде процесс формирования буржуазного менталитета, если иметь в виду городское население в целом, и особенно его низы. Ведь мигранты и их потомки не успевали перевариться в городском котле и полностью освободиться от своих однодворческих особенностей [20, с. 341–342]. Однако судя по постоянному сокращению доли однодворцев в среде городских сословий, можно заключить, что этот процесс постоянно продвигался вперёд.

Выводы

Подводя итог статьи, отметим, что изучаемые временные рамки охватывают два периода, разных по своим характерам притока однодворцев в городские конгломерации. В период укрепления горо-

дов для безопасности освоение ЦЧ предоставляло возможность правительству в наращивании государственного земельного фонда, ускоряя прирост населения и повышая экономические показатели. Увеличение численности народонаселения городов ЦЧ в период капитализма характеризуется выходящими на первый план хозяйственными соображениями. Кстати, повышение подвижности населения, особенно в городскую местность, является ярким признаком капиталистической формации, что и было зафиксировано в городах ЦЧ. Главное различие между двумя означенными эпохами для изучаемой нами местности состояло в том, что из очагов расселения города преобразовывались в торгово-промышленные центры, куда стекались заинтересованные однодворцы, напрямую участвующие в этом процессе.

В целом, по сравнению с общим движением однодворческого сословия их переселения в городскую местность были незначительны. Эволюция в географии притока в города ЦЧ состояла в доминировании заселения в XVII в., а в XVIII–XIX вв. – расселения. Так, если 51,7% от всех прибывших в г. Воронеж 1718–1782 гг. расселялись из уездов Воронежской же губ., то 56,8 % от всех прибывших в г. Путивль между 1613–1628 гг. сошли уже из разных замосковных городов, соотносящихся 6 разным губерниям Российской империи. Из сопоставления переселенческих особенностей Коротояка и Воронежа следует, что в уездных и губернских городах наблюдалась идентичность процессов расселения. Однако соотношение видов расселений в разные губернские центры и уездные города отличались. Например, сельские выходцы составляли 90,2% от всех пришедших в г. Курск, а в г. Воронеже их насчитывалось в три раза меньше, т.е. 27,8%.

Во время детального рассмотрения особенностей притока однодворцев в городскую местность прослеживается заметная роль потомков служилых людей по прибору, хотя в разных уездных и губернских городах их соотношение было различным. При обобщении категорий однодворцев, мигрировавших в город в XVIII в., мы наблюдаем как потомков детей боярских безземельных или приспособившихся к коммерческой деятельности, так и потомков служилых по прибору из городов, упразднённых городов-крепостей и уездов. Таким образом, постепенно смешивались служилые люди по прибору и по отечеству в рамках единого однодворческого сословия. В наибольших масштабах это смешивание протекало именно во время переселений в городскую местность. Это явление значительно отражалось на их менталитете.

Так, экономическая составляющая в XVIII–XIX вв. наизнанку переворачивала сословную иерархию XVII в. Это отражалось как на взаимовлиянии друг на друга этих составных частей однодворцев, так и на их общем изменении стереотипов поведения. После принудительного притока в крепости ЦЧ в XVII в. и до него следовал отток в XVIII в. Он состоял в виде добровольного расселения от городских очагов однодворцев, не желающих там жить. Этот процесс имел свои корни ещё в глубокой старине. Ведь до конца XVII в. проживание в городской местности не было престижным, и родовитые дети боярские там обитать не хотели. Их стремления были обращены на поместья в сельской местности. Предпосылки в начале XVIII в. для смены социально-экономической формации предопределили стечение предприимчивых однодворцев в городские конгломерации. Это подкреплялось правовым приоритетом городских сословий и следовавшим за ним ментальным доминированием, которые уже к XIX в. начинают прослеживаться явно, хотя последнее явление тогда ещё не носило определяющего характера. Следовательно, мирное время и приоритет экономики для ЦЧ установили принцип личного желания переселенцев руководящего урбанизационным движе-

нием однодворцев. Таким образом, существенная разница в изучаемых нами периодах состояла в том, что после замирения края в городах требовались предприимчивые люди, а до него – отважные и воинственные.

В целом же нужно отметить, что для увеличения городской миграции служилых людей и их потомков имелись основные и дополнительные факторы. К последним в XVIII в. нужно отнести массовый переход однодворческих сёл в города, а для XIX в. – бюрократическое облегчение, сопровождающие переселения в городскую местность. К основным факторам в XVII в. причислим принудительный свод служилых людей из разных мест в города, а для XVIII–XIX вв. – рост товарно-денежных отношений.

Список литературы

1. ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. 217. Оп. 1. Д. 186.

2. Быканов А. Н. Воспроизводство сельского населения Курской губернии в конце XVIII – начале XX веков. Дис. … канд. ист. наук. Курск, 2001. 249 с.

3. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М.: Гос. стат. изд-во, 1956. 183 с.

4. Никулов А. П. Население Старооскольского уезда в XVII – начале XVIII в.: (Локально-историческое исследование). Дис. … канд. ист. наук. Старый Оскол, 2006. 226 с.

5. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р30. Оп. 1. Д. 18.

6. Проторчина В. М. Волнения воронежских однодворцев в XVIII веке // Из истории Воронежской области. Воронеж: Воронеж. кн. изд-во, 1954. С. 39–45.

7. Бережной А. Л., Искусова Н. Ф. Однодворцы Урыва в XVIII в. // Битюгъ. 2017. № 2. С. 18–29.

8. Германов М. А. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. XII. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1857. С. 183–327.

9. Колотушкин А. А. Белгородская губернская администрация: регламент, состав и основные направления деятельности (1727–1779 гг.). Дис. … канд. ист. наук. Белгород, 2015. 245 с.

10. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 210. Оп. 4. Д. 40.

11. Памятная книжка Воронежской губернии на 1861 год. Воронеж: Тип. В. Гольдштейна, 1861. С. 145–195.

12. История административно-территориального деления Тамбовского края. XVII – начало XXI вв. (Исторический очерк). Тамбов, 2011. 43 с.

13. КОКМ (Курский областной краеведческий музей). Ф. 2. Д. н/а. Описание Курского наместничества вообще и порознь: всякого города и уезда, с планами города и картами уездам сочиненное в 1785 г. курским губернским землемером Иваном Башиловым. 227 с.

14. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 633 с.

15. Шапиро А. Л. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время // Ученые записки. Т. V. Исторический факультет. Вып. 1. Л., 1940. С. 23–53.

16. ГАВО. Ф. И245. Оп. 1. Д. 17.

17. ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 179.

18. Добротворский Н. А. Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян Центрального района. Курск: Тип. губ. зем., 1885. 228 с.

19. Белявский М. Т. Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 268 с.

20. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дмитрий Булавин, 2000. 548 с.

21. Колупаев А. А. Формирование и развитие однодворческого сословия на территории Курского края // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 138–152.

22. Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных с связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб.: Тип. А. В. Орлова, 1913. 544 с.

References

1. GAVO (Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti) [State Archive of the Voronezh Region], f. 217, op. 1, d. 186.

2. Bykanov A. N. Vosproizvodstvo sel'skogo naseleniya Kurskoj gubernii v konce XVIII – nachale XX vekov. Diss. kand. ist. nauk [Reproduction of the rural population of Kursk province in the late XVIII – early XX centuries. Cand. legal sci. diss.]. Kursk, 2001. 249 p.

3. Rashin A. G. Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.). Statisticheskie ocherki [The population of Russia for 100 years (1811–1913). Statistical essays]. Moscow, Gos. stat. izd-vo, 1956. 183 p.

4. Nikulov A. P. Naselenie Starooskol'skogo uezda v XVII – nachale XVIII v.: (Lokal'no-istoricheskoe issledovanie). Diss. kand. ist. nauk [The population of Starooskolsky uyezd in the XVII – early XVIII century: (Local historical research). Cand. legal sci. abstract diss.]. Staryj Oskol, 2006. 226 p.

5. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-30, op. 1, d. 18.

6. Protorchina V. M. Volneniya voronezhskih odnodvorcev v XVIII veke [Unrest of Voronezh odnodvorets in the XVIII century]. Iz istorii Voronezhskoj oblasti [From the history of the Voronezh region]. Voronezh, Voronezh. kn. izd-vo, 1954, pp. 39–45.

7. Berezhnoj A. L., Iskusova N. F. Odnodvorcy Uryva v XVIII v. [Odnodvorets of the Break in the XVIII century]. *Bityug* = *Bityug*, 2017, no. 2, pp. 18–29.

8. Germanov M. A. Postepennoe rasprostranenie odnodvorcheskogo naseleniya v Voronezhskoj gubernii [Gradual spread of the one-family population in the Voronezh province]. Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. Book XII. St. Petersburg, Tip. Imp. akad. nauk, 1857, pp. 183–327.

9. Kolotushkin A. A. Belgorodskaya gubernskaya administraciya: reglament, sostav i osnovnye napravleniya deyatel'nosti (1727–1779 gg.). Diss. kand. ist. nauk [Belgorod Provincial Administration: regulations, composition and main activities (1727-1779). Cand. legal sci. abstract diss.]. Belgorod, 2015. 245 p.

10. RGADA (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, op. 4, d. 40.

11. Pamyatnaya knizhka Voronezhskoj gubernii na 1861 god [Commemorative book of the Voronezh province for 1861]. Voronezh, Tip. V. Gol'dshtejna, 1861, pp. 145–195.

12. Istoriya administrativno-territorial'nogo deleniya Tambovskogo kraya. XVII – nachalo XXI vv. (Istoricheskij ocherk) [The history of the administrative-territorial division of the Tambov region. XVII – early XXI centuries. (Historical essay)]. Tambov, 2011. 43 p.

13. KOKM (Kurskij oblastnoj kraevedcheskij muzej). F. 2. D. n/a. Opisanie Kurskogo namestnichestva voobshche i porozn': vsyakogo goroda i uezda, s planami goroda i kartami uezdam sochinennoe v 1785 g. kurskim gubernskim zemlemerom Ivanom Bashilovym [(Kursk

Regional Museum of Local Lore). F. 2. D. n/a. Description of the Kursk viceroyalty in general and separately: every city and county, with city plans and county maps composed in 1785 by Kursk provincial surveyor Ivan Bashilov]. 227 p.

14. Druzhinin N. M. Gosudarstvennye krest'yane i reforma P. D. Kiseleva [State Peasants and P. D. Kiselyov's reform]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1946, vol. 1. 633 p.

15. Shapiro A. L. Krest'yanskie othody i krest'yanskij naem v petrovskoe vremya [Peasant waste and peasant hiring in Peter's time]. *Uchenye zapiski. T. V. Istoricheskij fakul'tet* [Scientific notes. T. V. Faculty of History], is. 1. Leningrad, 1940, pp. 23–53.

16. GAVO, f. I-245, op. 1, d. 17.

17. GAKO, f. R-30, op. 1, d. 179.

18. Dobrotvorskij N. A. Promysly i vnezemledel'cheskie zanyatiya krest'yan Central'nogo rajona [Crafts and extraterrestrial occupations of the peasants of the Central district]. Kursk, Tip. gub. zem., 1885. 228 p.

19. Belyavskij M. T. Odnodvorcy Chernozem'ya (po ih nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767–1768 gg.) [Odnodvorets of the Chernozem region (according to their instructions to the Laid commission of 1767 – 1768)]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 268 p.

20. Mironov B. N. Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoj sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [The Social History of Russia during the Empire Period (XVIII – early XX century): The Genesis of the Individual, the Democratic family, civil society and the rule of law]. St. Petersburg, Dmitrij Bulavin Publ., 2000. vol. 1. 548 p.

21. Kolupaev A. A. Formirovanie i razvitie odnodvorcheskogo sosloviya na territorii Kurskogo kraya [Formation and development of the one-family estate in the territory of the Kursk Region]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 138–152.

22. Zelenin D. K. Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperekhodnym smyagcheniem zadnenebnyh soglasnyh s svyazi s techeniyami pozdnejshej velikorusskoj kolonizacii [Great Russian dialects with inorganic and intransitive softening of posterior consonants due to the currents of the later Great Russian colonization]. St. Petersburg, Tip. A. V. Orlova, 1913. 544 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Кудланов Константин Борисович, кандидат исторических наук, председатель молодежной секции, Курское отделение Российского общества историков-архивистов, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kudlanov777@mail.ru

Konstantin B. Kudlanov, Cand. of Sci. (Historical), Chairman of the Youth Section, Kursk branch of the Russian Society of Historians and Archivists, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kudlanov777@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-159-167

(cc) BY 4.0

Кредитная политика на Южном Урале в начале XX века

Л. Т. Жайбалиева[1] ✉

[1] Оренбургский государственный университет
просп. Победы 13, г. Оренбург 460018, Российская Федерация

✉ e-mail: ra@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Опыт государственного регулирования кредитной политики России имеет большое практическое значение для современного экономического и политического развития страны. В настоящее время получают развитие актуальные формы хозяйствования, к числу которых относится кредитная кооперация.*

Цель исследования – *анализ кредитной политики правительства на Южном Урале в начале XX века.*

Задачи: *определить формы и основные направления деятельности кредитной кооперации; изучить региональные аспекты кредитной политики на селе, показать особенности ее реализации на Южном Урале.*

Методология *исследования основывается на принципах историзма и объективности. Методологической базой исследования является системный подход. Используются хронологический метод и метод сравнительно-исторического анализа.*

Результаты*. В начале XX века на Южном Урале широкое распространение получили кредитные учреждения – ссудосберегательные и кредитные товарищества, большинство которых функционировало в сельской местности. Кроме основного назначения – кредитования мелкого крестьянина, они занимались сбытом хлеба и других видов сельскохозяйственной продукции.*

Сдерживающими факторами развития мелкого кредита на селе являлись: невысокий уровень товарно-денежных отношений, с одной стороны; правовая и сословная обособленность – с другой, поскольку существовали ограничения в распоряжении крестьянской собственностью, как надельной землей, так и движимым имуществом.

Вывод. *Кредитная политика явилась одним из результатов развития товарных отношений, способствовала обеспечению наиболее благоприятных условий для развития сельского хозяйства в целом, оказала важное влияние на социально-экономическое развитие южноуральского региона в начале XX века.*

Ключевые слова: *кредитная политика; кредитные учреждения, ссудо-сберегательные товарищества; крестьянство; сельское хозяйство.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Жайбалиева Л. Т. Кредитная политика на Южном Урале в начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 159–167. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-159-167.

Поступила в редакцию 15.08.2022 Принята к публикации 13.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Жайбалиева Л. Т., 2022

Credit Policy in the Southern Urals at the Beginning of the XX Century

Luzia T. Zhaybalieva[1] ✉

[1] Orenburg State University
13 Pobedy Ave., Orenburg 460018, Russian Federation

✉ e-mail: ra@mail.ru

Abstract

Relevance. *The experience of state regulation of Russia's credit policy is of great practical importance for the modern economic and political development of the country. Currently, current forms of management are being developed, which include credit cooperation.*

The purpose *– analysis of the government's credit policy in the Southern Urals at the beginning of the XX century.*

Objectives: *to determine the forms and main activities of credit cooperation; to study the regional aspects of credit policy in rural areas, to show the features of its implementation in the Southern Urals.*

Metodology. *The research methodology is based on the principles of historicism and objectivity. The methodological basis of the research is a systematic approach. The chronological method and the method of comparative historical analysis are used.*

Results. *At the beginning of the XX century, credit institutions – savings and loan partnerships, most of which functioned in rural areas, became widespread in the Southern Urals. In addition to the main purpose – lending to the small peasant, they were engaged in the sale of bread and other types of agricultural products. Restraining factors for the development of small-scale credit in rural areas were a low level of commodity-money relations on the one hand; legal and class isolation on the other, since there were restrictions on the disposal of peasant property, both allotment land and movable property.*

Conclusion. *Credit policy was one of the results of the development of commodity relations, contributed to providing the most favorable conditions for the development of agriculture in general, had an important impact on the socio-economic development of the South Ural region in the early twentieth century.*

Keywords: *credit policy; credit institutions; savings and loan associations; peasantry; agriculture.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Zhaybalieva L.T. Credit Policy in the Southern Urals at the Beginning of the XX Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 159–167. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-159-167.

Received 15.08.2022 Accepted 13.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

В современных условиях большое значение приобретает развитие актуальных форм хозяйствования, к числу которых относится кредитная кооперация. Изучение достижений и просчетов государственного регулирования кредитной политики России в начале XX в. позволяет глубже понять, какими возможностями обладает государство для позитивного влияния на экономические процессы в аграрной сфере, каковы пределы этих возможностей. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы для определения преимуществ и перспектив развития кредитной политики в нашей стране.

Методология

Методологическим основанием статьи явились принципы историзма, объективности, системности, которые в сово-

купности позволили учесть конкретно-исторические условия реализации кредитной политики правительства в начале XX в., раскрыть региональные аспекты ее реализации, установить роль кредитной кооперации в аграрном производстве. Для достижения цели и решения поставленных задач в ходе исследования использовался принцип научной достоверности. Опорой при этом послужили историко-сравнительный и хронологический подходы.

Результаты и их обсуждение

К началу XX в. в сельской местности России существовало более двух тысяч кредитных учреждений. В основном крестьяне нуждались в помощи приобретения земли, сельскохозяйственного инвентаря, скота, посевных семян. Эти учреждения получили широкое распространение и на Южном Урале. Ссуды предоставлялись как обществам, так и отдельным крестьянам, поскольку полученная крестьянами в надел земля оказалась недостаточной. Существовала потребность в кредите на покупку земли.

Следует отметить, что в общей сложности в 1907 г. всеми земствами, производящими выдачи ссуды на покупку земли, выдано крестьянам всего более 33 тыс. рублей. Вопрос об организации крестьянского земельного кредита обсуждался в правительстве неоднократно, но практического осуществления не получил. Почти все земства настаивали на широком участии в этом деле правительства [1, с. 26–27].

На Южном Урале кредитные учреждения начали свою работу с территориального определения границ своей деятельности [2, л. 17]. Так, Павловское кредитное товарищество Оренбургского уезда распространяло свою деятельность на 21 селение с 1 066 дворами [3, л. 6]. Все жители селений занимались хлебопашеством, отчасти скотоводством и огородничеством. Произведенные продукты ими сбывались в городе Оренбурге.

Население охотнее обращалось за ссудами в кредитные товарищества, чем в кассу, где ссудный процент был ниже банковского [4, с. 101]. Кроме того, учредителями являлись люди более хозяйственные и благонадежные [3, л. 15]. Оренбургским отделением государственного банка был открыт краткосрочный кредит в сумме 4 тыс. рублей, учитывая, что товарищество имело уже около 400 человек и с каждым днем их число увеличивалось [3, л. 29]. Сумма кредита, которую брали члены Павловского кредитного товарищества, составляла от 10 до 100 рублей и расходовалась целевым назначением на покупку рабочего скота, семян для посева, корма скота, на сенокошение, аренду земли, постройку лавок. За три месяца 1912 г. эта сумма составила 4 754 рубля [3, л. 71–83]. В отчете Главного управления сельского хозяйства за 1909–1913 гг. отмечалось, что разработанный Главным управлением Министерства земледелия и землеустройства проект организации доступного земледельческому населению кредита, остается неосуществленным. «Сельское хозяйство нуждается не в пособиях, а в правильном и приспособленном к его нуждам кредите, который оно сумело бы оправдать», – говорилось в отчете [5, с. 18].

На Южном Урале земские и правительственные кредиты, выделяемые на мероприятия экономического характера, за исследуемый период возрастали [6, с. 112]. Стали выделяться средства землевладельцам, объединявшимся в общества и товарищества в целях улучшения своих хозяйств. В частности, в Оренбургской губернии вследствие неравномерности и несвоевременности выпадения осадков, а также отсталых способов ведения полевого хозяйства и плохой обработки земли, довольно часто бывали неурожайные годы. Увеличение запашки, недород хлеба и трав способствовали уменьшению количества скота [7, с. 98], поэтому вопрос о развитии кредитования

крестьян в исследуемый период приобрел особую важность.

На селе получало развитие ростовщичество. Сельские ростовщики, пользуясь неурожайными годами и тяжелым положением крестьян, разоряли целые сельские общества [8, с. 44]. Закон о преследовании ростовщических действий стал основной частью нового Уголовного уложения, введенного в действие 22 марта 1903 г. Следует отметить, что до выхода этого уложения действовали особые губернские комиссии для пересмотра всех действующих законов и ростовщичества, связанного с предоставлением кредитов. Комиссия считала правомерным введение уголовной ответственности за ростовщичество [9, с. 83].

Повсеместно действовали сельские и волостные банки, средства которых складывались из земских отчислений, частных вкладов и пожертвований. Образцовые уставы учреждений мелкого кредита охватили новые типы заведений по кредитованию крестьян. Закон 7 июня 1904 г. об учреждении мелкого кредита создал новый тип общественного крестьянского кредитного учреждения – волостные, сельские и станичные ссудосберегательные кассы. Кассы учреждались для одного или нескольких обществ. Участниками в них могли быть только сельские жители или казаки тех обществ, которыми касса была учреждена.

Главную операцию касс составляла выдача ссуды, главным образом, на покупку орудий, инструментов и скота. Ссуды выдавались по личному доверию или с обеспечением поручительства, закладами и залогами. Они могли быть краткосрочными (до 1 года) или долгосрочными (до 5 лет). Предельный размер ссуды на одного заемщика составлял 300 рублей.

Общее число ссудосберегательных касс в стране к маю 1909 г. достигло 301; из этого числа 220 возникли главным образом на средства Управления по делам мелкого кредита и 81 кассы – исключительно на собственные средства общества [1, с. 82]. Учитывая, что мелкие землевладельцы и основная масса крестьян нуждались в краткосрочных и взаимовыгодных, как для них, так и для государства, кредитах, кредитование осуществлялось через посредничество земств и имело не только разнообразные формы, но и довольно крупные размеры [10, с. 189]. Постепенно сложилось четыре вида кредита: кредит натуральный – отпуск сельскохозяйственных машин и семян с рассрочкой платежа; кредит залоговый – выдача ссуды под залог хлеба, меда, льна и др.; кредит денежный производственный – по личному доверию или под поручительство на приобретение рабочих лошадей, скота и других орудий производства; организованный (уставной) земский мелкий кредит – земские кассы мелкого кредита и банка [1, с. 87].

Если проследить годовые размеры вещевого кредита с грубым приближением, то они составляли 10 млн рублей, размеры залогового кредита – 500 тыс. рублей, денежного личного кредита – 500 тыс. рублей, организованного – 4,1 млн рублей. Следовательно, в общей сложности годовые размеры всего краткосрочного кредита сельскому населению со стороны земства за последнее время определялись суммой более 1 млн рублей [1, с. 109].

Учреждения мелкого кредита постепенно создавались на территории всего южноуральского региона. Согласно образцовому уставу земских касс мелкого кредита, касса действовала в пределах того уезда или той губернии, земство которых утверждало кассу. Земское собрание определяло наименование кассы; местонахождение ее управления; размер основного капитала; предельный размер обязательств кассы; местности, на которые распространялись ее действия; объем деятельности кассы; предельные размеры выдаваемой ссуды [9, с. 84]. Все обязательства кассы обеспечивались ответственностью учредившего их земства.

В Оренбургской губернии, учитывая опыт работы кредитных товариществ других губерний Урала и своих собственных, губернское земское собрание поставило вопрос об учреждении Оренбургской губернской кассы мелкого кредита [11, л. 18]. Решение комиссии было важным, поскольку в регионе функционировало значительное количество кредитных товариществ государственного банка, главной задачей которых являлось распространение мелкого кредита в деревне [7, с. 89].

Губернская касса земского мелкого кредита явилась источником средств на удовлетворение разнообразных нужд сельского хозяйства. Деятельность кассы направлена на развитие специальных сельскохозяйственных операций, потребительских обществ, различных посреднических операций в форме представления оборотных средств организациям, на оказание помощи населению в выдаче ссуды на сельскохозяйственную мелиорацию [12, л. 23].

Быстрыми темпами развивались ссудосберегательные товарищества: в 1905–1915 гг. по губерниям России их число возросло более чем в 4 раза – с 894 до 3815, число членов увеличилось в 5,9 раза, а вклады и займы – в 7,1 раза [13, с. 353].

Учреждения мелкого кредита являлись фактором стабилизации общественно-экономической жизни страны в целом, а на местах у органов власти появилась финансовая возможность для решения социальных проблем: строительство больниц, школ, помощи крестьянству в приобретении орудий труда и скота [14, с. 223].

Развитие учреждений мелкого кредита сдерживал сословный характер учреждений и определенная нерешительность центральных органов власти в работе с банковскими учреждениями. Министерство внутренних дел и местная администрация поддерживали сословные крестьянские учреждения, рассматривали их, прежде всего, как средство повышения общей платежеспособности деревни, для выдачи ссуды наиболее бедным, разоряющимся крестьянам.

Местная администрация отдавала предпочтение сословным учреждениям мелкого кредита в ущерб кооперативным. Земские начальники объясняли на сходках порядок открытий и ведения дел только сословных заведений, поскольку кооперативные товарищества, согласно положению, находились под надзором местной крестьянской администрации.

Развитие мелкого кредита на селе не могло достигнуть своей цели в полной мере из-за невысокого уровня товарно-денежных отношений, с одной стороны; правовой и сословной обособленности – с другой, поскольку существовали ограничения в распоряжении крестьянской собственностью, как надельной землей, так и движимым имуществом. В качестве залога под обеспечение кредита допускались только приобретенный инвентарь, излишки сельскохозяйственной продукции и домашней утвари.

Ссудо-сберегательные товарищества не были приспособлены к условиям российской деревни. Они построены на основе паевого капитала и при бедности российского крестьянина, внесение пая делало невозможным участие в товариществах рядового крестьянина. Ссудо-сберегательные товарищества распространялись преимущественно среди неземледельческих слоев населения. Товарищества порой создавались ради получения ссуды, выдаваемой земствами.

В связи со стабилизацией политической обстановки в 1908 г. можно было воспользоваться предусмотренными законом ссудными операциями, составлявшими 894 965 рублей. Однако значительная часть ссуды фактически превращалась в долгосрочные и формальные. В связи с этим остро встал вопрос о недоимках, о сложностях, возникавших при взыскании долгов, что не могло не сказаться на притоке частных вкладов. Еще в 1901 г. городской голова оренбургской городской управы в годовом отчете от-

мечал, что ожидалось получить от взысканий недоимок и оценки недвижимого имущества 21 849 рублей, а поступило 18 349 рублей. Не изменилась картина и в последующие годы. В 1910 г. сбор составил 70 тыс. рублей, а недоимки на 1 января 1911 г. – 9 328 рублей [15, л. 29].

Объяснение неудач посреднической ссудной деятельности дано, например, в обзоре бузулукской земской управы: «Вследствие разрушительного движения в последние годы, коснувшегося и нашего уезда, ни о каких сельскохозяйственных улучшениях нельзя было и думать, что, по мнению управы, объясняется отсутствием требований о выдаче ссуды из мелиоративного фонда» [16, с. 24].

Министерство внутренних дел и местные администрации региона были обеспокоены неудачами посреднической деятельности ссудных операций. Комитет выразил мнение, что круг заемщиков должен расширяться: кроме крестьян и крестьянских товариществ, должны быть включены сельскохозяйственные общества, товарищества землевладельцев, артели и отдельные селения крестьян. Как свидетельствуют архивные материалы, острота вопроса о банковских ссудах в губернии и способах ее решения были очевидны [17, л. 1].

Попытки осмыслить роль налоговых недоимок предприняты зарубежными историками. По мнению американского профессора истории С. Л. Хока, налоговые недоимки не могли служить показателем уровня жизни крестьян. Он приводит пример, что в начале XX в. общая сумма недоимок, даже после учета официально разрешенных неплатежей, превышала ежегодный доход от налогов. Недоимки являлись лучшим индикатором, описывающим экономическую ситуацию крестьян, и служили доказательством широкого распространения и увеличивающейся нужды в крестьянской России [18, с. 28–54].

Сдерживающим фактором осуществления земельной реформы явился разразившийся в 1911–1912 гг. голод, охвативший и районы Южного Урала. Так, в Оренбургской губернии неурожай хлебов составил 86%. Особенно пострадали самые населенные в губернии Оренбургский и Челябинский уезды [19, с. 45–48]. Опыт неурожайных лет и порожденный ими голод доказали, что, помимо официальной помощи, необходима помощь бирж, организация частной благотворительной помощи населению, поскольку в селениях края находилось много беженцев, не имеющих права на правительственную ссуду.

В этих условиях все большее значение стали приобретать биржи для крестьян [20, с. 87]. Если учесть, что уже в 1910 г. зафиксировано, по сравнению с 1909 г., уменьшение зернового хлеба, поступившего на рынок города Оренбурга, биржа являлась сосредоточением спроса и предложения на зерновые продукты. Заключенные на оренбургской бирже сделки за 1912 г. составили 1 887 582 рубля [21, л. 14].

Помимо заключения льготных сделок, в этот период биржевой комитет осуществлял и благотворительные акции: производилась покупка и раздача лошадей нуждающимся крестьянам, пострадавшим от неурожая 1911 г. Оренбургскому биржевому комитету помогал московский биржевой комитет, выразивший желание оказать помощь нуждающимся крестьянам Оренбургского уезда, пострадавшим от неурожая, путем раздачи им безвозмездно лошадей и ассигновал для этого 30 тыс. рублей. На эти деньги комитет приобрел 719 голов скота на сумму 35 482 рубля [22, с. 89]. Чтобы не создавать конкуренции при покупке и раздаче лошадей нуждающимся крестьянам, выработано взаимное соглашение по определению размера и района закупок. При закупке лошадей цена в среднем не превышала 50 рублей за голову. В результате администрация запланировала закупить 450 голов лошадей и комиссия биржевого комитета 550 голов. Так, 1 тыс. голов лошадей решено раздать нуждающимся

крестьянам Оренбургского уезда и казакам 1-го военного отдела пропорционально количеству домохозяев. Принимались в расчет домохозяева Оренбургского уезда из числа 57 442 крестьян и 24 093 казаков, а всего 81 535 домохозяев. Следовательно, при раздаче 1 тыс. лошадей на 81 535 домохозяев приходилось выдать по одной лошади на 81 домохозяина [22, с. 116–117].

Используя различные меры, правительство пыталось облегчить тяжелую участь крестьян, предотвратить или хотя бы понизить процент смертности среди крестьянского населения. В этом отношении определенную роль призвана сыграть кредитная политика правительства.

Выводы

Таким образом, в начале XX в. на Южном Урале широкое распространение получили кредитные учреждения. Учитывая, что мелкие землевладельцы и основная масса крестьян нуждались в краткосрочных и взаимовыгодных, как для них, так и для государства, кредитах, кредитование осуществлялось через посредничество земств и имело не только разнообразные формы, но и довольно крупные размеры.

Несмотря на некоторые недостатки в деятельности кредитной кооперации, она оказывала помощь крестьянству в подъеме хозяйства. Укрепление и рост кредитной кооперации защищали беднейшее крестьянство от спекулянтской и ростовщической зависимости, принимавшей в деревне самые различные формы. В целях преодоления этого негативного явления правительство принимало меры по созданию различных видов учреждений по кредитованию крестьян, рассматривая эту форму работы в качестве фактора, стабилизирующего общественно-экономическую жизнь страны.

Список литературы

1. Морачевский В. В. Сельскохозяйственный кредит в России. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1910. 191 с.

2. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 102. Оп. 1. Д. 28.

3. ГАОО. Ф. 101. Оп 1. Д. 56.

4. Соколовский А. В. Кооперативный кредит в России в конце XIX – начале XX века. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 232 с.

5. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб.: Тип. «Сельские вести», 1914. 144 с.

6. Бриллиантова О. Г. Финансовая политика советского правительства в 1920-е годы и ее осуществление на Урале. Оренбург: ИПК ОГУ, 2002. 189 с.

7. Злобин Ю. П. История Оренбургского региона. Оренбург: Агентство «Пресса», 2012. 163 с.

8. Назаров П. Г. История кредитно-промысловой кооперации в России. Челябинск: [Б.и.], 1994. 148 с.

9. Бриллиантова О. Г. Осуществление аграрно-кредитной политики на Урале в первой половине XX в. Самара: СГАПС, 2004. 186 с.

10. Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1998. 259 с.

11. ГАОО. Ф. 101. Оп 1. Д. 36.

12. ГАОО. Ф. 390. Оп 1. Д. 9.

13. Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России. М.: Госфиниздат, 1948. 454 с.

14. Лапаева М. Г. Экономика Оренбургской области (1743–2004 гг.). Оренбург: Газпром-печать, 2007. 468 с.

15. ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 159.

16. Краткий обзор деятельности Главного управления землеустройства и земледелия по выдаче ссуд на сельскохозяйственные улучшения. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1909. 75 с.

17. ГАОО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 34.

18. Хок Стиве Ли. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России 1861–1914 годы // Отечественная история. 1996. № 2. С. 28–54.

19. Антология социальной работы. Т. 1: История социальной помощи в России. М.: Сварогъ, 1994. 278 с.

20. Назаров П. Г. История российской промысловой кооперации (1799–1960). Челябинск: Изд-во ЧГТУ, 1995. 133 с.

21. ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1.

22. Обзор деятельности Оренбургского биржевого комитета за 1912 год. Оренбург: Тип. Ф. Я. Яковлева, 1913. 252 с.

References

1. Morachevskii V. V. Sel'skokhozyaistvennyi kredit v Rossii [Agricultural credit in Russia]. St. Petersburg, Tip. V. F. Kirshbauma, 1910. 191 p.

2. GAOO (Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti) [State Archive of the Orenburg Region], f. 102, op. 1, d. 28.

3. GAOO, f. 101, op. 1, d. 56.

4. Sokolovskii A. V. Kooperativnyi kredit v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Cooperative credit in Russia in the late XIX – early XX century]. Ivanovo, Ivanovo St. Univ. Publ., 2004. 232 p.

5. Itogi rabot za poslednee pyatiletie (1909–1913 gg.) [Results of work for the last five years (1909–1913)]. St. Petersburg, Tip. "Sel'skie vesti", 1914. 144 p.

6. Brilliantova O. G. Finansovaya politika sovetskogo pravitel'stva v 1920-e gody i ee osushchestvlenie na Urale [The financial policy of the Soviet government in the 1920s and its implementation in the Urals]. Orenburg, OGU Publ., 2002. 189 p.

7. Zlobin, Yu. P. Istoriya Orenburgskogo regiona [History of the Orenburg region]. Orenburg, Agentstvo "Pressa", 2012. 163 p.

8. Nazarov P. G. Istoriya kreditno-promyslovoi kooperatsii v Rossii [History of credit and fishery cooperation in Russia]. Chelyabinsk, 1994. 148 p.

9. Brilliantova O. G. Osushchestvlenie agrarno-kreditnoi politiki na Urale v pervoi polovine XX v. [Implementation of agrarian-credit policy in the Urals in the first half of the XX century]. Samara, SGAPS Publ., 2004. 186 p.

10. Korelin A. P. Sel'skokhozyaistvennyi kredit v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Agricultural credit in Russia in the late XIX – early XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 259 p.

11. GAOO, f. 101, op. 1, d. 36.

12. GAOO, f. 390, op. 1, d. 9.

13. Gindin I. F. Russkie kommercheskie banki: iz istorii finansovogo kapitala v Rossii [Russian commercial banks: from the history of financial capital in Russia]. Moscow, Gosfinizdat Publ., 1948. 454 p.

14. Lapaeva M. G. Ekonomika Orenburgskoi oblasti (1743–2004 gg.) [Economics of the Orenburg region (1743–2004)]. Orenburg, Gazprom-pechat' Publ., 2007. 468 p.

15. GAOO, f. 14, op. 1, d. 159.

16. Kratkii obzor deyatel'nosti Glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya po vydache ssud na sel'skokhozyaistvennye uluchsheniya [A brief overview of the activities of the General Directorate of Land Management and Agriculture in issuing loans for agricultural improvements]. St. Petersburg, Tip. V. F. Kirshbauma, 1909. 125 p.

17. GAOO, f. 102, op. 1, d. 34.

18. Khok Stive Li. Mal'tus: rost naseleniya i uroven' zhizni v Rossii 1861–1914 gody [Malthus: population growth and standard of living in Russia 1861–1914]. *Otechestvennaya istoriya = National history*, 1996, no. 2, pp. 28–54.

19. Antologiya sotsial'noi raboty. Vol. 1. Istoriya sotsial'noi pomoshchi v Rossii [Anthology of Social Work. Vol. 1. The History of social assistance in Russia]. Moscow, Svarog Publ., 1994. 278 p.

20. Nazarov P. G. Istoriya Rossiiskoi promyslovoi kooperatsii (1799–1960) [History of the Russian trade cooperation (1799–1960)]. Chelyabinsk, CHGTU Publ., 1995. 133 p.

21. GAOO, f. 44, op. 1, d. 1.

22. Obzor deyatelnosti Orenburgskogo birzhevogo komiteta za 1912 god [Overview of the activities of the Orenburg Exchange Committee for 1912]. Orenburg, Tip. F. Ya. Yakovleva, 1913. 252 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Жайбалиева Люция Турсунгалиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация,
e-mail: ra-58@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4798-3249

Luzia T. Zhaybalieva, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor of the Department of History, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation,
e-mail: ra-58@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4798-3249

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-168-177

(cc) BY 4.0

Развитие физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы на кафедре физического воспитания Курского политехнического института (60–70-е годы XX века)

О. М. Цуканова, Г. Г. Карпова[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: karpova.gelika@yandex.ru

Резюме

Актуальность *научного исследования обусловлена тем, что Юго-Западный государственный университет (бывший Курский политехнический институт), как и все современные вузы нашей страны, достигает высоких рейтингов не только за обеспечение студентов качественным образованием, но и физической подготовленностью к профессии, здоровому образу жизни. Изучение и обобщение опыта физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы на кафедре физического воспитания с момента её создания весьма актуально и нацелено, на наш взгляд, на дальнейшее эффективное физическое развитие современной учащейся молодёжи.*

Цель *научного поиска заключается в исследовании развития физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы на кафедре физического воспитания Курского политехнического института в 60–70-е годы XX века.*

Задачи *научного исследования заключаются в обобщении опыта физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы и выявлении частных факторов, влиявших на деятельность кафедры физического воспитания Курского политехнического института в 60–70-е годы XX века, а также в рекомендациях для дальнейшего развития успешной работы кафедры физического воспитания в современный период.*

Методология *исследования опирается на принципы историзма, объективности и системности, позволяющие проследить взаимосвязь и взаимообусловленность событий в соответствующий отрезок времени. Кроме того, были применены сравнительно-исторический и историко-хронологический методы, дающие возможность выявить закономерности и последовательность изучаемых исторических событий.*

Результаты *научного исследования показали, что грамотно организованная на кафедре физического воспитания спортивно-массовая работа под руководством высококвалифицированных специалистов, вовлечение в физкультурно-оздоровительную работу широкого контингента студентов (даже с ослабленным здоровьем) и необходимые для занятий условия позволили студенческой молодёжи КПИ заявить о своих спортивных талантах не только в Курске, но и в стране.*

Выводы. *Созданная в 1964 году кафедра физического воспитания при Курском политехническом институте активно и высокопрофессионально проводила физкультурно-оздоровительную и спортивно-массовую работу со студентами вуза.*

Ключевые слова: *Курский политехнический институт; кафедра физического воспитания; спортивно-массовая работа; физкультурно-оздоровительная работа.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Развитие физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы на кафедре физического воспитания Курского политехнического института (60–70-е годы XX века) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 168–177. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-168-177.

Поступила в редакцию 01.08.2022 Принята к публикации 09.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Цуканова О. М., Карпова Г. Г., 2022

Development of Physical Culture and Recreation and Mass Sports Work at the Department of Physical Education of the Kursk State Polytechnic Institute (60–70 of the 20th Century)

Olga M. Tsukanova[1], Galina G. Karpova[1] ✉

[1]Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: karpova.gelika@yandex.ru

Abstract

The relevance *of the scientific research is due to the fact that Southwestern State University (formerly Kursk Polytechnic Institute), like all modern universities in our country, achieves high ratings not only for providing students with quality education, but also physical fitness for the profession, a healthy lifestyle.. The study and generalization of the experience of physical culture and recreation and mass sports work at the department of Physical Education since its inception is very relevant and is aimed, in our opinion, at further effective physical development of modern students.*

The purpose *of the scientific search is to study the development of physical culture and recreation and sports mass work at the Department of Physical Education of the Kursk Polytechnic Institute (KPI) in the 60–70s of the twentieth century.*

The objectives *of the scientific research are to generalize the experience of physical culture and sports and mass work and to identify particular factors that influenced the activities of the Department of Physical Education of the Kursk Polytechnic Institute in the 60–70s of the twentieth century, as well as recommendations for the further development of the successful work of the Department of Physical Education in the modern period.*

The methodology *of the research is based on the principles of historicism, objectivity and consistency, which allow us to trace the relationship and interdependence of events in the corresponding period of time. In addition, comparative-historical and historical-chronological methods were used, which make it possible to identify patterns and sequence of historical events studied.*

The results *of the scientific research showed that the sports and mass work competently organized at the Department of Physical Education under the guidance of highly qualified specialists, the involvement of a wide contingent of students (even with weakened health) in physical culture and recreation work and the conditions necessary for classes allowed KPI students to declare their sports talents not only in Kursk, but also in the country.*

Conclusions. *Established in 1964, the Department of Physical Education at the Kursk Polytechnic Institute, actively and professionally conducted physical education and sports and mass work with university students.*

Keywords: *Kursk Polytechnic Institute; Department of Physical Education; mass sports work; physical culture; recreation work.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tsukanova O. M., Karpova G. G. Development of Physical Culture and Recreation and Mass Sports Work at the Department of Physical Education of the Kursk State Polytechnic Institute (60–70 of the 20th Century). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 168–177. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-168-177.

Received 01.08.2022 Accepted 09.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Актуальность исследования связана с тем, что занятия физической культурой и спортом приобретают сегодня массовый характер в молодёжной среде, а в студенческие годы – это один из самых эффективных способов полноценного физического развития и оздоровления юношества. Кроме того, спортивно-

массовая направленность обучения студентов является важным этапом подготовки резерва национальных сборных команд. Не случайно, что за последние несколько лет физкультурно-оздоровительная работа и спортивно-массовое развитие учащейся молодёжи стало объектом пристального внимания со стороны Президента и Правительства Российской Федерации. Об этом свидетельствуют Федеральные законы «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (2008 г.) и «Об образовании в Российской Федерации» (вступил в силу с 1 сентября 2013 г.) [1].

Определённый интерес, на наш взгляд, представляет история создания и деятельности кафедр физического воспитания и их роль в решении аспектов физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы в вузах нашей страны на примере Курского политехнического института.

Этими вопросами обусловлен выбор цели и задач научного исследования, проведённого в данной статье.

В статье предпринята попытка обозначить важные факторы успешного развития физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы кафедры физического воспитания Курского политехнического института в 60–70-х годах XX века.

Методология

Для решения поставленной задачи и достижения цели авторы опирались на принципы историзма, системности и объективности. Настоящее исследование базируется на сравнительно-историческом и историко-хронологическом методах. Они позволили установить направленность и динамику развития физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы в Курском политехническом институте в период с 60-х по 70-е годы XX века, а также выявить важные факторы, способствующие успеху в данной области человеческой деятельности.

Результаты и их обсуждение

Важной вехой в развитии и популяризации физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы среди учащейся молодёжи в нашей стране явился декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР (19 июля 1929 г.), благодаря которому физическое воспитание стало «обязательным предметом во всех вузах страны» [2].

С 1930 г. в высших учебных заведениях СССР были созданы кафедры физического воспитания и спорта. Содержание учебных программ физического воспитания в вузах и спортивно-массовой работы с молодёжью определялось нормативными требованиями первых двух ступеней комплекса «Готов к труду и обороне» («ГТО») [3].

Заметим, что в 1950–60-х гг. в Курской области произошёл «индустриальный прорыв» [4]. В этой связи на реорганизованных, расширенных, вновь созданных предприятиях требовались специалисты высокой квалификации инженерно-технической направленности подготовки. Данный факт обусловил открытие в 1964 г. нового высшего учебного заведения – Курского политехнического института (далее – КПИ) [5; 6].

Здание на улице Челюскинцев, введённое в строй в том же году, стало первым учебным корпусом Курского политехнического института.

Ректором института был назначен участник Великой Отечественной войны, выпускник Ленинградского политехнического института, много лет проработавший на предприятиях Министерства энергетики, Печенев Михаил Тихонович (1913–1974 гг.).

За короткий срок к началу 1964–1965 учебного года почти полностью был укомплектован преподавательский, учебно-вспомогательный состав в соответствии с утвержденными институту штатами. Приступили к работе тридцать два преподавателя, в их числе только двое имели ученое звание и учёную степень.

Это позволило своевременно провести подготовительную работу и организованно начать учебный год.

Большое внимание было уделено созданию кафедры физического воспитания, первым организатором и руководителем которой стал старший преподаватель Анатолий Власович Чуб [7].

Кафедра физического воспитания – одна из старейших кафедр университета. С самого начала образования кафедры были поставлены задачи по воспитанию «физически здоровых и сильных духом» студентов, а также развитию спортивно-массовой и физкультурно-оздоровительной работы среди студенческой молодежи и совершенствованию спортивного мастерства воспитанников.

В СССР спорт был в большом почёте, и студенты Курского политехнического института с энтузиазмом массово занимались различными видами спорта под руководством преподавателей кафедры физического воспитания, являвшимися специалистами, окончившими институты физической культуры.

В штат кафедры физического воспитания были приглашены несколько преподавателей, которые наряду с учебными занятиями вели и спортивные секции: Бессмертнов Игорь Анатольевич (1965 г.) – ассистент, вел лыжную секцию; Сотников Валентин Пантелеевич (1965 г.) – ассистент, отвечал за секцию велосипедного спорта; Шульга Владимир Николаевич (1967 г.) – лаборант кафедры; Сидоров Александр Григорьевич (1965 г.) – ассистент, отвечал за секцию волейбола; Чурилов Виктор Павлович (1966 г.) – ассистент, руководил секцией велосипедного спорта; Кульчитский Виктор Сергеевич (1967 г.) – ассистент, вел секцию тяжелой атлетики; Якимова Галина Александровна (1967 г.) – ассистент, вела секцию игровых видов спорта [8]. Таким образом, работа профессионалов спорта высокого уровня – один из важных факторов успешной и продуктивной деятельности кафедры физического воспитания КПИ.

В здании по ул. Челюскинцев кафедра физического воспитания КПИ располагала спортивным залом всего в 150 кв. метров, поэтому места для занятий было недостаточно. Часто занятия по физической культуре проходилось проводить на улице, где студенты занимались легкой атлетикой, футболом, лыжами, общефизической подготовкой. В малом спортивном зале проводились тренировочные занятия по баскетболу и волейболу, тяжелой атлетике и др. Учебный процесс проходил в соответствии с типовыми учебными планами. Занятия по физическому воспитанию у студентов очной формы обучения проводились два раза в неделю по два академических часа.

Кафедрой физического воспитания были сформированы секции по таким видам спорта, как велоспорт, лёгкая и тяжёлая атлетика, баскетбол, волейбол, настольный теннис, футбол, гимнастика, шахматы, лыжи [8]. Для учащейся молодёжи с ослабленным здоровьем, отнесенным к специальной медицинской группе, были организованы отдельные занятия [9]. Данный факт явился фактором, необходимым для вовлечения подавляющего большинства студентов в физкультурно-оздоровительную работу, проводимую на кафедре.

Крупный размах приобрела среди студенчества спортивно-массовая работа. В этих целях при крупнейших вузах стали создаваться спортивные клубы. До 1957 г. спортивные клубы входили в 12 различных добровольных спортивных обществ (ДСО), таких как: «Наука», «Медик», «Искра» и др. Это разобщало их работу, приводило к распылению средств, параллелизму в проведении крупных соревнований. В 1957 г. было решено создать единое всесоюзное спортивное общество «Буревестник», в которое вошли все вузы и техникумы СССР. В функции Областного Совета добровольного спортивного общества «Буревестник» входила организация коллективов физической культуры на производствах, в учебных заведениях

и предприятиях государственной торговли и общественного питания, а также проведение подготовки спортсменов по всем видам спорта. В Курском крае председателем общества «Буревестник» была А. И. Бурцева, много сделавшая для развития регионального студенческого спорта.

Следует заметить, что велосипедный спорт был популярен в Курском крае ещё до революции 1917 г. [10; 11; 12] Начиная с 1964 г. в Курском политехническом институте существовала одна из крупнейших в то время секций велосипедного спорта, руководителем которой был выпускник Ленинградского института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта, заслуженный тренер России, мастер спорта СССР Сотников Валентин Пантелеевич (1940–2020 гг.). Талантливый педагог, он долгие годы проработал тренером и воспитал многих выдающихся спортсменов, в том числе будущего олимпийского чемпиона летних Олимпийских игр в Монреале 1976 г. в командной велогонке Валерия Чаплыгина[1].

Студенческая секция КПИ по велоспорту в то время была самой массовой и принимала участие в самых разных спортивных соревнованиях. Так, мужская команда велосипедистов Курского политехнического института в 1966 г. приняла участие в первенстве СССР среди команд вузов в городе Красноярске и заняла там общее 11-е командное место [13].

Кроме велосипедного спорта, кафедрой физического воспитания КПИ была организована лыжная секция, которой руководил Долгополов Алексей Семенович, ассистент, пришедший на кафедру в 1968 г., а также отобраны сильнейшие спортсмены-лыжники для подготовки к предстоящим соревнованиям. Усилиями сотрудников кафедры физического воспитания и студентов в 1969 г. была создана лыжная база, закуплены лыжи, специальные лыжные мази, отведено отдельное помещение [14].

Спортсмены под руководством преподавателей и тренеров кафедры физического воспитания упорно тренировались в избранных видах спорта, совершенствуясь в спортивном мастерстве. Это позволило уже в 1964 г. команде баскетболисток института завоевать 2-е призовое место в соревнованиях на первенство Областного Совета общества «Буревестник». С осени 1965 г. женская сборная команда КПИ являлась неоднократным чемпионом всех городских соревнований по баскетболу. Тренером сборной команды по баскетболу был Карачевцев Леонид Иванович, воспитавший немало умелых баскетболистов.

Спортивно-массовая работа в КПИ набирала обороты. Так, в 1965-1966 учебном году команда футболистов два раза завоевывала кубок Областного Совета. Команда штангистов в 1965 г. успешно выступила и заняла первое место в соревнованиях команд среди институтов города. В 1966 г. команда легкоатлетов выиграла первенство г. Курска по легкой атлетике. Лучшими легкоатлетами стали студенты КПИ: Ю. Артеменко, Б. Вол, В. Колбасенко, А. Медведев, В. Фурманов, В. Лунев, Б. Боченков, Т. Арепьева. И в этом была несомненная заслуга заведующего кафедрой физического воспитания, тренера по легкой атлетике Чуба Анатолия Власовича [8]. Студенты охотно занимались легкой атлетикой, однако тренировки приходилось проводить на стадионе «Трудовые резервы».

Состоявшийся в 1966 г. XXIII съезд КПСС нацеливал государственные и общественные структуры «шире внедрять в быт населения массовые виды физической культуры и спорта, обратив особое внимание на их развитие в общеобразовательных школах, высших и средних специальных учебных заведениях» [9]. Этот призыв послужил руководством к действию и в КПИ.

[1] Первой Олимпийской победе Курска – 30 лет! // Друг для друга. 2006. № 30 (616). URL: http://www.dddkursk.ru/number/616/new/003621/ (дата обращения: 20.06.2022).

В Курском политехническом институте отряд физкультурников составлял 1 250 человек. Среди студентов двадцать человек имели 1 спортивный разряд и пятьсот человек – массовые разряды. Организацией всей физкультурно-спортивной работы на кафедре занимался студенческий спортклуб, председателем которого был назначен И. П. Аникин [15]. Спортивный клуб осуществлял спортивно-массовую и физкультурно-оздоровительную работу с обучающимися, в том числе входящими в составы сборных команд, обеспечивал деятельность спортивных секций по видам спорта, осуществлял селекционный спортивный отбор обучающихся и обеспечивал учебно-тренировочный и соревновательный процессы сборных команд по видам спорта.

В спортивном клубе были организованы команды по баскетболу, футболу, волейболу, настольному теннису, бадминтону, легкой и тяжелой атлетике, велоспорту, дзюдо, самбо, каратэ и другим видам спорта.

Клуб вуза активно занимался подготовкой инструкторов-общественников по разным видам спорта. Многие студенты повышали свою квалификацию на городских, областных, республиканских соревнованиях. Вели большую организационную работу по созданию активов команд, подготовке и проведению соревнований по массовым видам спорта, агитацию. Среди спортивных клубов вузов г. Курска 1 место занимал медицинский институт.

Большую помощь в организации физического воспитания и спортивно-массовой работы в КПИ оказывала комсомольская организация, в состав которой входило 128 человек. Комсомольская организация повела борьбу за хорошую успеваемость и дисциплину студентов. В общественной жизни города Курска студенческий коллектив КПИ начал занимать более заметное место [7; 16]. Так, по инициативе института был организован спортивно-оздоровительный лагерь в городе Льгов Курской области. Кроме оздоровительных мероприятий, в лагере проводились спортивные соревнования на первенство лагеря, а также с командами других вузов (сельскохозяйственного, педагогического и медицинского институтов), лагеря которых раскинулись рядом [17].

Удачным для спортивных достижений студентов КПИ оказался 1967 г. Так, команда баскетболистов выиграла приз спортивного зала «Динамо» и стала чемпионом ДСО «Буревестник». В комплексной спартакиаде команды Курского политехнического института заняли 2-е почетное место, уступив лишь командам мединститута. За небольшой период в КПИ было подготовлено 5 мастеров спорта, 50 кандидатов в мастера спорта и 50 спортсменов первого разряда. Многие преподаватели сами тренировались и выступали в соревнованиях по разным видам спорта [8].

Два раза в учебном году в Курском политехническом институте проводились межфакультетские соревнования среди студентов. В перспективные планы входила организация квалификационных испытаний на присвоение разрядов по разным видам спорта.

Тренеры-преподаватели кафедры физического воспитания КПИ много времени уделяли общефизической и морально-волевой подготовке студенческой молодёжи, воспитанию выносливых, талантливых спортсменов.

Первым мастером спорта в Курском политехническом институте стал студент 3-го курса В. Недрогайлов. Кандидатами в мастера спорта стали студентка 2-го курса О. Моисеева (по пулевой стрельбе) и студентка 3-го курса Е. Шевелева (по спортивной гимнастике).

Традицией стало участие учащейся молодёжи КПИ в студенческих областных и городских спартакиадах, популяризирующих развитие новых видов спорта [18; 9]. К концу 60-х годов в Курской

области культивировалось уже около 40 видов спорта.

В 1966 г. в комплексной спартакиаде по 14 видам спорта команды КПИ заняли 3-е место, пропустив вперед команды медицинского и педагогического институтов. Надо сказать, что в рассматриваемый период в г. Курске действовало четыре вуза: Курский педагогический институт (1934 г.), Курский медицинский институт (1935 г.), Курский сельскохозяйственный институт (1951 г.) и Курский политехнический институт (1964 г.). Кафедры физического воспитания города постоянно взаимодействовали и соревновались между собой.

В 1972-1973 гг. в институтах города Курска проводились массовые физкультурные и спортивные мероприятия по сдаче нормативов комплекса ГТО. Подготовка и сдача нормативов продолжалась в оздоровительно-спортивных лагерях в период лагерного сбора медицинского и политехнического институтов [19]. В 1973 г. работа по выполнению комплекса ГТО значительно расширилась. Большинство студентов, преподавателей и сотрудников института активно включались в подготовку и сдачу норм ГТО.

Однако недостаток спортивных залов и площадок остро ощущался на работе всех кафедр физического воспитания в институтах города, хотя для строительства спортивных сооружений привлекались средства местных промышленных предприятий [20].

Ректор КПИ Константин Владимирович Лютаревич инициировал строительство нового спортивного комплекса по ул. Аэродромной. Новый спортивный комплекс был введен в эксплуатацию в 1977 г. и имел несколько малых и больших залов, таким образом были созданы условия для одновременных занятий большого количества студентов. В спортивном комплексе КПИ был оборудован зал для дзюдо, баскетбола, волейбола, тяжелой атлетики, тенниса, аэробики, специальной медицинской группы и др. Большой игровой зал с трибунами позволил проводить в нем соревнования и показательные выступления по различным видам спорта.

Совместно с руководством института кафедра физического воспитания Курского политехнического института проводила значительную работу по формированию здорового образа жизни, развитию массовости физкультурно-оздоровительной работы, созданию необходимых условий для внедрения физкультуры и спорта в повседневную жизнь студенческой молодежи, преподавателей и сотрудников вуза.

Выводы

Обобщив опыт физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы и определив частные факторы, влиявшие на деятельность кафедры физического воспитания Курского политехнического института в 60–70-е годы XX века, сделаем следующие выводы и сформулируем актуальные рекомендации.

1. Образованная в 1964 г. кафедра физического воспитания заняла достойное место в учебной работе со студенческой молодёжью по формированию интереса к физической культуре и спорту. Об этом говорят хорошие результаты, достигнутые студентами Курского политехнического института не только в местных спартакиадах, но и в соревнованиях высокого ранга – в первенстве СССР среди команд вузов в 1966 г., проводимом в Красноярске.

2. Преподавательская деятельность кафедры физического воспитания в Курском политехническом институте с первых дней создания была направлена на организацию учебного процесса, физкультурно-оздоровительной, спортивно-массовой работы и досуга студентов путем создания условий для формирования у них «осознанной потребности в занятиях физическими упражнениями и повы-

шении уровня физической подготовленности» [21].

Кафедра физического воспитания Курского политехнического института обеспечила возможность учащейся молодёжи стать не только кандидатами в мастера спорта, но достичь более высоких результатов и получить звание мастеров спорта в различных спортивных видах. Большое внимание уделялось сдаче нормативов спортивного комплекса ГТО студентами и преподавателями вуза. Спортивный клуб кафедры значительно помогал в развитии организационной и спортивно-массовой работы со студентами. Постоянно шла подготовка из числа студентов инструкторов-общественников по различным видам спорта, они активно участвовали в судействе и проведении различных массовых мероприятий. Большую помощь в развитии спортивной деятельности на кафедре физического воспитания КПИ оказывало добровольное спортивное общество «Буревестник», возглавляемое А. И. Бурцевой.

3. Важными факторами, способствующими развитию физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы кафедры физического воспитания Курского политехнического института в 60–70-е годы XX века, явились:

– кадровый преподавательский состав кафедры включал высококвалифицированных специалистов, профессионалов спорта высокого уровня;

– вовлечение студентов с ослабленным здоровьем в физкультурно-оздоровительные занятия;

– введение в эксплуатацию нового спортивного комплекса по ул. Аэродромной, т. е. создание условий для одновременных занятий большого количества студентов и оборудование залов для дзюдо, баскетбола, волейбола, тяжелой атлетики, специальной медицинской группы и других видов спорта.

4. Следует подчеркнуть, что главной заслугой советской системы физического воспитания была всеобщая доступность физкультурно-оздоровительных и спортивно-массовых мероприятий для молодёжи, что способствовало развитию работы в данном направлении кафедр физического воспитания вузов страны в целом и Курского политехнического института в частности.

В этой связи, на наш взгляд, следовало бы предоставить сегодняшней студенческой молодёжи возможность заниматься физкультурой и спортом в прежнем объёме, а именно: 72 часа в семестре, т. е. 2 раза в неделю. Увеличение количества учебных занятий, проводимых под руководством профессорско-преподавательского состава кафедры физического воспитания ЮЗГУ на современном этапе развития вуза, сделает доступным физическое совершенствование и спортивное мастерство наших студентов. Кроме того, увеличение объёма учебных часов по дисциплине физическая культура и спорт будет способствовать успешной и массовой сдаче учащейся молодёжью норм комплекса «ГТО».

Список литературы

1. На крыльях «Буревестника» / В. И. Линдер, П. И. Андрианов, И. В. Прасканова, С. В. Шилов. М.: Спорт, 2019. 273 с.

2. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам физического воспитания и спорта 1917 – 1957 гг. / сост. И. Г. Чудинов. М.: Физкультура и спорт, 1959. 302 с.

3. Кулинко Н. Ф. История и организация физической культуры. М.: Просвещение, 1982. 300 с.

4. Коровин В. В., Головин Е. А., Манжосов А. Н. Индустриальный прорыв: промышленность Курской области в 1950–1965 годах: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2015. 326 с.

5. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 50, 66, 74, 83, 99.

6. Импульс. 2008. № 13 (44/588).

7. Политехник. 1984. № 8 (432).

8. Архив Юго-Западного государственного университета. Д. 20-01-06. Л. 14, 15, 20, 21, 22.

9. Столбов В. История физической культуры. М.: Просвещение, 1989. 288 с.

10. Клочков А. В. Физкультура и спорт в Курске за 40 лет: (Очерки по истории развития физической культуры и спорта в 1917–1957 гг.). Курск: Курск. кн. изд-во, 1958. 71 с.

11. Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Зарождение велоспорта в городе Курске конца XIX – начала XX вв. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 206–215.

12. Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Физическое воспитание учащейся молодёжи Курской губернии (в XIX – начале XX вв.): монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск: Университетская книга, 2021. 266 с.

13. ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

14. ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

15. ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 834. Л. 1.

16. ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

17. ГАКО Ф. Р-5355. Оп. 1. Д. 64. Л. 14.

18. ГАОПИ КО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-759. Оп. 1. Д. 218. Л. 4.

19. ГАОПИ КО. Ф.П-5109. Оп. 1. Д. 46. Л. 116.

20. ГАКО Ф. Р-5355. Оп. 1. Д. 56. Л. 34.

21. Газовский Б. М., Нельга Н. А., Кряж В. Н. Организация физического воспитания студентов. Минск: Вышэйшая школа, 1978. 96 с.

References

1. Linder V. I., Andrianov P. I., Praskanova I. V., Shilov S. V. Na kryl'yah "Burevestnika" [On the wings of the "Petrel"]. Moscow, Sport Publ., 2019. 273 p.

2. Osnovnye postanovleniya, prikazy i instrukcii po voprosam fizicheskogo vospitaniya i sporta 1917–1957 gg. [The main resolutions, orders and instructions on physical education and sports 1917 – 1957]; ed. by I. G. Chudinov. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1959. 302 p.

3. Kulinko N. F. Istoriya i organizaciya fizicheskoj kul'tury [History and organization of physical culture]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982. 300 p.

4. Korovin V. V., Golovin E. A., Manzhosov A. N. Industrial'nyj proryv: promyshlennost' Kurskoj oblasti v 1950–1965 godah [Industrial breakthrough: the industry of the Kursk region in 1950-1965]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2015. 326 p.

5. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-724, op. 1, d. 1, l. 1, 50, 66, 74, 83, 99.

6. *Impul's = Impulse*, 2008, no. 13 (44/588).

7. *Politekhnik = Polytechnic*, 1984, no. 8 (432).

8. Arhiv Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta [Archive of Southwest State University], d. 20-01-06, l. 14, 15, 20, 21, 22.

9. Stolbov V. Istoriya fizicheskoj kul'tury [History of physical culture]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989. 288 p.

10. Klochkov A. V. Fizkul'tura i sport v Kurske za 40 let: (Ocherki po istorii razvitiya fizicheskoj kul'tury i sporta v 1917–1957 gg.) [Physical culture and sports in Kursk for 40 years: (Essays on the history of the development of physical culture and sports in 1917-1957)]. Kursk, Kursk. kn. izd-vo, 1958. 71 p.

11. Cukanova O. M., Karpova G. G. Zarozhdenie velosporta v gorode Kurske konca XIX – nachala XX vv. [The origin of cycling in the city of Kursk of the late XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 206–215.

12. Cukanova O. M., Karpova G. G. Fizicheskoe vospitanie uchashchejsya molodyozhi Kurskoj gubernii (v XIX – nachale XX vv.) [Physical education of students of the Kursk province (in the XIX – early XX centuries)]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2021. 266 p.

13. GAKO, f. R-724, op. 1, d. 7, l. 5.

14. GAKO, f. R-724, op. 1, d. 5, l. 4.

15. GAKO, f. R-724, op. 1, d. 834, l. 1.

16. GAKO, f. R-724, op. 1, d. 8, l. 7.

17. GAKO, f. R-5355, op. 1, d. 64, l. 14.

18. GAOPI KO (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorii Kurskoj oblasti) [State Archive of Socio-Political History of the Kursk region], f. P-759, op. 1, d. 218, l. 4.

19. GAOPI KO, f. P-5109, op. 1, d. 46, l. 116.

20. GAKO, f. R-5355, op. 1, d. 56, l. 34.

21. Gazovskij B. M., Nel'ga N. A., Kryazh V. N. Organizaciya fizicheskogo vospitaniya studentov [Organization of physical education of students]. Minsk, Vyshejshaya shkola Publ., 1978. 96 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Цуканова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru

Olga M. Tsukanova, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru

Карпова Галина Гельевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: karpova.gelika@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8957-9551

Galina G. Karpova, Cand. of Sci. (Psychological), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: karpova.gelika@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8957-9551

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-178-188

CC BY 4.0

Установление многоаспектной и многоуровневой типизации на примере исследования истории метеорологического обеспечения Военно-воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

А. Г. Гаврилов[1], В. Н. Прямицын[1] ✉

[1]Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации
пр-т Вернадского 100, г. Москва 119571, Российская Федерация

✉ e-mail: priamitzynvn@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Научная типизация событий прошлого является одним из распространенных результатов, получаемых в ходе проведения исторических исследований. При этом, как правило, речь идет об использовании лишь одной типологической черты и лишь одном уровне типизации. Это придает актуальности рассмотрению вопроса установления многоаспектной и многоуровневой типизации.*

Целью *статьи является ознакомление профессионального сообщества историков с опытом установления многоаспектной и многоуровневой типизации предмета исследования.*

Задачей *статьи является установление типизации метеорологического обеспечения Военно-воздушных сил Красной армии и демонстрация на ее примере практического применения историко-типологического метода.*

Методология*. Широкое распространение при проведении исторических исследований приобрело использование историко-типологического метода. В частности, он был применен при изучении истории метеорологического обеспечения Военно-воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны.*

Результаты*. Было предложено упорядочить предмет исследования, выделив в нем типы на основании установления общих присущих им признаков. С этой целью использовались три типологические черты: уровень военного управления, регулярность метеорологического обеспечения и специфика деятельности ВВС КА. В результате была получена многоаспектная типизация. Третий тип был подвергнут дальнейшей детализации, что позволило говорить о ее втором уровне. Все выводы и положения иллюстрируются конкретными примерами из опыта работы авиационных метеорологов по обеспечению ВВС КА в годы Великой Отечественной войны.*

Выводы. *На примере конкретного предмета исследования показана возможность использования историко-типологического метода для установления многоаспектной и многоуровневой типизации. Установлено, что использованию этого метода должно предшествовать использование дескриптивного метода. Выявлено, что ключевой составляющей, определяющей дальнейшую возможность типизации, является подбор типологических черт.*

Ключевые слова: *методология; типизация; метеорологическое обеспечение; Военно-воздушные силы Красной армии.*

Благодарности: *Авторы выражают благодарность руководству Военной академии Генерального штаба ВС РФ и редакции журнала «Известия Юго-Западного государственного университета» за внимание к рассматриваемой теме.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Гаврилов А. Г., Прямицын В. Н. Установление многоаспектной и многоуровневой типизации на примере исследования истории метеорологического обеспечения Военно-воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 178–188. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-178-188.

Поступила в редакцию 12.08.2022 Принята к публикации 09.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Гаврилов А. Г., Прямицын В. Н., 2022

The Establishment of Multidimensional and Multilevel Typing on the Example of History Research Meteorological Support of the Red army air Force During the Great Patriotic War (1941–1945)

Alexey G. Gavrilov[1], Vladimir N. Pryamitsyn[1] ✉

[1]Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation
100 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation

✉ e-mail: priamitzynvn@mail.ru

Abstract

Relevance. *Scientific typification of past events is one of the most common results, obtained in the course of historical research. At the same time, as a rule, we are talking about using only one typological feature and only one level of typing. This gives relevance to the consideration of the issue of establishing multidimensional and multilevel typing.*

Purpose *of the article is to familiarize the professional community of historians with the experience of establishing a multidimensional and multilevel typification of the subject of research.*

The objective *of the article is to establish the typification of the meteorological support of the Red Army Air Force and demonstrate by its example the practical application of the historical and typological method.*

Methodology. *The use of the historical-typological method has become widespread in conducting historical research. In particular, it was used in the study of the history of meteorological support of the Red Army Air Force during the Great Patriotic War.*

Results*. It was proposed to streamline the subject of the study by identifying types in it based on the establishment of common inherent features. For this purpose, three typological features were used: the level of military management, the regularity of meteorological support and the specifics of the activities of the Air Force. As a result, multidimensional typing was obtained. The third type was subjected to further detail, which allowed us to talk about its second level. All conclusions and provisions are illustrated by concrete examples from the experience of aviation meteorologists in providing the Air Force during the Great Patriotic War.*

Conclusion. *The possibility of using the historical-typological method to establish multidimensional and multilevel typing is shown by the example of a specific subject of research. It is established that the use of this method should be preceded by the use of a descriptive method. It is revealed that the key component determining the further possibility of typification is the selection of typological features.*

Keywords: *methodology; typification; meteorological support; Air Force; Red Army.*

Acknowledgements: *The authors express their gratitude to the leadership of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation and the editorial board of the journal "Izvestia of the Southwestern State University" for their attention to the topic under consideration.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Gavrilov A. G., Pryamitsyn V. N. The Establishment of Multidimensional and Multilevel Typing on the Example of History Research Meteorological Support of the Red army air Force During the Great Patriotic War (1941–1945). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 178–188. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-178-188.

Received 12.08.2022 Accepted 09.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Отечественную историческую науку отличает существенное внимание к вопросам методологии исследований и источниковедения. Одна из ведущих ролей в углублении этих направлений, без сомнения, принадлежит академику И. Д. Ковальченко (1923–1995 гг.), работы которого стали надежным фундаментом для нескольких поколений советских и рос-

сийских историков. Значительное место в трудах И. Д. Ковальченко отведено вопросам типизации (типологизации), широко применяющейся в науке.

Методология

Закономерно, что среди основных методов исторического исследования академик рассматривает историко-типологический. Он предполагает упорядочение объектов и явлений общественно-исторического развития путем выявления в них качественно однородных типов на основе установления присущих им общих существенных признаков [1, с. 152, 176].

Ключевым аспектом в проведении типизации И. Д. Ковальченко полагает установление основы – типологической черты, исходя из которой исследователь определяет типы объектов и явлений. В зависимости от того, что будет избрано в качестве типологической черты, можно получить разные результаты типизации. Таким образом, использовав при упорядочивании объектов или явлений общественно-исторического развития и их разделении на качественно однородные типы нескольких типологических черт, можно получить многоаспектную типизацию. В свою очередь, полученные типы могут быть подвергнуты дальнейшему, более глубокому упорядочиванию с выявлением подтипов. В таком случае можно вести речь о втором уровне типизации.

Первым шагом к определению типов явлений И. Д. Ковальченко указал глубокое осмысление «родового явления», т. е. самого предмета исследования. Академик справедливо утверждал: «Очевидно, что без понимания природы целого нельзя выделить и качественно определенные его части» [1, с. 178]. В связи с этим применению историко-типологического метода всегда предшествует применение дескриптивного метода.

Результаты и их обсуждение

Предлагается рассмотреть, как историко-типологический метод был применен к соответствующему предмету исследования, посвященного истории метеорологического обеспечения Военно-воздушных сил Красной армии (далее – ВВС КА) в годы Великой Отечественной войны. В первую очередь с использованием научной литературы и архивных источников были установлены хронология и содержание метеорологического обеспечения ВВС КА в годы Великой Отечественной войны. Определены ключевые нормативно-правовые акты, конкретное содержание работы авиационных метеорологов по обеспечению ВВС КА, ее региональные особенности и важнейшие события, недостатки и достижения, выявлены структура метеорологической службы ВВС КА, установлен вклад конкретных органов военного управления и должностных лиц в обеспечение авиации. Было доказано, что в годы Великой Отечественной войны метеорологическая служба играла важную роль в боевой и повседневной деятельности ВВС КА, а метеорологическое обеспечение представляло собой широкий комплекс разнонаправленных мероприятий [2, с. 19–21].

Полученный исходный материал позволил перейти к следующему шагу – подбору основы для типизации, заключающемуся в установлении типологических черт. В качестве таковых были предложены:

1) уровень военного управления, на котором осуществлялось метеорологическое обеспечение;

2) регулярность метеорологического обеспечения;

3) специфика деятельности ВВС КА, подлежавшей обеспечению со стороны авиационных метеорологов.

Таким образом, применив к метеорологическому обеспечению ВВС КА в годы Великой Отечественной войны историко-типологический метод и три указанные типологические черты, была установлена многоаспектная типизация предмета исследования. Каждый из полу-

ченных аспектов типизации заслуживает отдельного рассмотрения.

Первый аспект типизации. В годы Великой Отечественной войны без обеспечения со стороны авиационных метеорологов не обходились ни отдельные самолетовылеты, ни крупнейшие стратегические операции. Сведения о фактической и ожидаемой погоде предоставлялись и летному составу, и командованию воздушных армий, и представителям военно-политического руководства страны. В связи с этим при установлении первого аспекта типизации в качестве типологической черты использовался уровень военного управления. С его помощью в метеорологическом обеспечении ВВС КА в годы Великой Отечественной войны было установлено три типа: стратегический, оперативный, тактический.

Метеорологическое обеспечение ВВС КА на стратегическом уровне включало в себя предоставление исчерпывающей информации военно-политическому руководству страны, командованию Красной армии, ВВС КА, фронтов в части [3, с. 5], касающейся применения авиации. Обеспечение на стратегическом уровне осуществляли Главное управление гидрометеорологической службы Красной армии (ГУ ГМС КА), Центральный институт прогнозов ГУ ГМС КА, Отдел метеорологической службы Штаба ВВС КА и Главная авиационная метеорологическая станция (ГАМС) ВВС КА. Так, ГУ ГМС КА и ГАМС ВВС КА были связаны прямым проводом с Народным комиссариатом обороны СССР, а в ЦИП ГУ ГМС КА был определен круг специалистов, привлекаемых к докладам высшему руководству страны. Вместе с тем имели место случаи привлечения нижестоящих звеньев метеорологической службы к обеспечению на стратегическом уровне [4, с. 56–59]. Примером является обеспечение авиационным метеорологическим бюро 16-й Воздушной армии представителей Ставки Верховного Главнокомандования – Главного Маршала авиации А. А. Новикова и Главного Маршала авиации А. Е. Го-лованова в ходе проведения Берлинской стратегической наступательной операции [5, л. 58].

Объектом метеорологического обеспечения на оперативном уровне являлись командования, штабы и оперативные службы воздушных армий. Оно осуществлялось метеорологическими службами и авиационными метеорологическими бюро воздушных армий и ВВС военных округов. Методические и руководящие документы определяли этот уровень как ключевой, устанавливая приоритет оперативно-прогностической информации, разрабатываемой на уровне воздушной армии, перед другими [6, с. 10–13]. При этом в обеспечении на оперативном уровне принимала участие и ГАМС ВВС КА. Так, в ходе подготовки и проведения Сталинградской битвы начальник метеослужбы 8-й Воздушной армии майор И. Г. Ермолаев, опираясь на деятельность подчиненного авиационного метеорологического бюро, предоставлял весь необходимый оперативно-синоптический материал командованию и дежурной службе штаба армии [7, с. 80].

Нижестоящим уровнем и третьим типом метеорологического обеспечения являлся тактический, распространявший действие на авиационные корпуса, авиационные дивизии, авиационные полки. К завершению Великой Отечественной войны он выполнялся метеорологическими службами и авиационными метеорологическими бюро авиационных корпусов и дивизий, метеорологическими службами районов авиационного базирования и авиационными метеорологическими станциями батальонов аэродромного обслуживания [8, л. 154]. В частности, при подготовке к Курской битве в полосах действия одних лишь 16-й и 2-й воздушных армий было построено 154 аэродрома, на каждом из которых создавались авиационные метеостанции батальонов аэродромного обслуживания. Этот уровень обеспечения был наиболее близок к

летному составу. На нем решалась важнейшая задача детализации оперативно-прогностического материала, поступившего от вышестоящих звеньев метеорологического обеспечения, и обеспечение непосредственно боевых вылетов [9, с. 130–142].

Второй аспект типизации. Второй аспект получен с использованием в качестве типологической черты регулярности метеорологического обеспечения. Дело в том, что вышестоящее командование устанавливало для подчиненных авиационных метеорологов перечень материалов, которые необходимо было предоставлять, и сроки их предоставления (так называемый постоянный объем работы). При необходимости получения сведений о фактической или ожидаемой погоде, не входящих в установленный объем, командование обращалось к метеорологической службе с запросами. Таким образом, используя в качестве типологической черты регулярность метеорологического обеспечения, было установлено два типа: постоянный объем обеспечения, обеспечение по запросам.

Постоянный объем обеспечения диктовался вышестоящим командованием и определялся возможностями метеорологических частей и подразделений. В первом периоде Великой Отечественной войны они испытывали дефицит исходной метеорологической информации, нехватку кадров для обработки аэросиноптического материала, затруднения в вопросах сбора и распространения информации, недостаток специальных технических средств и бланкового материала. В связи с этим постоянный объем был минимально возможным [10, с. 97]. По мере ликвидации указанных трудностей постоянный объем нарастал, пока не достиг исчерпывающих значений к 1945 г. Эти преобразования четко прослеживаются при сопоставлении постоянного объёма обеспечения ВВС КА в ходе проведения Битвы за Москву и в заключительных операциях Великой Отечественной войны [11, с. 50, 51].

Объем метеорологического обеспечения по запросам также устанавливался профильным частям и подразделениям вышестоящим командованием. Он определялся, исходя из насущных потребностей ВВС КА в обеспечении, которые не могли быть удовлетворены с использованием постоянного объема. В первом периоде Великой Отечественной войны работа авиационных метеорологов по запросам носила масштабный характер. В дальнейшем количество запросов уменьшалось и к концу третьего периода стало минимальным за счет включения максимально возможной номенклатуры оперативно-прогностической информации в постоянный объем метеорологического обеспечения [12, с. 18, 19]. Как правило, заявки на разработку прогнозов поступали накануне массированного применения авиации либо ее применения на значительном удалении за линией фронта. Кроме того, они поступали заблаговременно, в свете подготовки к проведению операций. Так, в последних числах 1942 г. метеорологической службе 14-й Воздушной армии была поставлена задача на составление прогнозов погоды на 10 суток, на 3 суток и ежедневно на сутки вперед по конкретному участку фронта, на котором планировалось проведение операции по прорыву блокады г. Ленинграда [13, л. 151].

Третий аспект типизации. При установлении третьего аспекта типизации метеорологического обеспечения ВВС КА в годы Великой Отечественной войны в качестве типологической черты использовалась специфика деятельности авиации, подлежавшей обеспечению. Было выделено два типа: обеспечение боевых действий и обеспечение перелетов по воздушным трассам.

Работа по обеспечению боевых действий обладала существенной спецификой. Во-первых, при всей значимости фактора погоды ключевая роль отводилась решению боевой задачи. Метеороло-

гическая обстановка рассматривалась как важная, но не определяющая часть обстановки на театре боевых действий [14, с. 8]. Во-вторых, по мере смещения линии фронта районы деятельности авиационных метеорологов по обеспечению ВВС КА постоянно менялись. В-третьих, в ходе боевых действий необходимо было обеспечить не только безопасность полета, но в первую очередь эффективность использования технических средств и оружия самолета. В частности, наибольшей зависимостью от метеорологических условий характеризовалась боевая работа бомбардировочной авиации [15, л. 8].

Обеспечение ВВС КА при перелетах по воздушным трассам также имело ряд отличий. Во-первых, трассы носили постоянный характер, что позволяло их должным образом оборудовать в метеорологическом отношении, изучить и учесть физико-географические особенности. Во-вторых, при перелетах по ним ключевое значение уделялось авиационной безопасности. Это придавало работе авиационных метеорологов особое значение и возлагало на них высокую ответственность [16, л. 7]. Не случайно, в 1942 г. в Штабе ВВС КА были подготовлены и утверждены Указания по метеорологическому обеспечению перелетов по трассам, регламентировавшие круг задач и ответственность органов, частей, подразделений и должностных лиц за безопасность перегонки по ним самолетов [17, л. 1, 2].

Следующим шагом в проведении типизации метеорологического обеспечения ВВС КА в годы Великой Отечественной войны стало рассмотрение выявленных типов на предмет возможности дальнейшего разделения на качественно однородные подтипы. Было установлено, что второй уровень типизации, заключающийся в дальнейшем группировании на основе выявления присущих общих существенных признаков, возможен лишь применительно к третьему аспекту типизации. Напомним, что третий аспект типизации позволил во всем многообразии деятельности авиационных метеорологов по обеспечению ВВС КА выделить обеспечение боевых действий и перелетов по воздушным трассам.

На этот раз в качестве типологической черты была избрана география обеспечения. Благодаря ее использованию в метеорологическом обеспечении ВВС КА при ведении боевых действий были установлены два подтипа: 1) обеспечение в районе линии фронта и 2) обеспечение боевых вылетов в тыл противника. Первое и второе существенно разнится с точки зрения возможностей авиационных метеорологов по сбору исходной информации о погоде и разработке необходимого аэросиноптического материала. Проиллюстрировать эти различия можно на примере обеспечения авиации дальнего действия. Ее боевые вылеты выполнялись над территорией противника, не освещенной в метеорологическом отношении, с целью бомбардировок по объектам, находящимся на существенном удалении. Это обусловливало сложности в составлении прогнозов и более высокую зависимость успеха боевой работы от метеорологических условий [15, л. 1].

В рамках многоуровневой типизации предмета исследования была выполнена дальнейшая детализация метеорологического обеспечения перелетов ВВС КА по воздушным трассам. В частности, в этом типе выделены два подтипа: 1) метеорологическое обеспечение перелетов по внутренним воздушным трассам и 2) обеспечение на внешних воздушных трассах. Принципиальное отличие заключается в разной протяженности внутренних и внешних трасс, в различных условиях сбора и распространения метеорологической информации на них, а также в необходимости взаимодействия с авиационными метеорологами государств-союзников при обеспечении перелетов самолетов по внешним воздушным трассам. Данная специфика наиболее ярко прослеживается на примере метеорологического обеспечения перегонки авиационной техники по Красноярской воздушной

трассе, связывавшей воздушным мостом СССР и США [18, л. 1 об.].

В текстовом виде многоаспектная двухуровневая типизация метеорологического обеспечения ВВС КА в годы Великой Отечественной войны сложна для восприятия. В связи с этим при проведении исследования была составлена ее графическая схема (рис.).

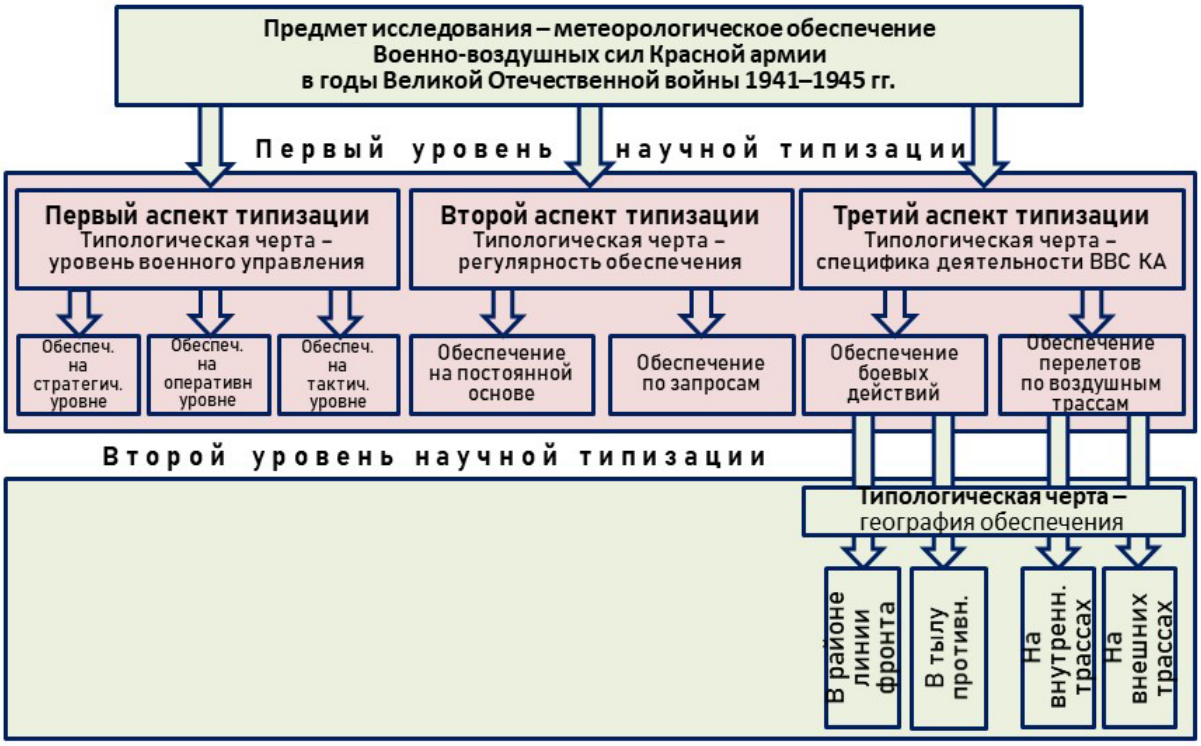

Рис. 1. Многоаспектная двухуровневая типизация метеорологического обеспечения ВВС КА в годы Великой Отечественной войны

Установлено, что все три аспекта, определенные в ходе проведения многоаспектной двухуровневой типизации, взаимно интегрированы и не противоречат друг другу. Любой прецедент (акт) метеорологического обеспечения ВВС КА в годы Великой Отечественной войны может быть отнесен одновременно к каждому из аспектов и уровней типизации. К примеру, метеорологическое обеспечение того или иного события может быть отнесено к оперативному уровню, быть частью постоянного объема метеорологического обеспечения и иметь отношение к обеспечению боевых действий ВВС КА, как в районах линии фронта, так и при полетах в тыл противника. В свою очередь, какой-либо другой прецедент мог характеризоваться тактическим уровнем обеспечения, быть выполненным по запросу и иметь отношение к перелетам по воздушным трассам, как внутренним, так и внешним.

Рассмотрим примеры многоаспектности типизации из опыта практической работы авиационных метеорологов ВВС КА в годы Великой Отечественной войны. В 1944 г. оперативная группа советских авиационных метеорологов обеспечивала боевые вылеты американских и английских самолетов при их действиях с Полтавского аэродромного узла. Такие вылеты, в которых участвовала авиация в масштабах воздушной армии, проводились время от времени. Взлет осуществлялся с территории союзников, а посадка – в СССР и наоборот [19, л. 59]. Обеспечение каждого из таких вылетов можно отнести одновременно к каждому из ти-

пов. С точки зрения уровня военного управления обеспечение осуществлялось на тактическом и оперативном уровнях. С точки зрения регулярности обеспечения оно относится к обеспечению по запросам, т. к. в свете каждой из «челночных операций» метеорологам ставились конкретные задачи по подготовке необходимого оперативно-прогностического материала. С точки зрения специфики деятельности обеспечение следует отнести к обеспечению боевых действий. В свою очередь, последнее с точки зрения географии относится к обеспечению боевых вылетов в тыл противника.

В годы Великой Отечественной войны наряду с другими маршрутами авиационная техника поставлялась в СССР через Иран. Для обеспечения ее перегонки в этой стране была развернута сеть авиационных метеорологических подразделений. Начальник метеорологической службы 9-й авиационной базы особого назначения отвечал за регулярную разработку необходимого оперативно-прогностического материала по всей трассе перегонки самолетов [20, л. 21]. С точки зрения уровня военного управления данное обеспечение относится к тактическому уровню. С точки зрения регулярности в ней преобладал постоянный объем работы. С позиций специфики деятельности ВВС КА это относится к обеспечению перелетов по воздушным трассам. При установлении типизации второго уровня можно детализировать, что обеспечение осуществлялось именно на внешней воздушной трассе.

Выводы

Подводя итог рассмотрению вопроса установления многоаспектной и многоуровневой типизации, можно сделать следующие выводы:

1. В результате проведенного исследования истории метеорологического обеспечения ВВС КА в годы Великой Отечественной войны удалось применить историко-типологический метод с использованием трех разных типологических черт, что позволило получить многоаспектную типизацию предмета.

2. С использованием географии обеспечения в качестве типологической черты, типы обеспечения, выявленные в рамках третьего аспекта типизации, были подвергнуты дальнейшей детализации, в результате чего были определены подтипы. Это позволяет делать вывод о двухуровневости полученной типизации.

3. Типы, определенные в ходе проведения многоаспектной двухуровневой типизации, взаимно интегрированы и не противоречат друг другу, что было подтверждено рассмотрением ряда конкретных примеров из опыта метеорологического обеспечения ВВС КА в годы Великой Отечественной войны.

4. Историко-типологический метод является действенным инструментом изучения объектов и явлений прошлого, а научная типизация – весомым научным результатом проведенного исследования.

5. В случае многоаспектности и многоуровневости восприятие типизации может быть упрощено с помощью графического отображения.

Список литературы

1. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.

2. Информационный сборник № 2: (Метеорологическая служба ВВС в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн). М.: Воениздат, 1947.

3. Федоров Е. К. Гидрометслужба СССР в Великой Отечественной войне // Метеорология и гидрология. 1975. № 5.

4. Епинатьев М. Н. Метеорологическое обеспечение авиации дальнего действия в Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военная метеорология и ее роль в гидрометеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник статей. СПб.: [Б. и.], 1995.

5. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 35. Оп. 11264. Д. 110.

6. Наставление по метеорологической службе Военных воздушных сил Красной армии (НАМС-44). М.: Воен. изд-во НКО, 1944. 54 с.

7. Коган-Белецкий Г. И. Авиационные метеорологи в Великой Отечественной войне // Военная гидрометеорология и ее роль в метеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник статей. СПб.: [Б. и]. 1995.

8. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 116.

9. Герасимов А. А. Метеорологическое обеспечение фронтовой истребительной авиации // Военная гидрометеорология и ее роль в гидрометеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник статей. СПб.: [Б. и], 1995.

10. Новожилов Н. И. Воспоминания авиационного метеоролога о Великой Отечественной войне // Военная метеорология и ее роль в гидрометеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник статей. СПб.: [Б. и], 1995.

11. Николаев И. С. Метеорологическая служба Военно-воздушных сил в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военная гидрометеорология и ее роль в гидрометеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник статей. СПб.: [Б. и], 1995.

12. Клепиков В. А., Удриш В. В., Попов Д. А. 90 лет Гидрометеорологической службе ВС РФ. М.: ГМС ВС РФ, 2005. 68 с.

13. Сперанский В. М. Метеорологическое обеспечение боевых действий авиации // Военно-исторический журнал. 1982. № 5. С. 20–26.

14. Кулаков А. А., Шталь В. А. Военная метеорология. М.: Воениздат, 1940. 288 с.

15. ЦАМО РФ Ф. 35. Оп. 11269. Д. 16.

16. ЦАМО РФ Ф. 35. Оп. 11264. Д. 88.

17. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 21.

18. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 61.

19. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 90.

20. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 26.

References

1. Koval'chenko I. D. Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical research]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 440 p.

2. Informacionnyj sbornik no. 2: (Meteorologicheskaya sluzhba VVS v gody Vtoroj mirovoj i Velikoj Otechestvennoj vojn) [Information collection No. 2: (Meteorological Service of the Air Force during the Second World War and the Great Patriotic War)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1947.

3. Fedorov E. K. Gidrometsluzhba SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne [Hydrometeorological Service of the USSR in the Great Patriotic War]. *Meteorologiya i gidrologiya = Meteorology and Hydrology*, 1975, no. 5.

4. Epinat'ev M. N. [Meteorological support of long-range aviation in the Great Patriotic War of 1941-1945]. *Voennaya meteorologiya i ee rol' v gidrome-teorologicheskom obespechenii voennyh dejstvij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Sbornik statej* [Military meteorology and its role in hydrometeorological support of military operations during the Great Patriotic War of 1941-1945. Collection of articles]. St. Petersburg, 1995. (In Russ.)

5. CAMO RF (Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii) [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 35, op. 11264, d. 110.

6. Nastavlenie po meteorologicheskoj sluzhbe Voennyh vozdushnyh sil Krasnoj armii (NAMS-44) [Manual on the meteorological service of the Military Air Forces of the Red Army (ON MS-44)]. Moscow, Voen. Izd-vo NKO Publ., 1944. 54 p.

7. Kogan-Beleckij G. I. [Aviation meteorologists in the Great Patriotic War]. *Voennaya meteorologiya i ee rol' v meteorologicheskom obespechenii voennyh dejstvij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Sbornik statej* [Military meteorology and its role in meteorological support of military operations during the Great Patriotic War of 1941-1945. Collection of articles]. St. Petersburg, 1995. (In Russ.)

8. CAMO RF, f. 35, op. 11264, d. 116.

9. Gerasimov A. A. [Meteorological support of front-line fighter aircraft]. *Voennaya meteorologiya i ee rol' v gidrometeorologicheskom obespechenii voennyh dejstvij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Sbornik statej* [Military meteorology and its role in hydrometeorological support of military operations during the Great Patriotic War of 1941-1945. Collection of articles]. St. Petersburg, 1995. (In Russ.)

10. Novozhilov N. I. [Memoirs of an aviation meteorologist about the Great Patriotic War]. *Voennaya meteorologiya i ee rol' v meteorologicheskom obespechenii voennyh dejstvij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Sbornik statej* [Military meteorology and its role in meteorological support of military operations during the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of articles]. St. Petersburg, 1995. (In Russ.)

11. Nikolaev I. S. [Meteorological Service of the Air Force during the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Voennaya meteorologiya i ee rol' v gidrometeorologi-cheskom obespechenii voennyh dejstvij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Sbornik statej* [Military meteorology and its role in hydrometeorological support of military operations during the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of articles]. St. Petersburg, 1995. (In Russ.)

12. Klepikov V. A., Udrish V. V., Popov D. A. 90 let Gidrometeorologicheskoj sluzhbe VS RF [90 years of the Hydrometeorological Service of the Armed Forces of the Russian Federation]. Moscow, GMS VS RF Publ., 2005. 68 p.

13. Speranskij V. M. Meteorologicheskoe obespechenie boevyh dejstvij aviacii [Meteorological support of aviation combat operations]. *Voenno-istoricheskij zhurnal = Military History Magazine*, 1982, no. 5, pp. 20–26.

14. Kulakov A. A., Shtal' V. A. Voennaya meteorologiya [Military meteorology]. Moscow, Voenizdat Publ., 1940. 288 p.

15. CAMO RF, f. 35, op. 11269, d. 16.

16. CAMO RF, f. 35, op. 11264, d. 88.

17. CAMO RF, f. 35, op. 11264, d. 21.

18. CAMO RF, f. 35, op. 11264, d. 61.

19. CAMO RF, f. 35, op. 11264, d. 90.
20. CAMO RF, f. 35, op. 11264, d. 26.

Информация об авторах / Information about the Authors

Гаврилов Алексей Геннадьевич, соискатель
Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: gag-77@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9730-2432

Прямицын Владимир Николаевич, доктор исторических наук, начальник отдела Научно-исследовательского института военной истории, Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: priamitzynvn@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0011-8319

Alexey G. Gavrilov, Researcher, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: gag-77@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9730-2432

Vladimir N. Priamitzyn, Dr. of Sci. (Histotical), Head of Department of Military History Research Institute, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: priamitzynvn@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0011-8319

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-189-198

(cc) BY 4.0

Реформирование управления лесами в Российской империи в середине XIX века Первые шаги реформы (на примере Курской губернии)

С. А. Никифоров[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru

Резюме

Актуальность. *В лесном праве России в последние десятилетия были проведены серьезные преобразования. Государство сегодня апробирует новую концепцию управления лесами и использования лесных ресурсов, основанную на приоритете публичного права. В истории России имеется опыт эволюционной трансформации концепций частного и публичного права в сфере лесных правоотношений.*

Цель *– изучить опыт эволюционной трансформации частного и публичного права в сфере регулирования лесопользования в России в середине XIX века.*

Задачи. *В рамках статьи решаются следующие задачи: анализ правовых основ реформирования управления лесами в середине XIX века, особенности реализации отдельных положений на первом этапе реформы на примере Курской губернии.*

Методология *исследования основывается на использовании диалектического подхода с привлечением современных методов и способов изучения нормативно-правовых актов.*

Результаты. *Несмотря на отсутствие какого-либо основополагающего законодательного акта, знаменующего начало реформы в области управления лесами европейской части России в середине XIX века, реформа имела принципиальный характер. Положения публичного права были распространены на сферу, в которой ранее доминировали нормы частного права.*

Выводы. *К середине XIX века у государства имелись веские основания упорядочить и жестко регламентировать порядок использования лесов, в том числе находившихся в частной собственности. В частновладельческих лесах к 50-м годам XIX века стала очевидной проблема истребления лесов в европейской части России. Государство начало проведение реформы с непривилегированного сословия – крестьянства. Однако реформа встретила непонимание не только со стороны крестьян, но и государственных чиновников, ответственных за ее реализацию. Негативное отношение чиновников Лесного отделения Курской палаты государственных имуществ к трансформации управления лесным хозяйством губернии привело к затягиванию реформы.*

Ключевые слова: *лесное право; лесное законодательство; реформа; государственное регулирование; Александр II.*

Финансирование: *Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Никифоров С. А. Реформирование управления лесами в Российской империи в середине XIX века: Первые шаги реформы (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 189–198. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-189-198.

Поступила в редакцию 10.08.2022 Принята к публикации 08.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Никифоров С. А., 2022

Forest Management Reform in the Russian Empire in the Mid – Nineteenth Century: The First Steps of the Reform (on the Example of the Kursk Province)

Sergey A. Nikiforov[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ email: s.nikiforoff@rambler.ru

Abstract

Relevance. *Serious transformations have been carried out in the forest law of Russia in recent decades. The State is currently testing a new concept of forest management and use of forest resources based on the priority of public law. In the history of Russia, there is an experience of evolutionary transformation of the concepts of private and public law in the field of forest legal relations.*

The Purpose *– study the experience of the evolutionary transformation of private and public law in the field of forest management in Russia in the middle of the XIX century.*

Objectives. *Within the framework of the article, the following tasks are solved: analysis of the legal foundations of forest management reform in the middle of the XIX century, features of the implementation of certain provisions at the first stage of the reform on the example of the Kursk province.*

The methodology *of the research is based on the use of a dialectical approach, involving modern methods and methods of studying normative legal acts.*

Results. *Despite the absence of any fundamental legislative act marking the beginning of the reform in the field of forest management in the European part of Russia in the middle of the XIX century, the reform was of a fundamental nature. The provisions of public law were extended to the sphere in which the norms of private law had previously dominated.*

Conclusion. *By the middle of the XIX century, the state had good reasons to streamline and strictly regulate the use of forests, including those that were privately owned. In privately owned forests by the 50s of the XIX century, the problem of forest destruction in the European part of Russia became obvious. The state began the reform with the unprivileged estate – the peasantry. However, the reform was misunderstood not only by peasants, but also by government officials responsible for its implementation. The negative attitude of the officials of the Forestry Department of the Kursk Chamber of State Property to the transformation of the forestry management of the province led to a delay in the reform.*

Keywords: *forest law; forest legislation; reform; state regulation; Alexander II.*

Funding: *The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2022 "Transformation of private and public law in an evolving individual, society and state" (No. 0851-20200033).*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Nikiforov S. A. Forest Management Reform in the Russian Empire in the Mid –Nineteenth Century: The First Steps of the Reform (on the Example of the Kursk Province). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 189–198. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-188-198.

Received 10.08.2022 Accepted 08.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Преобразования, проведенные в Российской империи при Александре II, получили наименование «Великих реформ». К их числу традиционно относят: крестьянскую, земскую, судебную, военную реформы, реформу городского самоуправления, отмену системы откупов, изменения в сфере образования, ослабление цензуры. Такая точка зрения закреплена в Большой российской энциклопе-

дии[1], многочисленных школьных [1; 2; 3] и вузовских учебниках [4; 5; 6; 7] по истории России. Все названные реформы имели либеральный характер и были связаны с некоторым ослаблением влияния государства на различные сферы общественной жизни. Великие реформы проводились в условиях трансформации публичного и частного права с общей тенденцией на усиление влияния в обществе норм частного права.

Несмотря на наличие научных работ, освещающих некоторые аспекты государственной политики в области управления лесным хозяйством России в XIX в. [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15], из поля зрения исследователей «выпала» трансформация законодательного регулирования использования лесных богатств, которая произошла в период правления Александра II. Эта реформа не имеет отношения к идеям «либеральных бюрократов», на которые опирался император, проводя большинство преобразований. Напротив, государство в результате реформы усилило контроль за лесами и одновременно лишило владельцев частных лесов права распоряжаться ими как недвижимым имуществом.

Еще со времен Екатерины Великой частным собственникам земель, занятых лесом, было даровано неограниченное право распоряжения лесными богатствами. Лес рассматривался как принадлежность земельного участка, пользоваться которой собственник мог «без всякого постороннего участия» [13, с. 145]. Лес стал предметом свободной торговли на внутреннем и международном рынках. По мнению исследователей, указ Екатерины II от 1782 г. о свободной рубке лесов принес много – началось бесконтрольное истребление лесов [15, с. 42].

Право всех слоев российского общества (в том числе крестьян) на рубку леса без ограничений привело к значительному сокращению площади лесов в европейской части стран к середине XIX столетия [16, с. 124–134]. Государство не могло более игнорировать проблему сокращения лесов. Требовалось установить контроль государства за использованием не только казенных лесов, но и лесных дач, принадлежащих частным владельцам – общинам государственных крестьян и дворян.

Реформа управления лесами шла поэтапно. Она постепенно продвигалась, несмотря на отсутствие поддержки не только со стороны собственников и пользователей лесов, но и чиновников Лесного департамента на местах. К начальному этапу реформы следует отнести период 1857-1864 гг., когда под контроль казны перешли общие леса и частные леса государственных крестьян.

Рассмотрим особенности начального эпапа реформы управления лесами на примере Курской губернии, на территории которой раполагалось значительное количество лесных дач всех категорий лесов, предусмотренных российским правом.

Методология

Методология исследования основывается на использовании диалектического подхода, с привлечением современных методов и способов изучения нормативно-правовых актов. При рассмотрении заявленной темы широко применялся формально-логический метод, методы анализа и синтеза, метод сравнительного анализа, дедукция, индукция, формально-юридический, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой. Достоверность полученных результатов обеспечена широким привлечением теоретических источников по юриспруденции, нормативно-правовых и подзаконных актов, действовавших в рассматриваемый период.

[1] Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3785533?yscli d=l739za69do145136651 (дата обращения: 02.07.2022).

Результаты и их обсуждение

Одной из особенностей реформы управления лесами, проведенной в период правления Александра II, стало отсутствие какого-либо основополагающего законодательного акта, знаменующего начало реформы (наподобие Манифеста 19 февраля 1861 г.). Устав лесной, опубликованный в 1857 г. [18], был прямым преемником предыдущего издания 1842 г. [17] К 1857 г. в определенной степени внутренняя структура Устава была упорядочена, объем сократился с 1716 статей до 1669 статей. Ряд исследователей считают, что новый Устав имел совсем немного отличий от прежнего и связаны эти отличия были в основном с отменой отдельных статей или приложений к ним.

Однако, несмотря на неявный характер преобразований, они начались вместе с публикацией обновленного Устава лесного в 1857 г. В новом издании появилась ст. 1397, которая распространила положения ст. 1372, 1373 и некоторых других, касающиеся въезжих лесов, на общие леса (принадлежавшие одновременно нескольким владельцам, например, крестьянской общине и казне) [18, ст. 1397]. Статьи 1372 и 1373 предписывают передать в управление Палаты государственных имуществ неразмежёванные въезжие леса до момента их размежевания и выделения участков леса, принадлежащих казне. Статьи 1372 и 1373 действовали уже достаточно давно: введены они были еще в 1838 г., последние изменения в них были внесены в 1845 и 1839 гг. соответственно [18, ст. 1372, 1373]. Статья же 1397 представляла собой новацию – впервые опубликована была в Уставе лесном в 1857 г. Она распространяла нормы публичного права на общие леса, находившиеся в частной коллективной собственности крестьянских общин, и ранее никак не контролировавшихся государством.

Начало трансформации системы управления лесами прошло незаметно. Леса по прежнему продолжали вырубать. Лесные массивы стремительно сокращались. За ущерб, наносимый государству, ответственности никто не нес.

Ко времени начала реформы в Курской губернии существовало пять лесничеств: Курское, Белгородское, Корочанское, Льговское и Рыльское. Для европейской части России в XIX в. был характерен постепенный рост количества лесничеств при сокращении их площадей, что было вызвано развитием лесного хозяйства [19, с. 28]. Лесничества возглавлялись лесничими и находились в подчинении Лесного отделения Курской палаты государственных имуществ, созданной в 1838 г. взамен закрытого Курского отделения Конторы государственных имуществ.

Местные лесничие не стремились решать возникшие проблемы – они, очевидно, сами имели незаконный доход с торговли казенным лесом. Характерным примером является разбирательство об «уменьшении» площади леса вблизи села Алексеевка, находившегося в начальный период расследования в ведении Рыльского лесничества. Рыльскому лесничему с июля 1853 г. направлялись письма от Курской палаты государственных имуществ, полицейских органов с просьбой разобраться в причинах сокращения площади леса, произвести замеры леса, как вырубленного, так и оставшегося [20, л. 1–5]. Ответ задерживался… За время переписки Алексеевская дача была из Рыльского лесничества передана Льговскому лесничеству. 30 сентября Курская палата государственных имуществ отдала распоряжение Льговскому лесничему поручику Бухольц принять участие в следствии по делу. Реакции не последовало. Во второй половине ноября Палата предписывала поручику «немедленно отправиться в село Алексеевку и находиться при следствии по делу об уменьшении пространства леса в Алексеевской даче…» [20, л. 6]. Льговский лесничий (так же как до него Рыльский) не торопился исполнять распоряжения начальства. В

рапорте, направленном им в Курскую палату госимуществ лишь в декабре, он написал, что не может в настоящее время приступить к выполнению предписания в связи с подготовкой годовой отчетности [20, л. 6–6 об.]. Губернское начальство Лесного отделения было возмущено ответом и в следующем письме (от 22 декабря 1853 г.) высказало возмущение отпиской, данной лесничим. В письме даже содержится прямое обвинение в злоупотреблениях полномочиями льговским лесничим: «…Вы занимаетесь продажей леса, а не составлением годовых отчетов» [20, л. 7–8]. Лесничий обвинения проигнорировал и нашел новую причину не исполнять распоряжение. В рапорте от 15 января он сообщает: «…в настоящее время стоит зима и все лесные дачи завалены большим снегом…» и к расследованию «приступить нет никакой возможности» [20, л. 10–10 об.]. Переписка продолжалась до 1861 года… Чиновники многократно просили уездный суд ускорить рассмотрение дела, требовали от лесничих отчетов, грозили им. Однако установить причины сокращения казенной собственности и размеры ущерба не удалось. Возможно, лес сгорел в результате пожара, возможно, был вырублен местными крестьянами, а вероятнее всего, был продан самими лесничими [20, л. 1–73].

Тезис о слабом контроле за сохранением лесов со стороны ответственных чиновников подтверждается отечественными исследователями. Самовольные порубки леса населением были широко распространены, и нарушители, как правило, не наказывались [9, с. 329]. Требовалось активное вмешательство государства в проведение ревизии оставшихся лесных массивов и ужесточение государственного контроля за использованием лесных богатств.

Реформа, лишь обозначенная в 1857 г., стала реализовываться в 1859 г. В соответствии с Указом Его Императорского величества Александра I и на основании предписаний № 15279 от 27 мая 1859 г. и № 22478 от 3 августа 1859 г. Управляющего Министерством государственных имуществ в соответствии со ст. 1397, 1372, 1373 VIII тома Свода законов – Устава Лесного (изд. 1857 г.) Губернский лесничий Курской палаты государственных имуществ 30 сентября 1859 г. приказал *немедленно* принять в ведение Лесного управления лесные дачи, как неразмежеванные и находившиеся в совместном владении казны с частными лицами (общие), так и леса, использовавшиеся государственными крестьянами в качестве единственных собственников [21, л. 14].

Очевидно, планируемые государством преобразования настолько шли вразрез со сложившимся порядком использования лесов, не принадлежавших казне, частными лицами, что вызвали сомнения у чиновников Лесного департамента по поводу необходимости передачи в казенное управление лесных массивов, полностью находившихся во владении государственных крестьян (без казенных долей). Таких лесов в Курской губернии насчитывалось значительное количество – более 400 [21, л. 14]. Чиновники Курской палаты государственных имуществ даже запросили разъяснения Лесного департамента Министерства государственных имуществ. Ответ департамента (№ 22478 от 3 августа 1859 г.) был однозначным: леса, традиционно использовавшиеся государственными крестьянами по собственному усмотрению и без контроля со стороны государства, следовало также передать в казну.

Распоряжения Курского губернского лесничего предписывалось направить заведующим лесничествами Курской губернии и другим чиновникам, которые должны были способствовать проведению преобразований.

Окружным начальникам, в некоторых наиболее сложных и спорных случаях, при содействии чиновников земской полиции предписывалось подготовить приемные ведомости лесов, передавае-

мых в управление Курской палаты государственных имуществ. В ведомостях следовало отразить размеры каждой лесной дачи, породы произрастающих в них деревьев, качество леса. Во избежание самовольной вырубки леса, передаваемого в казенное управление, окружные начальники должны были незамедлительно в каждой из лесных дач учредить временную стражу. Об исполнении этого распоряжения местные власти должны были доложить до середины октября 1859 г. Губернский лесничий особо предупредил чиновников, ответственных за выполнение распоряжения, о «строжайшей ответственности» за медлительность, в результате которой может произойти самовольное истребление леса. В этом случае окружному начальству предстояло возместить понесенные казной убытки [21, л. 14].

Земские суды также должны были препятствовать вырубке лесов, которые планировалось передать в казну. Не дожидаясь окончания процесса принятия лесных дач в казну, земские суды по требованию лесничих должны были командировать чиновников земской полиции для сбора с крестьян подписок о недопустимости рубки леса без разрешения лесничих. Подписки также до 15 октября следовало представить в Курскую палату государственных имуществ. В связи с тем, что земские суды и полиция не находились в подчинении Курской палаты государственных имуществ, Главный лесничий губернии попросил о содействии Курского губернатора, которому было направлено донесение о проводимых преобразованиях [21, л. 14].

Ведомости лесов, передаваемых в казенное управление, были направлены в Лесное отделение Курской палаты госимуществ, хотя и с некоторой задержкой. Так, по Курскому лесничеству соответствующая ведомость поступила 29 октября 1859 г. В ведомости перечислено 346 лесных дач с группировкой по уездам, которые входили в Курское лесничество (Курский, Тимский, Обоянский, Щигровский уезды). В документе явно недостает информации, которую запросил Курский губернский лесничий: указаны лишь названия населенного пункта, где проживали крестьяне, пользовавшиеся лесом, и его площадь в десятинах. Ни точное месторасположение, ни тип леса (хвойный или лиственный), ни его качество в документе не отображено [21, л. 3–13].

Потребовалось несколько лет для уточнения площади и других характеристик лесов, подлежащих передаче в государственное управление. В ходе этого процесса Лесное отделение Курской палаты государственных имуществ неоднократно направляло в лесничества губернии распоряжения с предписанием уточнить сведения о лесах, находившихся в местностях, вверенных им в управление, и требовало ни в коем случае не упустить из поля зрения ни одного лесного массива, который следовало передать в казну [21, л. 15–15 об.]. Судя по всему, в распоряжении руководителей лесничеств Курской губернии отсутствовала достоверная информация о площади, и тем более о характеристиках лесов, находившихся в совместном владении казны с частными лицами, и лесных дач, использовавшихся государственными крестьянами.

Сбор сведений силами лесничих продолжался до 1862 г. [21, л. 15–21] Дело по учету лесов, подлежащих в казенное управление, и составлению соответствующих ведомостей удалось продвинуть лишь с привлечением волостных правлений уездов Курской губернии – весной 1862 г. они начали направлять в адрес Лесного отделения Курской палаты госимуществ требуемые уточненные ведомости по лесным дачам. Сбор сведений шел до конца 1864 г. Далеко не все волости предоставили информацию о качестве леса, его особенностях. Многие волостные начальники предпочли ограничиться лишь указанием размеров лесных дач и их расположением [21, л. 27–265].

Параллельно сбору сведений о размере неразмежеванных и общих лесов Курская палата государственных имуществ вела работу по приему лесных дач в казенное управление. В Государственном архиве Курской области отложилась соответствующая переписка между Курской палатой государственных имуществ и лесничими, между лесничими и волостными правлениями [22, л. 1–217]. Чиновники Палаты всячески торопили местных лесничих к принятию в управление общих крестьянских лесов и напоминали о недопустимости рубки леса крестьянами – собственниками лесных дач [22, л. 44, 47–50]. В то же время волостные правления, очевидно не до конца понимая намерения государства в сфере регулирования лесопользования, регулярно напоминали главам местных лесничеств о том, что леса находятся в частной собственности государственных крестьян и крестьяне платят за них поземельный оброк в пользу государства [22, л. 54–58]. Сами же лесничие не торопились выполнять распоряжения губернского начальства [22, л. 62–65об.], очевидно не желая увеличивать площади лесов, находящихся в казенном управлении, и одновременно круг своих обязанностей.

Выводы

К середине XIX в. у государства имелись веские основания упорядочить и жестко регламентировать порядок использования лесов, в том числе находившихся в частной собственности. За несколько десятков лет, прошедших с опубликования указа Екатерины II о дозволении бесконтрольных порубок в частновладельческих лесах до 50-х годов XIX века, стала очевидной проблема истребления лесов в европейской части России. Государство, имея планы взять под контроль все частновладельческие леса, в том числе принадлежавшие дворянству, начало проведение реформы с непривилегированного сословия – крестьянства, которое априори не могло оказать существенного противодействия ходу реформы. Однако реформа встретила непонимание не только со стороны крестьян, но и государственных чиновников, ответственных за ее реализацию. Негативное отношение чиновников Лесного отделения Курской палаты государственных имуществ к трансформации управления лесным хозяйством губернии привело к затягиванию реформы.

Список литературы

1. Соловьёв К. А., Шевырёв А. П. История России. 1801–1914; под науч. ред. Ю. А. Петрова. 5-е изд. М.: Русское слово, 2019. 309 с.

2. Ляшенко Л. М., Волобуев О. В., Симонова Е. В. История России XIX – начало XX века. 5-е изд., перераб. М.: Дрофа, 2019. 351 с.

3. Вишняков Я. В., Могилевский Н. А., Агафонов С. В. История России. XIX – начало XX / под общ. ред. В. Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. 352 с.

4. История России 19 – начала 20 вв. / под ред. В. А. Федорова. М.: Зерцало, 1998. 752 с.

5. История России / под ред. М. Н. Зуева и А. А. Чернобаева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 2009. 636 с.

6. История России / А. С. Орлов [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 680 с.

7. Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 512 с.

8. Алексеев А. А., Третьяков А. В. Государственное регулирование лесного хозяйства Российской империи в XIX – начале XX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 2(42). С. 27–32.

9. Белоусова Н. П. Законодательная политика Российской империи в XIX в., направленная на охрану лесных ресурсов государства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 3(59). С. 329–331.

10. Истомина Э. Г. Лесное хозяйство губерний Европейской России в XIX – начале XX в.: механизмы управления и охраны // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 17(139). С. 169–184.

11. Тяпкин М. О., Тяпкина О. А. Модернизация лесной отрасли Российской империи во второй трети XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2(90). С. 148–154.

12. Тяпкин М. О. Реформирование системы лесного управления и охраны лесов Российской империи в 20–30-е гг. XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 130–134.

13. Тяпкин М. О., Тяпкина О. А. Развитие законодательства об охране частных лесов Российской империи во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4(95). С. 144–149.

14. Черных В. В. Лесное законодательство в период правления Николая I // Сибирский юридический вестник. 2020. № 1(88). С. 15–21.

15. Черных В. В. Лесной департамент как государственно-правовой институт Российской империи: становление и развитие // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4(95). С. 41–46.

16. Цветков М. А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 213 с.

17. Устав лесной // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 8. СПб.: В Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1842. С. 3–395.

18. Устав лесной // Свод законов Российской империи. Т. 8. СПб.: В Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. С. 1–421.

20. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 311. Оп. 1. Д. 493.

19. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Часть III. Государственные имущества. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1888. 444 с.

21. ГАКО Ф. 311. Оп. 1. Д. 9.

22. ГАКО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 497.

References

1. Solov'yov K. A., Shevyryov A. P. Istoriya Rossii. 1801–1914 [The history of Russia. 1801–1914]; ed. by Yu. A. Petrova. 5th ed. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2019. 309 p.

2. Lyashenko L. M., Volobuev O. V., Simonova E. V. Istoriya Rossii XIX – nachalo XX veka [History of Russia XIX – early XX century]. 5th ed. Moscow, Drofa Publ., 2019. 351 p.

3. Vishnyakov Ya. V., Mogilevskij N. A., Agafonov S. V. Istoriya Rossii. XIX – nachalo XX [History of Russia XIX – early XX century]; ed. by V. R. Medinskogo. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2021. 352 p.

4. Istoriya Rossii 19 – nachala 20 vv. [The history of Russia of the 19th – early 20th centuries]; ed. by V. A. Fedorov. Moscow, Zercalo Publ., 1998. 752 p.

5. Istoriya Rossii [History of Russia]; ed. by M. N. Zuev, A. A. Chernobaev. 3th ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2009. 636 p.

6. Orlov A. S., eds. Istoriya Rossii [History of Russia]. 2th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 680 p.

7. Munchaev Sh. M., Ustinov V. M. Istoriya Rossii [History of Russia]. 7th ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2018. 512 p.

8. Alekseev A. A., Tret'yakov A. V. Gosudarstvennoe regulirovanie lesnogo hozyajstva Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX v. [State regulation of forestry of the Russian Empire in the XIX – early XX century]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 2017, no. 2(42), pp. 27–32.

9. Belousova N. P. Zakonodatel'naya politika Rossijskoj imperii v XIX v., napravlennaya na ohranu lesnyh resursov gosudarstva [Legislative policy of the Russian Empire in the XIX century, aimed at protecting the state's forest resources]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 2008, no. 3(59), pp. 329–331.

10. Istomina E. G. Lesnoe hozyajstvo gubernij Evropejskoj Rossii v XIX – nachale XX v.: mekhanizmy upravleniya i ohrany [Forestry of the provinces of European Russia in the XIX – early XX century: management and protection mechanisms]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya = Bulletin of the Russian State University. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies*, 2014, no. 17(139), pp. 169–184.

11. Tyapkin M. O., Tyapkina O. A. Modernizaciya lesnoj otrasli Rossijskoj imperii vo vtoroj treti XIX v. [Modernization of the forest industry of the Russian Empire in the second third of the XIX century]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*, 2016, no. 2(90), pp. 148–154.

12. Tyapkin M. O. Reformirovanie sistemy lesnogo upravleniya i ohrany lesov Rossijskoj imperii v 20–30-e gg. XIX v. [Reforming the system of forest management and protection of forests of the Russian Empire in the 20-30s of the XIX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2016, no. 403, pp. 130–134.

13. Tyapkin M. O., Tyapkina O. A. Razvitie zakonodatel'stva ob ohrane chastnyh lesov Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX v. [The development of legislation on the protection of private forests of the Russian Empire in the second half of the XIX century]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*, 2016, no. 4(95), pp. 144–149.

14. Chernyh V. V. Lesnoe zakonodatel'stvo v period pravleniya Nikolaya I [Forest legislation during the reign of Nicholas I]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2020, no. 1(88), pp. 15–21.

15. Chernyh V. V. Lesnoj departament kak gosudarstvenno-pravovoj institut Rossijskoj imperii: stanovlenie i razvitie [The Forest Department as a state-legal institution of the Russian Empire: formation and development]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2021, no. 4(95), pp. 41–46.

16. Cvetkov M. A. Izmenenie lesistosti Evropejskoj Rossii s konca XVII stoletiya po 1914 god [Changes in the forest cover of European Russia from the end of the XVII century to 1914]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1957. 213 p.

17. Ustav lesnoj [The Charter of the forest]. Svod zakonov Rossijskoj imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyj [The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of the Sovereign Emperor Nikolai Pavlovich]. St. Petersburg, V Tip. Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1842, vol. 8, pp. 3–395.

18. Ustav lesnoj [The Charter of the forest]. Svod zakonov Rossijskoj imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, V Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1857, vol. 8, pp. 1–421.

20. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. 311, op. 1, d. 493.

19. Istoricheskoe obozrenie pyatidesyatiletnej deyatel'nosti Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv. 1837–1887. Pt III. Gosudarstvennye imushchestva [Historical review of the fifty-year activity of the Ministry of State Property. 1837-1887. Pt. III. State property]. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K, 1888. 444 p.

21. GAKO, f. 311, op. 1, d. 9.

22. GAKO, f. 311, op. 1, d. 497.

Информация об авторе / Information about the Author

Никифоров Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-0853-0842

Sergey A. Nikiforov, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor of the Department of History and Sociocultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-0853-0842

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-199-207

(cc) BY 4.0

Землепользование и система хозяйства в России в начале XX века

А. А. Колупаев[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В данной статье предпринята попытка рассмотрения особенностей землепользования в начале XX века в России. Система землепользования в России в исследуемый период представляла собой результат аграрных преобразований второй половины XIX века и аграрной реформы начала XX века.*

Целью *настоящего исследования является рассмотрение особенностей развития землепользования в начале XX века в России.*

Задачи*. Проведение системного анализа исторической информации, направленного на изучение системы землепользования в начале XX века в России; изучение динамики развития поземельных отношений в стране.*

Методология. *Методологической основой исследования выступают: методы объективности и научности, историко-сравнительный и хронологический подходы, а также принцип историзма.*

Результаты *научного исследования позволили автору сформулировать объективные выводы о формировании и развитии системы землепользования в России в начале XX века.*

Выводы. *Система землепользования в России в начале XX века была тесно связана с системой землевладения, которая формировалась на протяжении нескольких столетий. Российское крестьянство испытывало острую нужду вследствие своей ограниченности земельными ресурсами. Оно вынуждено было арендовать значительные площади у других собственников: помещиков, государства, других крестьян. В свою очередь, это становилось причиной бедности крестьянства, отдававшего в среднем половину своего урожая владельцам земли. Как следствие, небогатое российское крестьянство было в значительной степени подвержено революционной пропаганде различных левых сил. Это ярко проявилось в период революционных событий 1905–1907 годов и особенно в период революционных событий 1917 года, когда в основном представители этих малоземельных крестьянских хозяйств уничтожили весь механизм системы землепользования.*

Ключевые слова: *помещичье хозяйство; крестьянское хозяйство; землепользование; аграрная реформа; революция.*

Финансирование*: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Колупаев А. А. Землепользование и система хозяйства в России в начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 199–207. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-199-207.

Поступила в редакцию 12.08.2022 Принята к публикации 09.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Колупаев А. А., 2022

Land USE and the Economy System in Russia at the Beginning of the 20th Century

Andrei A. Kolupaev[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Abstract

Relevance. *This article is an attempt to study the features of land use in Russia at the beginning of the 20th century. Land use and the economic system in Russia during the period under study were the result of a complex centuries-old process of development of the country's agricultural sector.*

The purpose *research is to study the features of the development of land use and the economic system in Russia at the beginning of the XX century.*

Objectives. *The tasks of our scientific research will be formulated as follows: to present an analysis of historical information related to the structure of land use and the economic system in Russia at the beginning of the 20th century; ras-look at the dynamics of the development of land relations in the country.*

Methodology. *The methodological basis of the study was: the principle of historicism; methods of objectivity and scientific character; chronological, historical and comparative approaches research served: the principle of historicism; methods of objectivity and scientific character; chronological, historical and comparative approaches.*

Results *made it possible to draw objective conclusions about the structure and dynamics of the development of the land use system and the economic system in Russia at the beginning of the 20th century.*

Conclusion *Thus, the system of land use in Russia at the beginning of the 20th century was closely connected with the system of land tenure, which was formed over several centuries. The Russian peasantry was in dire need due to its limited land resources. It was forced to rent large areas from other owners: landlords, the state, and other peasants. In turn, this became the cause of the poverty of the peasantry, who gave on average half of their crops to the owners of the land. As a result, the poor Russian peasantry was largely exposed to the revolutionary propaganda of various leftist forces. This was clearly manifested during the revolutionary events of 1905-1907. and especially during the revolutionary events of 1917, when mainly representatives of these small-land peasant farms destroyed the entire mechanism of the land use system.*

Keywords*: landownership; peasant landownership; communal landownership; agrarian reform; land management.*

Funding: *The publication was carried out within the framework of the state task for 2022 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kolupaev A. A. Land USE and the Economy System in Russia at the Beginning .of the 20th Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 199–207. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-199-207.

Received 12.08.2022 Accepted 09.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Изучение особенностей развития поземельных отношений в России в начале XX в. имело важнейшее значение в качестве объяснения происходивших в заявленный период в сельском хозяйстве процессов. В начале XX в. в России аграрный вопрос играл важнейшее значение для всех политических сил. Значительная перенаселенность в деревне Центральной России и, как следствие, недостаточное количество земли у крестьян

вовлекало их в революционные процессы. Царское правительство с помощью Столыпинской аграрной реформы наметило пути выхода российской деревни из кризиса. Однако смерть Столыпина, Первая мировая война и последовавшая за ней революция лишили Россию шанса решения аграрного вопроса мирным путем.

Методология

В современной научно-исторической концепции доминируют конкретно-исторический и хронологический подходы. В настоящее время происходит переоценка концепций исторического развития, формируются объективные модели развития общества. Благодаря этим процессам появилась реальная возможность объективного рассмотрения поземельных отношений в России в начале XX в. В данной статье предпринята попытка с помощью методов объективности и научности, историко-сравнительного и хронологического подходов, а также принципа историзма объективно рассмотреть черты и особенности аграрных отношений в период масштабных преобразований в России.

Результаты и их обсуждение

Важнейшей научной проблемой для понимания аграрного вопроса в России в начале XX в. является рассмотрение комплекса поземельных отношений. Основными препятствиями для развития капитализма в земледелии являлись не только и не столько сами формы землевладения, сколько складывающиеся на их основе конкретно исторические модели землепользования. В. И. Ленин об этом писал следующее: «Земля, на которой хозяйничает современный русский сколько-нибудь состоятельный крестьянин, т. е. такой, который действительно способен превратиться при благоприятном исходе революции в свободного фермера, – эта земля состоит частью из его собственного надела, частью из арендованного надела соседа-общинника, частью, может быть, из долгосрочной аренды у казны, из погодной аренды у помещика, из земли, купленной у банка, и т. д. Капитализм требует того, чтобы все эти различия разрядов отпали, чтобы всякое хозяйство на земле построено было исключительно соответственно новым условиям и требованиям рынка, требованиям агрокультуры» [1, с. 253].

Одной из причин крестьянского малоземелья являлось то, что царское правительство в XIX в. так и не завершило аграрную реформу 1861 г. Реформа, придуманная помещиками и ими же реализуемая, не могла быть проведена в интересах крестьянства. Крестьяне получили лишь личную свободу. Значительная и более плодородная часть земли у крестьян была отрезана. Да и та земля, что все-таки досталась крестьянам, была передана не им лично, а крестьянским общинам.

Население России во второй половине XIX в. – первой четверти XX в. выросло на несколько десятков миллионов человек, подавляющая часть из этих людей были крестьяне. Крестьянство, и без того испытывавшее недостаток земли, к началу XX в. стало испытывать земельный голод. А в это время в стране, где сохранялось дворянское землевладение, рядом с крестьянскими клочками земли располагались крупные земельные владения дворянской знати – латифундии. Часть крестьян еще и в предреформенный период выходили из острой материальной нужды благодаря различного рода промыслам. Другая же часть традиционно обращалась к помещикам, которые также нуждались в крестьянских рабочих руках. Некоторые из них по старинке, как и до реформы, пользовались крестьянским трудом, не внося за него никакой платы. Так и строились эти отношения на протяжении нескольких десятков лет [2, с. 34; 3, с. 45; 4, с. 214–225; 5, с. 30–31]. В. И. Ленин об этом писал следующее: «Нелегко найти в Европе и даже во всем мире страну, где сохранилось в таких чу-

довищных размерах крупное крепостническое землевладение. И самое важное, это-то, что на этих землях ведется только частью капиталистическое хозяйство, т. е. обработка земли наемными рабочими и инвентарем владельца. Большей же частью хозяйство ведется крепостническое, т. е. помещики кабалят крестьян, как было и сто, и триста, и пятьсот лет тому назад, заставляя их крестьянской лошадью, крестьянскими орудиями обрабатывать помещичью землю» [1, с. 254].

Революционные события 1905–1907 гг. стали катализатором масштабных аграрных преобразований. Значительные массы российских крестьян приняли активное участие в революционных событиях в деревне. Это находило выражение в поджогах помещичьих усадеб, в изъятии скота, инвентаря, а главное – земли. Поэтому царское правительство в лице великого реформатора П. А. Столыпина и приняло решение провести масштабную аграрную реформу. В отличие от аграрных преобразований второй половины XIX в. ставка делалась на то, чтобы сделать крестьян собственниками своей земли; создать в стране рыночные механизмы ее купли-продажи. Большое внимание уделялось переселенческой политике крестьян из центральной части страны в малонаселенные регионы: Сибирь, Дальний Восток, Кавказ, Среднюю Азию. Государство пошло на беспрецедентные меры помощи переселенцам: выдача ссуд, оборудование мест временного размещения, медицинских пунктов, дорог, даже строительство специальных вагонов. Всего за годы реформы переселилось более 3 млн человек. Переселенцы основали сотни новых населенных пунктов, излишки хлеба в Сибири составили свыше 100 млн пудов. Сибирские крестьяне-переселенцы накануне Первой мировой войны вывозили в Европу в основном в Англию сливочного масла на более чем 70 млн рублей ежегодно [3, с. 45; 4, с. 214–225; 5, с. 30–31].

Накануне столыпинской аграрной реформы в Центральной России дворянам принадлежало 50 млн десятин земли. Так, по данным отечественной статистики, в 32 губерниях Европейской России за помещиками числилось 9 604 тыс. дес. пашни, из которых в их собственном пользовании находилось 5 191 тыс. дес., остальные 4 413 тыс. дес. пашни сдавались, вероятно, в аренду различным крестьянским собственникам [6, с. 15; 7, с. 44]. Крестьяне, остро нуждавшиеся в местах выпаса для своего скота, арендовали помещичьи сенокосы, пастбища, выгоны, кустарники, лесные площади и неудобные земли. Таким образом, аренда земельных угодий играла огромную роль как в крестьянском, так и в помещичьем хозяйстве [8, с. 76; 9, с. 52]. Здесь наблюдалась следующая закономерность, что чем мельче было помещичье хозяйство, тем больше земли оно сдавало в аренду и наоборот, чем крупнее было хозяйство, тем больше земли оно обрабатывало самостоятельно. Именно в таких крупных помещичьих хозяйствах, так называемых «фабриках зерна и мяса», применялись самые современные на то время методы хозяйствования, сельскохозяйственный инвентарь, появились первые трактора.

Помещики сдавали крестьянам земли в аренду как в долгосрочную, так и погодную. При этом с течением времени все чаще начинает преобладать погодная аренда. Это было связано с изменением цен на сельскохозяйственную продукцию. Поэтому помещики, не желая нести убытки, внимательно следили за конъюнктурой цен и все более придерживались погодной аренды [6, с. 20; 7, с. 45–46; 10, с. 47–49; 11, с. 164, 167].

Со временем стали происходить изменения и в формах аренды. Система отработок или испольная аренда стали заменяться денежной оплатой, такая тенденция носила повсеместный характер. Это свидетельствовало о все более активном проникновении в сельское хозяйство рыночных отношений [6, с. 25; 7,

с. 47; 12, с. 35; 13, с. 150–151; 14, с. 74, 81; 15, с. 56; 16, с. 50].

Вследствие крестьянского малоземелья в Центральной России помещикам было особенно выгодно сдавать свои земли в аренду. Большой спрос среди крестьян на аренду дворянских земель приводил к росту цен и, как следствие, к снижению доходов крестьян [7, с. 49; 17, с. 27; 18, с. 28; 19, с. 75–78]. Как пишет известный исследователь А. Н. Анфимов: «Крестьянин, не имевший возможности использовать труд своей семьи на своем клочке и тем более получить с него достаточное для хозяйства количество продуктов, вынужден был арендовать землю. В этом случае он не только не получал никакой прибыли, но и терпел явный убыток. Другими словами, крестьянин, бравший землю в одногодичную аренду, не только не получал за свой труд минимальной заработной платы, но отдавал в виде арендной платы землевладельцу немалую часть необходимого продукта. Так, если перевести арендную плату в пуды хлеба и сопоставить получаемые цифры с урожайностью крестьянских полей, окажется, что в 1912–1914 гг. крестьяне-арендаторы отдавали землевладельцам, в Курской 56,3% и в Екатеринославской губ. 50,7% урожая» [7, с. 50].

Высокие арендные цены приводили к тому, что некоторые дворянские собственники, не желая самостоятельно вести свое хозяйство, получили возможность иметь стабильно большой доход с земельной ренты. Одним из таких ярких примеров является комплекс имений князей Голицыных, располагавшийся в трех губерниях Центральной России. На примере владений Голицыных мы видим подтверждение наших предыдущих выводов. Так, сдача земли в аренду в период с 1901 по 1911 г. у князей выросла с 15 до 25% [7, с. 52; 20, с. 136–148; 21, с. 57], причем долгосрочная аренда земли сокращалась. За 10 лет она сократилась на 35%, а погодная аренда соответственно неуклонно росла. Эта тенденция сохранялась во всех вотчинах князей. Сдача земли в аренду для князей была настолько выгодна, что все орловские экономии значительно сократили собственное хозяйство, а тамбовские и вовсе отказались от собственной запашки. В этом отношении очень показательно выглядит отрывок из письма помещика Ф. П. Бартенева другому крупному землевладельцу графу Шереметьеву: «Свой посев и связанная с ним администрация, инвентарь, ремонт построек – это такая бочка Данаид, которую не заполнит никакой доход от арендных статей. Прежде всего надо отрешиться от несчастной идеи, выгодной только управляющим, будто раз имеешь землю, то необходимо на ней хозяйничать. Зачем? Разве мы ведем хозяйство ради удовольствия? Нет, несомненно, только для извлечения дохода. Но если хозяйство дохода не дает…, то ясно, что его не надо и вести. Надо перейти на арендную систему, т. е. начать то, чем кончили все крупные землевладельцы Запада, особенно английские» [7, с. 55–56].

Однако не все дворянские собственники отдавали свои земли в аренду крестьянам. Немало было и таких помещиков, которые буквально нашли себя в сельском хозяйстве. Так, например, известный общественный деятель А. Н. Энгельгардт в своих имениях вел образцовое хозяйство, изложив свой опыт в произведении «Письма из деревни». Такие передовые помещики старались выбрать наиболее удобную структуру производства, исходя из особенностей данной местности. Можно с уверенностью сказать, что каждое передовое помещичье хозяйство было уникально. Оно учитывало природу и климат данной местности, составы угодий, рыночную конъюнктуру и многие другие факторы и обстоятельства. Все помещичьи хозяйства занимались полеводством, т.е. выращивали зерновые, кормовые и технические культуры, овощи. Некоторые помещики в своих имениях активно развивали садоводство. Особое значение в экономиях отводилось

животноводству, в основном молочному скотоводству, поэтому многие помещики-рационализаторы большое внимание уделяли породе скота. Это объяснялось и выросшим спросом на продукцию животноводства, что, в свою очередь, обеспечивалось развитием в стране путей сообщения. Часто в усадьбах устраивались масло- и сыродельные заводы. Значительная часть помещиков большое внимание уделяли лесному хозяйству, которое не требовало больших вложений капитала и в то же время давало топливо и столь необходимый в хозяйстве строительный материал. Многие передовые помещики заводили в своих поместьях предприятия по переработке продукции своего хозяйства. Это было очень выгодно в финансовом отношении, а кроме того, переработанная продукция дольше хранилась, ее было гораздо удобнее транспортировать и получать более высокий доход [7, с. 55–56; 22, с. 36–37; 23, с. 34; 24, с. 76].

Ярким примером передового помещика является крупный помещик Тамбовской губернии В. М. Андреевский. Вот что он писал о своей деятельности: «Я – сельский хозяин, не только разорившийся, но и разбогатевший на сельском хозяйстве. Как конторщик я сидел в конторе, проверял счета, ездил по хуторам и волостным правлениям, проводил платежи и расчеты по работам; а как полевой объездчик я наблюдал за пахотой, севом, полкой. И делал все это не как барчук, на полчасика зашедший в ригу и заглянувший на работу, а следя за работами целыми днями, с утра до ночи…» [12, с. 55–56]. И таких усердных хозяев были сотни, вместе со столыпинскими крестьянскими хозяевами они создавали и обеспечивали сельскохозяйственную безопасность дореволюционной России.

Однако грянувшие революционные события 1917 года и последовавшие за ними политические и экономические катаклизмы самым негативным образом отразились на помещичьем и крестьянском хозяйстве. Первое было полностью уничтожено, второе поставлено на грань своего существования экономическими мероприятиями большевиков.

Выводы

Таким образом, система землепользования в России в начале XX в. представляла собой сложный экономический механизм, сложившийся в условиях острого крестьянского малоземелья. Он являлся наследником крестьянской реформы 1861 г., когда помещикам, как авторам и реализаторам реформы, удалось в значительной степени лишить земли ее основных производителей – крестьян, в результате чего в большинстве своем многодетные крестьянские семьи, находясь в условиях острой социальной нужды, арендовали на кабальных условиях землю у различных ее владельцев. Царское правительство в рамках Столыпинской аграрной реформы предприняло меры по разрешению этого острого социального кризиса и наметило пути по его успешному решению. Однако революционные события 1917 г. свели на нет все эти меры и уже проявившиеся первые успешные результаты. К сожалению, в революционном огне погибли все помещичьи хозяйства, а крестьянское хозяйство зашло в тупик благодаря проводимой большевиками политики продразверстки.

Список литературы

1. Ленин В. И. Аграрная программа // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1967. Т. 13.

2. Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 431 с.

3. Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. М.: Изд-во МГУ, 1973. 335 с.

4. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.

5. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 → 1917–1922 гг.: [пер. с англ.]. М.: Весь мир, 1997. 560 с.

6. Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 207 с.

7. Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны 1914 – февраль 1917 г. М.: Изд-во социально-экон. лит., 1962. 382 с.

8. Островский А. В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб. Полторак, 2013. 416 с.

9. Островский А. В. Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Полторак, 2014. 441 с.

10. Сельскохозяйственный обзор Рязанской губернии за 1908 год. Вып. 1. Владимир: Ряз. губ. земская управа, 1908. 64 с.

11. Тюкавкин В. Г. Аграрное перенаселение в России в эпоху империализма // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Таллин: АН ЭССР, 1986. С. 214–225.

12. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М.: Наука, 1969. 396 с.

13. Материалы по подворному обследованию животноводства в Тамбовской губернии в 1912 году. Тамбов: Тип. Губернского земства, 1913. 116 с.

14. Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1913 год / Стат. отд-ние Казанской губ. Земской управы. Казань, 1914.

15. Отчет Государственного дворянского земельного банка за 1915 год. Пг., 1916

16. Отчет Государственного дворянского земельного банка за 1916 год. Пг., 1918.

17. Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992. 256 с.

18. Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 320 с.

19. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. По 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ. М., 1923. Т. 5. Вып. 2.

20. Есиков С. А. Воздействие Первой мировой войны на сельское хозяйство // Гуманитарные науки: проблемы и решения: сборник научных статей / под ред. А. А. Слезина. М.; Тамбов: ООО «Центр-пресс»; ООО «ВИП-ГРАФ», 2009. Вып. VI. С. 136–148.

21. Щагин Э. М. Воздействие Первой мировой войны на народное хозяйство России // Россия в мировых войнах XX века: материалы научной конференции / под ред. А. В. Лубкова. М.: Изд-во МГПУ, 2002. С. 27–35.

22. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). Новые подсчёты и оценки: [пер. с англ.]. М.: РОССПЭН, 2003. 254 с.

23. Крестьянское движение в России в 1901–1904 годах: сборник документов / отв. ред. А. М. Анфимов М.: Наука, 1998. 368 с.

24. Крестьянское движение в России. Июнь 1907 – Июнь 1914: сборник документов / ред. А. В. Шапкарин. М.; Л.: Наука, 1966. 676 с.

References

1. Lenin V. I. Agrarnaya programma [Agrarian program]. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. 5th ed. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1967, vol. 13.

2. Ostrovskij A. V. Rossijskaya derevnya na istoricheskom pereput'e. Konec XIX – nachalo XX v. [A Russian village at a historical crossroads. The end of the XIX – beginning of the XX century]. Moscow, Tovarishchestvo nauchnyh izdanij KMK Publ., 2016. 431 p.

3. Sidel'nikov S. M. Agrarnaya reforma Stolypina [A Russian village at a historical crossroads. The end of the XIX – beginning of the XX century]. Moscow, Izd-vo MGU, 1973. 335 p.

4. Tyukavkin V. G. Velikorusskoe krest'yanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma [The Great Russian Peasantry and Stolypin Agrarian Reform]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoj mysli Publ., 2001. 304 p.

5. Shanin T. Revolyuciya kak moment istiny. 1905–1907 → 1917–1922 gg. [Revolution as a Moment of Truth. 1905–1907 → 1917–1922]. Moscow, Ves' mir Publ., 1997. 560 p.

6. Anfimov A. M. Zemel'naya arenda v Rossii v nachale XX veka [Land lease in Russia at the beginning of the XX century]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1961. 207 p.

7. Anfimov A. M. Rossijskaya derevnya v gody Pervoj mirovoj vojny 1914 – fevral' 1917 g. [Russian village during the First World War 1914 – February 1917]. Moscow, Izd-vo social'no-ekon. lit., 1962. 382 p.

8. Ostrovskij A. V. Zernovoe proizvodstvo Evropejskoj Rossii v konce XIX – nachale XX v. [Grain production in European Russia in the late XIX – early XX century]. St. Petersburg, Poltorak Publ., 2013. 416 p.

9. Ostrovskij A. V. Zhivotnovodstvo Evropejskoj Rossii v konce XIX – nachale XX vv. [Animal husbandry in European Russia in the late XIX – early XX centuries]. St. Petersburg, Poltorak Publ., 2014. 441 p.

10. Sel'skohozyajstvennyj obzor Ryazanskoj gubernii za 1908 god [Agricultural survey of Ryazan province for 1908], is. 1. Vladimir, Ryaz. gub. zemskaya uprava, 1908. 64 p.

11. Tyukavkin V. G. Agrarnoe perenaselenie v Rossii v epohu imperializma [Agrarian overpopulation in Russia in the era of imperialism]. Social'no-demograficheskie processy v rossijskoj derevne (XVI – nachalo XX v.) [Socio-demographic processes in the Russian countryside (XVI – early XX century)]. Tallin, AN ESSR Publ., 1986, pp. 214–225.

12. Anfimov A. M. Krupnoe pomeshchich'e hozyajstvo Evropejskoj Rossii (konec XIX – nachalo XX veka) [Large landlord economy of European Russia (late XIX – early XX century)]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 396 p.

13. Materialy po podvornomu obsledovaniyu zhivotnovodstva v Tambovskoj gubernii v 1912 godu [Materials on the farmstead survey of livestock in the Tambov province in 1912]. Tambov, Tip. Gubernskogo zemstva 1913. 116 p.

14. Sel'skohozyajstvennyj obzor Kazanskoj gubernii za 1913 god [Agricultural survey of Kazan province for 1913]. Kazan', Stat. otd-nie Kazanskoj gub. zemskoj upravy, 1914.

15. Otchet Gosudarstvennogo dvoryanskogo zemel'nogo banka za 1915 god [Report of the State Noble Land Bank for 1915]. Petrograd, 1916.

16. Otchet Gosudarstvennogo dvoryanskogo zemel'nogo banka za 1916 god [Report of the State Noble Land Bank for 1916]. Petrograd, 1918.

17. Zyryanov P. N. Krest'yanskaya obshchina Evropejskoj Rossii v 1907–1914 gg. [The peasant community of European Russia in 1907-1914]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 256 p.

18. Koconis Ya. Kak krest'yan delali otstalymi [How the peasants were made backward]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 320 p.

19. Pouezdnye itogi Vserossijskoj sel'skohozyajstvennoj perepisi 1917 g. Po 57 guberniyam i oblastyam [District results of the All - Russian Agricultural Census of 1917 For 57 provinces and regions]. *Trudy CSU = Proceedings of the CSU*. Moscow, 1923, vol. 5, is. 2.

20. Esikov S. A. [The impact of the First World War on agriculture]. *Gumanitarnye nauki: problemy i resheniya. Sbornik nauchnyh statej* [Humanities: problems and solutions. Collection

of scientific articles]; ed. by A. A. Slezina. Moscow, Tambov, OOO "Centr-press" Publ., OOO "VIP-GRAF" Publ., 2009, is. VI, pp. 136–148. (In Russ.)

21. Shchagin E. M. [The impact of the First World War on the national economy of Russia]. *Rossiya v mirovyh vojnah XX veka. Materialy nauchnoj konferencii* [Russia in the World Wars of the XX century. Materials of the scientific conference]; ed. by A. V. Lubkov. Moscow, MGPU Publ., 2002, pp. 27–35. (In Russ.)

22. Gregori P. Ekonomicheskij rost Rossijskoj imperii (konec XIX – nachalo XX vv.). Novye podschyoty i ocenki [Economic growth of the Russian Empire (late XIX – early XX centuries). New calculations and estimates]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 254 p.

23. Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1901–1904 godah. Sbornik dokumentov [The peasant movement in Russia in 1901-1904. Collection of documents]; ed. by A. M. Anfimov. Moscow, Nauka Publ., 1998. 368 p.

24. Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii. Iyun' 1907 – Iyun' 1914. Sbornik dokumentov [The peasant movement in Russia. June 1907 – June 1914. Collection of documents]; ed. by A. V. Shapkarin. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 676 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Колупаев Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430

Andrej A. Kolupaev, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor of the Department of Social and Cultural of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-208-215

(cc) BY 4.0

О реализации задач инспектирования школьных учреждений России в 1921–1923 годы (на примере Курской губернии)

М. В. Соловьянова[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: solo_sks@mail.ru

Резюме

Актуальность *статьи вытекает из важности качественного исследования задач инспекционных проверок школ в советской России, которые использовались государством в качестве контроля над процессом построения новой школы. Спустя столетие, задачи инспектирования имеют схожую направленность. К тому же инспекционно-контрольная деятельность в школах Курского региона практически не изучена, что усиливает актуальность представленного материала.*

Целью *статьи является определение задач инспектирования школ в России в 1921–1923 годах на примере Курской губернии.*

Задачи *статьи вытекают из поставленной цели и состоят в том, чтобы: определить сроки создания советского инспекционного аппарата школ; сформулировать задачи инспекции советской школы; указать на специфику инспектирования школьных учреждений в уездах Курской губернии.*

Методология *статьи базируется на принципах историзма, объективности и системности, которые дополнены специальными методами, к числу которых относятся историко-правовой, историко-сравнительный и историко-типологический.*

Результат. *После установления советской власти в России формируется новая образовательная доктрина. Контроль над ее воплощением в школах осуществлял инспекторский аппарат. Он строился на новых принципах. Перед инспекторами стояли задачи, связанные с контролем выполнения указаний новой власти в сфере народного образования. Подготовка инспекторов проходила на специальных курсах, но главным профессиональным критерием инспектора являлось принятие и распространение идеологии государственной власти.*

В Курском регионе в 1923 году инспекторский аппарат уже активно осуществлял свою деятельность. Важным направлением контроля было исполнение в школьных учреждениях декретов, постановлений и распоряжений по народному просвещению. На основании отчетов инспекторов разрабатывались новые директивы.

Выводы. *Смена государственно-политической системы в России предопределила коренные изменения в системе образования, которые контролировались специально созданной инспекцией. Система образования строилась на отличных от «старой» школы принципах. Целью советской власти являлось построение трудовой школы и, как следствие, соответствие учебного и воспитательного процесса принципам трудовой школы. Инспекторский аппарат, контролирующий внедрение идеологических принципов власти, являлся надзорным органом и связующим элементом между учебными заведениями и отделами народного образования.*

Ключевые слова*: народное образование; советская власть; советская инспекция; инспекторский аппарат; инспекторский контроль; новая школа.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Соловьянова М. В. О реализации задач инспектирования школьных учреждений России в 1921–1923 годы (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 208–215. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-208-215.

Поступила в редакцию 15.08.2022 Принята к публикации 12.09.2022 Опубликована 12.10.2022

© Соловьянова М. В., 2022

On the Implementation of the Tasks of Inspecting School Institutions in Russia in 1921–1923 (on the Example of Kursk Province)

Marina V. Solovyanova[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: solo_sks@mail.ru)

Abstract

The relevance *of the article stems from the importance of a qualitative study of the tasks of inspection inspections of schools in Soviet Russia, which was used by the state as a control over the process of building a new school. A century later, inspection tasks have a similar focus. In addition, the inspection and control activities in the schools of the Kursk region in the first revolutions and the civil War have not been studied, which increases the relevance of the presented material.*

The purpose *of the article is to define the tasks of inspecting schools in Russia in 1921-1923.*

The objectives *of the article follow from the goal and are to: to determine the timing of the creation of the Soviet inspection apparatus of schools; to formulate the tasks of the inspection of the Soviet school; to indicate the specifics of the inspection of school institutions in the counties of the Kursk province.*

The methodology *of the article is based on the principles of historicism, objectivity and consistency, which are supplemented by special methods, which include historical-legal, historical-comparative and historical-typological.*

Result*. After the establishment of Soviet power in Russia, a new educational doctrine is being formed. Control over its implementation in schools was carried out by the inspection apparatus. It was built on new principles. The inspectors were faced with tasks related to monitoring the implementation of the instructions of the new government in the field of public education. The inspectors were trained in special courses, but the main professional criterion of the inspector was the acceptance and dissemination of the ideology of state power.*

In the Kursk region, the process of creating an inspection apparatus was completed in 1923, but a thorough study of schools in the outback began in 1924. An important area of control was the execution in school institutions of decrees, resolutions and orders of the Central Executive Committee and the SNK on public education. Based on the inspectors' reports, new directives were developed.

Conclusions. *The change of the state-political system in Russia predetermined fundamental changes in the education system, which were controlled by a specially created inspectorate. The education system was based on principles different from the "old" school. The goal of the Soviet government was to build a labor school and, as a result, the conformity of the educational and educational process with the principles of the labor school. The inspection apparatus, which controls the implementation of the ideological principles of power, was a supervisory body and a connecting element between educational institutions and public education departments.*

Keywords*: public education; Soviet government; Soviet inspection; inspection apparatus; inspection control, new school.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Solovyanova M. V. On the Implementation of the Tasks of Inspecting School Institutions in Russia in 1921–1923 (on the Example of Kursk Province). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(5): 208–215. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-208-215.

Received 15.08.2022 Accepted 12.09.2022 Published 12.10.2022

***

Введение

Советское инспектирование в системе народного образования начало формироваться в 1921 г. Должность инспектора входила в состав административного управления и существовала наравне с со-

зданным ранее инструкторским аппаратом [1, с. 17].

Формирование инспекторского аппарата проходило постепенно, но к концу 1923 г. в целом было уже завершено [1, с. 18]. Организацию инспекторского аппарата определяло Положение об инспекции народного просвещения [2, с. 55–56].

Таким образом, в 1923 г. советский инспекторский аппарат уже имел организационно-правовое оформление.

Достижения проделанной работы созданной инспекции народного просвещения были подведены в декабре 1923 г. на I-й Всероссийской конференции инспекторов. На конференции четко определялись компетенции инспекторов, ставился вопрос о закреплении инспекторов за конкретными уездами, говорилось о повышении квалификации инспекторского аппарата. В итоге был разработан целый ряд инструкций, которые регулировали деятельность центральных [2, с. 57–59], губернских [2, с. 60–62] и уездных инспекторов [2, с. 62–64].

Таким образом, с одной стороны, провозглашалось самоуправление, а с другой – вся деятельность учебных учреждений находилась под полным контролем Наркомпроса, в частности при помощи инспектуры [3, с. 41–42].

Методология

Методология статьи базируется на принципах историзма, объективности и системности, которые дополнены специальными методами, к числу которых относятся историко-правовой, историко-сравнительный и историко-типологический. Принцип историзма позволил представить задачи инспектирования, исходя из условий послереволюционного и послевоенного времени; принцип объективности дал возможность осветить материал беспристрастно, указывая на положительный опыт и недостатки системы контроля; принцип системности представил основания для рассмотрения инспекции Курского края как элемента «большой» системы контроля в области образования.

Историко-правовой, способствовавший анализу правовой базы, историко-сравнительный, направленный на сопоставление разных периодов в системе инспектирования, и историко-типологический, на основе которого выделены типичные и особенные черты контроля над школами, методы дополнили использованный автором методологический инструментарий.

В совокупности названные методы исследования обеспечили решение поставленных задач.

Результаты и их обсуждение

Базовыми документами по реформированию школьного образования советской школы явились Положение о единой трудовой школе РСФСР и Основные принципы единой трудовой школы РСФСР [4, с. 5]. Трудовое воспитание активно внедрялось в советские школы и являлось обязательной частью обучения [5, с. 42].

Неотъемлемым элементом школьного образования стали инспекционные органы, т. к. «старая» инспекционная система была полностью разрушена. Заметим, что надзорные органы в системе образования Российской империи имели хорошую организацию. В 1900 г. в России постоянные проверки школ вели более трехсот инспекторов. С учреждением различных советских образовательных учреждений появился качественно новый инспекторский аппарат [6, с. 35].

Коренным образом «старые» методы и формы обучения и воспитания сменялись на методы и формы, соответствующие требованиям советской власти [7, с. 43]. Целью советской школы являлось воспитание гражданина в духе идей новой власти [8, л. 4; 9, л. 64–66; 10, л. 46; 11, л. 28]. Таким образом, в обязанность инспектора входил надзор за уничтожением традиций дореволюционной школы и внедрение в систему народного образо-

вания резолюций новой государственной власти [12, с. 13]. Деятельность инспекторов регулировалась Положением об инспекции народного просвещения и различными инструкциями, разработанными новой властью.

Созданию действенной инспектуры курские губернская и уездная партийные организации придавали особое значение. Через инспектуру осуществлялся контроль за состоянием учебной и воспитательной работы в школах, наблюдалась административно-организационная деятельность органов и учреждений по народному просвещению, контролировалось выполнением декретов, постановлений и распоряжений по народному просвещению [2, с. 55–56].

Инспектор в системе народного образования являлся должностным лицом. На должность инспектора назначали опытных учителей, директоров школ. Основной задачей инспектора являлся контроль за выполнением постановлений партии в области народного образования.

Должности инспекторов были введены в каждом уоно (уездный отдел народного образования). В Курской губернии было назначено по два инспектора школ на каждый уезд. Позже, в связи с затруднительным материальным положением, остался только один инспектор на каждый уезд по всем видам учебно-воспитательной и политико-просветительной работы [13, л. 64].

Огромные территории уездов требовали от инспекторов усердной работы [9, л. 83–92].

Чтобы инспекторы были в курсе всех событий и отвечали идеологическим требованиям советской власти, партийные организации проводили постоянную работу с ними. Регулярно проходили съезды инспекторов, организовывались совещания (плановые и экстренные). На съездах рассматривались основные организационно-методические вопросы в области народного образования, устанавливалось единое направление в работе, анализировалось состояние дела народного просвещения в губернии. Так, в Резолюции I Всероссийской конференции инспекторов народного просвещения указывалось на определение более четкого содержания работы инспекторов, их закрепление за конкретными районами, повышение эффективности их деятельности и др. [14, с. 15–16] Инспекторы входили в губернские и уездные методические бюро в качестве членов, которые выступали с докладами, в прениях, намечали планы работы методического бюро. Кроме этого, инспекторы являлись членами педагогической секции Курского общества «Краеведения» и активно участвовали в переподготовке работников просвещения.

Плодотворная работа инспектуры давала возможность регулярно проводить детальные обследования школ различных уездов. В 1921 г. на заседаниях президиума губкома РКП (б) было рассмотрено множество вопросов, касающихся работы учителей и школ в целом [15, л. 7–12].

В целом в 1923 г. Курской губернской инспекцией обследовано более трехсот учреждений. Уездные инспекторы посетили грайворонские, рыльские, льговские, щигровские школы [16, л.32]. Инспекторы присылали обстоятельные доклады о работе, проделанной школами, а также школами глухонемых, морально-дефективных подростков, обеспечивая тем самым взаимодействие между школами и органами народного образования [16, л. 7].

В силу того, что контролирующий аппарат находился в стадии формирования, наблюдалось еще множество недоработок, которые обсуждались на съездах губоно. Так, на Всероссийском съезде губоно А. В. Луначарский в докладе «Пути к укреплению материального базиса народного образования» отмечал, что «инспектора являются глазами Наркомпроса», но в плане контроля Наркомпрос остается еще слабым центром, который «даже в смысле дачи во время совета оставляет желать многого». Луначарский

ставил вопросы о недопустимости существования разногласий в Наркомпросе и поднятии его авторитета. Таким образом, требовалось усиление деятельности Наркомпроса. Также Луначарский поднял вопросы о расширении прав Центра, о полном контроле образования инспекторами, об усилении связи инспекторов и Центра, о налаживании постоянной переписки Центра и инспекторов, о создании профессионального инспекторского аппарата [17, с. 9]. Луначарский отмечал важность решения вопросов просвещения и необходимости постановки дела народного образования в центр внимания. Также определялась ведущая роль регулярных съездов инспекторов, сбор информации, выработка новых директив. Рассматривалось дальнейшее развитие инспекторского аппарата, в том числе и развитие курсов инспекторов. С докладами на съезде выступили Н. К. Крупская, М. П. Вейнгров и др.

Работа губинспекции систематически планировалась. Календарные планы составлялись в соответствии с планами работы уездной инспекции. Обычно календарный план разрабатывался на полгода. Например, по календарному плану с 1 марта по 1 сентября уездинспекторы должны посещать, по возможности, учреждения в городе и уезде, начав с наиболее отдаленных, никем не посещенных в текущем учебном году, и закончив городскими во второй половине мая. С конца мая и до половины июля по календарному плану уездинспекторы организуют уездные курсы всех работников просвещения в целях поднятия их политической, общеобразовательной и педагогической квалификации, составляют списки подлежащих приобретению учебников, учебных руководств и пособий на будущий учебный год, а также для создания или пополнения уездной педагогической библиотеки, участвуют в составлении сети по введению всеобщего обучения. Также инспекторы принимают участие в организации кампании по ремонту школьных зданий и заготовке топлива [18, с. 274]. По итогам работы инспекторы составляли отчет о состоянии дела народного образования в уезде.

Календарными планами предусматривалось повторное посещение учебных заведений. Так, губинспекторы в марте, апреле и мае были обязаны второй раз посетить уезды своих районов. Отмечалось пофамильное закрепление уездов за инспекторами. Например, инспектор Кулабухов должен второй раз посетить Белгородский, Курский, Тимский уезды и город Курск; инспектор Яньшин – Дмитриевский, Фатежский, Льговский и Щигровский; Курдюмов – Корочанский, Обоянский; Кулагин – Грайворонский, Путивльский, Рыльский и Суджанский [19, л. 41–42]. В календарных планах определялись основные моменты, на которые инспектор должен был обратить внимание при ревизии: применение новых методов обучения, устройство летней школы, ведение описи инвентаря, прикрепление школ к предприятиям, помощь шефов и отношение местного населения, предстоящий необходимый ремонт здания, оборудования и надворных построек, снабжение школ отоплением и освещением, санитарно-гигиеническое состояние школы и медицинский осмотр учащихся, обеспечение сельской школы земельным участком и др.

Сверх того, инспекторы участвовали в проведении сокращения штатов уоно, определяли соответствие служащих своему назначению, выясняли материальное положение, источники средств и расходование их по назначению. Таким образом, деятельность инспекторов четко определялась календарным планом и включала в себя контроль практически по всем организационным и учебным вопросам учебных заведений.

Инспектор проверял выполнение учебных программ, знания учащихся, материальное состояние учреждения, книгообеспечение учебного процесса, взаимоотношения школы и семьи, анализиро-

вал внеклассную работу и т.д. Много внимания уделялось профессиональным качествам учителя, которые обсуждались на методических заседаниях бюро [20, л. 165]. Также создавались схемы-конспекты планомерного проведения переподготовки преподавателей [21, л. 180].

Распространение советских идей являлось неотъемлемой частью в деятельности инспектора. Таким образом, инспекторы выступали с докладами по вопросам политической грамотности в образовательных учреждениях, в сельсоветах, в клубах и т.д. [22, л. 3]

Выводы

Несмотря на существующие еще недостатки в деятельности инспекторского аппарата, сформированная надзорная структура имела и ряд положительных моментов. Инспекторский аппарат исполнял свое главное предназначение – надзор за выполнением поставленных действующей властью задач в системе народного образования. При помощи инспекторов государственная власть активно внедряла созданные ею принципы народного образования, контролировала соблюдение данных принципов, а также оказывала помощь в образовательном процессе школ, в повышении квалификации преподавательского состава, в создании материальной базы. Таким образом, контролируя учебную, методическую, хозяйственную и административную деятельность учреждений просвещения при помощи инспекторов, новая власть активно осуществляла воспитание будущего советского гражданина в рамках существующей идеологии. Принципы построения трудовой школы активно внедрялись в учреждения народного образования. Созданный инспекторский аппарат, осуществляя надзор за исполнением задач советской власти в народном образовании, обеспечивал развитие и укрепление новой советской школы.

Список литература

1. Контроль и надзор в сфере образования: монография / Г. Т. Алимов, Н. М. Ладнушкина, Д. А. Пашенцев, С. И. Фёклин. М.: Книгодел, 2020. 184 с.

2. Еженедельник Народного комиссариата просвещения. 1924. № 1 (22).

3. Крупская Н. К. На третьем фронте: статьи и речи. Ч. 1: Социальное воспитание детей и подростков. М.: Работник просвещения, 1927. 156 с.

4. Богуславский М. В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 5–22.

5. Филиппова Л. Г. Проблемы трудового воспитания в современной школе // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 3(18). С. 41–43.

6. Летние занятия в трудовой школе // Народное просвещение. 1921. № 1. С. 13.

7. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, 1917–1941 гг. / [Н. П. Кузин, Ф. Ф. Королев, З. И. Равкин и др.]; отв. ред. Н. П. Кузин [и др.]. М.: Педагогика, 1980. 456 с.

8. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-309. Оп. 2. Д. 14.

9. ГАГО. Ф. Р-309. Оп. 2. Д. 47.

10. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 2. Д. 70.

11. ГАКО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 50.

12. Практика правоприменения образовательного законодательства в профессиональных образовательных организациях в свете реализации Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: материалы городской научно-практической конференции ГБОУ ВО МГПУ / сост. С. И. Фёклин. М.: Книгодел, 2015. 80 с.

13. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 5. Д. 51.

14. Резолюция I Всероссийской конференции инспекторов народного просвещения «По основным докладам НКП о задачах и методах инспекторской работы» [декабрь 1923 года] // Еженедельник Народного комиссариата просвещения. 1924. № 1 (22). С. 15–16.

15. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории). Ф. 65. Оп. 1. Д. 305.

16. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 5. 1924 г. Д. 51.

17. Луначарский А. В. Пути к укреплению материального базиса народного образования // Народное просвещение. 1922. № 98. С. 9.

18. Соловьянова М. В. Становление единой трудовой школы в России в 1918–1922 годы (по материалам Государственного архива Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 274–282.

19. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 5. 1922 г. Д. 153.

20. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 6. Д. 51.

21. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 5. 1923 г. Д. 51.

22. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 5. Д. 56.

References

1. Alimov G. T., Ladnushkina N. M., Pashencev D. A., Fyoklin S. I. Kontrol' i nadzor v sfere obrazovaniya [Control and supervision in the field of education]. Moscow, Knigodel Publ., 2020. 184 p.

2. *Ezhenedel'nik Narodnogo komissariata prosveshcheniya = Weekly of the People 's Commissariat of Education*, 1924, no. 1 (22).

3. Krupskaya N. K. Na tret'em fronte: stat'i i rechi. Pt. 1: Social'noe vospitanie detej i podrostkov [On the third front: articles and speeches. Part 1: Social education of children and adolescents]. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya Publ., 1927. 156 p.

4. Boguslavskij M. V. Reformy rossijskogo obrazovaniya XIX–XX vv. kak global'nyj proekt [Reforms of Russian education of the XIX–XX centuries. as a global project]. *Voprosy obrazovaniya = Education issues*, 2006, no. 3, pp. 5–22.

5. Filippova L. G. Problemy trudovogo vospitaniya v sovremennoj shkole [Problems of labor education in a modern school]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Mari State University*, 2015, no. 3(18), pp. 41–43.

6. Letnie zanyatiya v trudovoj shkole) [Summer classes at a labor school)]. *Narodnoe prosveshchenie = National Enlightenment*, 1921, no. 1, pp. 13.

7. Kuzin N. P., Korolev F. F., Ravkin Z. I., eds. Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoj mysli narodov SSSR, 1917–1941 gg. [Essays on the history of the school and pedagogical thought of the peoples of the USSR, 1917-1941]; ed. by N. P. Kuzin, eds. Moscow, Pedagogika Publ., 1980. 456 p.

8. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-309, op. 2, d. 14.

9. GAKO, f. R-309, op. 2, d. 47.

10. GAKO, f. R-309, op. 2, d. 70.

11. GAKO, f. R-310, op. 1, d. 50.

12. Praktika pravoprimeneniya obrazovatel'nogo zakonodatel'stva v professional'nyh obrazovatel'nyh organizaciyah v svete realizacii Federal'nogo zakona "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii". Materialy gorodskoj nauchno-prakticheskoj konferencii GBOU VO MGPU [The practice of law enforcement of educational legislation in professional educational organizations in the light of the implementation of the Federal Law "On Education in the Russian Federation".

Materials of the city scientific and practical conference of GBOU IN the Moscow State Pedagogical University]; ed. by S. I. Fyoklin. Moscow, Knigodel Publ., 2015. 80 p.

13. GAKO, f. R-309, op. 5, d. 51,

14. Rezolyuciya I Vserossijskoj konferencii inspektorov narodnogo prosveshcheniya "Po osnovnym dokladam NKP o zadachah i metodah inspektorskoj raboty" [dekabr' 1923 goda] [Resolution of the I All-Russian Conference of Inspectors of Public Education "On the main reports of the NCP on the tasks and methods of inspection work" [December 1923]. *Ezhenedel'nik Narodnogo komissariata prosveshcheniya = Weekly of the People's Commissariat of Education*, 1924, no. 1 (22), pp. 15–16.

15. GAOPIKO (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorij) [State Archive of Socio-Political History], f. 65, op. 1, d. 305.

16. GAKO, f. R-309, op. 5. 1924 g., d. 51.

17. Lunacharskij A. V. Puti k ukrepleniyu material'nogo bazisa narodnogo obrazovaniya [Ways to strengthen the material basis of public education]. *Narodnoe prosveshchenie = Public education*, 1922, no. 98, P. 9.

18. Solov'yanova M. V. Stanovlenie edinoj trudovoj shkoly v Rossii v 1918–1922 gody (po materialam Gosudarstvennogo arhiva Kurskoj oblasti) [The formation of a unified labor school in Russia in 1918-1922 (based on the materials of the State Archive of the Kursk region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 274.

19. GAKO, f. R-309, op. 5. 1922 g., d. 153.

20. GAKO, f. R-309, op. 6, d. 51.

21. GAKO, f. R-309, op. 5. 1923 g., d. 51.

22. GAKO, f. R-309, op. 5, d. 56.

Информация об авторе / Information about the Author

Соловьянова Марина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: solo_sks@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4136-7066

Marina V. Solovyanova, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor of the Department of History and Sociocultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: solo_sks@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4136-7066

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

> УДК 004.9:519.8
>
> **Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия**
>
> **А.Л. Иванов**[1] ✉
>
> [1]Юго-Западный государственный университет
> ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация
>
> ✉ e-mail: ivanov@gmail.com
>
> **Актуальность**. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.
> ...
>
> **Ключевые слова:** агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/**